

ISSN 2336-2642

Paradigmata poznání

№ 3, 2015

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie),
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaev
Ph.D., (kandidát věd v oboru filosofie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko);
Ing. **F. Bušina**, Ph.D., MBA (doktor v oboru ekonomie – Kolín, Česká republika);
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko);
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko);
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika);
doc. **M. Kamp**, PhD (doktor v oboru historie – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika);
prof. **N. G. Khayrulina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko);
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika);
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko);
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko);
prof. PhDr. **J. Lid'ák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kolín, Česká republika);
prof. **N. V. Mit'jukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko);
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika);
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika);
M. Szuppe, PhD. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie);
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko);
RNDr. **P. Zamarovský**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika).

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání»
publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

Časopis je indexována podle:
Electronic Research Library (Russiaia),
Research Bible (China),
Scientific Indexing Services (USA),
Cite Factor (Canada).

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2015.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2015.

ISSN 2336-2642

Paradigms of knowledge

№ 3, 2015

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy editor – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy)

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia);
Ing. **F. Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Kolin, Czech Republic);
assistant professor. **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia);
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland);
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic);
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic);
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia);
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic);
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia);
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia);
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic);
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia);
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kolin, Czech Republic);
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic);
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France);
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

The journal is indexed by:
Electronic Research Library (Russia),
Research Bible (China),
Scientific Indexing Services (USA),
Cite Factor (Canada).

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2015.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2015.

OBSAH

SLOVO REDAKTORA	11
-----------------------	----

Teorie a analýza

FILOZOFICKÉ VĚDY

Beresneva N. I., Beresnev V. D.

Subjectivism in artistic consciousness	13
--	----

Makukhin P. G.

To the question of finding the common Slavic roots of “Russian cosmism”: an invitation to a dialogue.....	21
--	----

Ядута Л. И.

Метаархеология	26
----------------------	----

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Кононенко О. И.

Аналоги перфекционизма личности как глобального личностного конструкта.....	36
--	----

Empirický a aplikovaný výzkum

CHEMICKÉ VĚDY

Колдаев В. М.

Спектры поглощения спиртовых экстрактов из зеленых листьев.....	42
---	----

EKONOMIE

Черногор И. А.

Анализ антикризисного плана развития России на 2015 год.....	46
--	----

FILOZOFICKÉ VĚDY

Кузьмина Г. П.

Информационный язык как средство общения во всемирной паутине.....	50
---	----

FILOLOGICKÉ VĚDY

- Полищук С. С.**
Зернобобовые культуры в подольских говорах средненадбужского ареала.....56
- Вершинина Т. С., Кочева О. Л.**
Влияние городского дискурсивного ландшафта
на самочувствие жителей мегаполиса63
- Корепина Н. А.**
Собственно эмфатическое «сам».....68
- Омонов К. Ш.**
Типы деловых документов в истории старотюркского
литературного языка..... 71

GEOGRAFICKÉ VĚDY

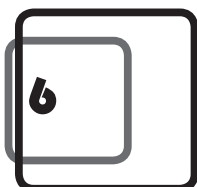
- Сухова М. Г., Журавлева О. В., Баранов А. Ю., Никольченко Ю. Н.**
Шумовое загрязнение и меры по его снижению
на территории города Горно-Алтайска 75

PRÁVNÍ VĚDY

- Брыжинская Г. В., Галыгина Т. Ю.**
Переговоры как эффективный способ разрешения споров..... 80
- Худойкина Т. В., Колесникова М. А.**
Институт медиации в России и проблемы его реализации83
- Худойкина Т. В., Кочнев А. С.**
Мировое соглашение в урегулировании юридического конфликта86

PEDAGOGICKÉ VĚDY

- Mussabayeva V. Kh., Mussabayeva M. O.**
Reformation of the higher educational system of Kazakhstan.....90
- Шемаев С. А.**
Тенденции сближения образовательных программ подготовки кадров
для библиотек, музеев и архивов94
- Табуева И. Н.**
Проблемный метод обучения как один из активных методов обучения
иностранному языку в неязыковом вузе99
- Панкратова Л. Э.**
«Лишенные детства»: новые тенденции в воспитательной практике 103
- Стерхов А. А.**
Фактор оценки обучающихся в условиях внедрения ФГОС..... 107

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Волкова Е. В., Амплеев А. К., Уткин Ю. А., Адмаева С. В.

Особенности табакокурения у врачей психиатров-наркологов г. Пензы 110

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Анненкова Н. В.

Динамика становления личной социальной ответственности студентов 115

Камнева Е. В.

Взаимосвязь механизмов совладания со стрессом
и личностных свойств студентов 118

SOCIÁLNÍ VĚDY

Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Короленко А. В.

Ожидаемая продолжительность жизни в России
как индикатор общественного здоровья 122

Akademičký život

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2015 году 130

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 131

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 132

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF11

Theory and Analysis

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Beresneva N. I., Beresnev V. D.

Subjectivism in artistic consciousness 13

Makukhin P. G.

To the question of finding the common Slavic roots of “Russian cosmism”:
an invitation to a dialogue..... 21

Yaduta L. I.

Meta-archeology.....26

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Kononenko O. I.

The analogs perfectionism of the person as global personal constructs.....36

Empirical and applied research

CHEMICAL SCIENCES

Koldaev V. M.

The absorption spectrums of ethanol extracts from green leafs42

ECONOMICS

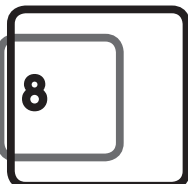
Chernogor I. A.

The analysis of the anti-crisis plan of development of Russia for 201546

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Kuzmina G. P.

The information language as the mean of communication
in worldwide WEB.....50

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Polishuk S. S.**
Grain legume crops in the Podillian dialects of the middle bug area.....56
- Vershinina T. S., Kocheva O. L.**
Impact of urban discourse landscape on the social well-being
of the urban residents.....63
- Korepina N. A.**
Properly emphatic «(one)self».....68
- Omonov K. Sh.**
Types of business documents in the history of old-turkish literature language..... 71

GEOGRAPHICAL SCIENCES

- Sukhova M. G., Zhuravleva O. V., Baranov A. Y., Nikolchenko Y. N.**
Noise pollution and mitigation measures in the Gorno-Altaiisk..... 75

JURIDICAL SCIENCES

- Bryzhinskaya G. V., Galigina T. U.**
Negotiation is effective way to resolve disputes 80
- Khudoikina T. V., Kolesnikova M. A.**
Institution of mediation in Russia and the problems of its implementation.....83
- Khudoikina T. V., Kochnev A. S.**
Settlement for resolution of legal conflicts86

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Mussabayeva B. Kh., Mussabayeva M. O.**
Reformation of the higher educational system of Kazakhstan..... 90
- Shemaev S. A.**
Trends of convergence educational training programs for libraries,
museums and archives94
- Tabueva I. N.**
Problem-solving teaching as one of the active methods
of foreign language teaching in not language high institution99
- Pankratova L. E.**
«Deprived childhood»: new trends in educational practice..... 103
- Sterkhov A. A.**
Factor of estimation student in the conditions of introduction FSES 107

MEDICAL SCIENCES

Volkova E. V., Ampleev A. K., Utkin Y. A., Admaeva S. V.

Features tobacco smoking in psychiatrist-narcologist in Penza 110

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Annenkova N. V.

Dynamics of formation of the students' personal social responsibility115

Kamneva E. V.

Relationship coping mechanisms and personality traits of students118

SOCIAL SCIENCES

Shabunova A. A., Kalachikova O. N., Korolenko A. V.

Life expectancy in Russia as an indicator of the public health..... 122

Academic life

Plan of international conferences held by the universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015..... 130

Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání» 131

publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 133

2015 год проходит как памятный год для многих событий, ставших поворотными в истории современной цивилизации. Совсем недавно весь мир отмечал 70-летие победы в Великой Отечественной войне, победы не только над полчищами немецких захватчиков, но и над фашизмом как страшным социально-политическим, антигуманным, интолерантным явлением, несшим угрозу и смерть народам.

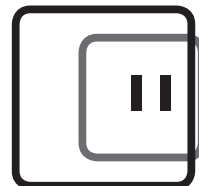
Наряду с прекрасным праздником воинской доблести и силы народного единства в этом году отмечалась траурная дата – столетие геноцида армян в Османской Турции. В ходе этой страшной резни, продолжавшейся несколько лет, погибло более полутора миллионов человек, что является огромной потерей для армянского народа. Горе вошло почти в каждую семью и до сих пор отзывается в сердцах всех армян.

Ещё одна трагическая годовщина этого года – 70 лет с момента атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Эта трагедия моментально унесла жизни более 200 тысяч человек и еще на протяжении долгих лет продолжала убивать и калечить людей посредством развития онкологии и генетических отклонений. Кроме того, люди, пережившие ту атомную атаку и получившие сильнейшую психологическую травму, даже годы спустя продолжают испытывать душевные страдания. Несмотря на меры государственной поддержки, эти японцы, а также их потомки являются изгоями современного общества. Им чаще отказывают в устройстве на работу, с ними не создают семьи из страха, что полученное радиоактивное излу-

чение может быть заразным и передаваться последующим поколениям.

Спустя 70 лет можно подвести итоги. Какой же урок вынес мир из случившейся трагедии? Такое бесчеловечное испытание смертоносного оружия показало не только США, но и другим странам, что угроза ядерного удара является весомым аргументом в политических спорах. И хотя сегодня весь цивилизованный мир понимает, какие фатальные последствия для всего человечества несёт ядерная война, ядерный потенциал мировых держав наращивается с каждым годом. Согласно распространённым данным, в 2013 г. развёрнутых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), развёрнутых баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и развёрнутых тяжёлых бомбардировщиков у США было 809, а у России – 473, боеголовок на развёрнутых МБР, развёрнутых БРПЛ и ядерных боеголовок на развёрнутых тяжёлых бомбардировщиках у США – 1688, а у России – 1400, развёрнутых и неразвёрнутых пусковых установок МБР, развёрнутых и неразвёрнутых пусковых установок БРПЛ, развёрнутых и неразвёрнутых тяжёлых бомбардировщиков у США зафиксировано 1015, а у России – 894.

Можно привести ещё множество цифр, касающихся и других параметров ядерной мощи некоторых государств. И, к сожалению, для кого-то это показатель превосходства и доминирования над другими, но для толерантного, миролюбивого человека ядерная мощь представляет собой сильную угрозу безопасности и стабильности во всём

мире, вызывает сильный страх и глубокую тревогу.

США были первой страной, внедрившей в свой арсенал ядерное вооружение. За прошедшие 70 лет в список ядерных держав вошли СССР (Россия) в 1949 г., Великобритания в 1952, Франция в 1960, Китай в 1964 гг. После десятилетнего перерыва несколько других стран также провели испытания ядерного оружия: Индия (1974), Израиль (1979), Пакистан (1998) и Северная Корея (2006). Стоит отметить, что большинство стран подписали в 1968 г. Договор о нераспространении ядерного оружия, а в 1995 г. продлили его действие на неопределенный срок. Однако 4 «молодые» ядерные державы – Израиль, Индия, Пакистан и КНДР – этот договор не подписали. Кроме того, сегодня многие государства предпринимают усилия по созданию собственного ядерного оружия, а также террористы пытаются завладеть им в своих преступных целях.

Вся неравнодушная часть человечества скорбит по погибшим жителям Хиросимы и Нагасаки и призывает всех здравомыслящих людей помнить об этой трагедии, рассказывать детям, чтобы они – наши будущие поколения – не допустили повторения одно-

го из самых чудовищных преступлений в истории.

Вышеприведенные цифры и их динамика за прошлый век рисуют довольно тревожную картину гуманитарного познания бытия общества, ведь, с одной стороны, XX век был периодом грандиозных открытий и достижений в области естественных и технических наук. И это, несомненно, послужило и служит облегчению жизни людей. Но, с другой стороны, факты доказывают, что расцвет точных и общественно-гуманитарных наук несёт в себе серьезный дисбаланс. Иначе говоря, это означает, что созданные человечеством материальные, технико-технологические ресурсы не были обеспечены соответствующими философскими морально-этическими теориями и концепциями.

С этой точки зрения, мы, учитывая громадную ответственность перед учеными, еще раз хотим обратить их внимание на эту серьезную проблему всех без исключения сфер общественно-гуманитарной науки. Высокая самоотдача, преданность и профессионализм ученых всего мира должны способствовать благополучному заполнению тех пробелов в гуманитарной системе знаний, которые были допущены за последние несколько десятилетий.

И. Г. Дорошина

UDC 165:81

SUBJECTIVISM IN ARTISTIC CONSCIOUSNESS¹

N. I. Beresneva

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,*

V. D. Beresnev

*senior lecturer,
Perm State National Research University,
Perm, Russia*

Summary. Subjectivism has a lot of varieties. Classic subjectivism (George Berkeley, Johann Gottlieb Fichte, Ernst Mach) assumes that the world is the aggregate of sensations. With time the problem of credibility of sensations becomes less important, and signs systems, first of all, the language, come to the fore as the demiurge of an individual's internal world. With the help of the language an individual creates both external and internal world (including sensations themselves). In the culture of XX–XXI centuries subjective idealism on the whole and solipsism in particular have become the metaphor of loneliness, alienation of man from public institutions.

Keywords: subjectivism; argument to sensations; language; text; mind.

The founders of subjective idealism and agnosticism started from the assumption that sensations are the primary reality any individual encounters. Berkeley's classic subjective idealism uses the argument to sensations: the world is locked inside an individual consciousness due to sensations, making it impossible for an individual to go beyond their border, sensations themselves having no external or internal grounds. Sensations are not defined as a substance, but their real cause is viewed as incomprehensible. A human being is born with sensations, and they are not defined.

As time passes, semiotic systems, first of all, the language, take the primary role

in creating the inner world of an individual. With the help of the language an individual shapes both his inner and outer world, including sensations. This approach originates from Wilhelm von Humboldt's theory, who in controversy with G. W. F. Hegel's point about evolution of philosophy as full-based doctrine of Spirit as the quintessence of the world, argued that there is a primordial mediator between subject and object, and between Man, Universe and God, and that is the language. Therefore the process of spiritual self-grounding and self-study primarily takes place in the sphere of *the language*. Language constructions form the initial field for "philosophizing", as they link an individual to his life. Thought cannot embrace purely

¹ Article was supported by the Russian Foundation for Humanities 14-13-59007.

physical “non-language” reality on the same grounds as Kantian reason cannot conceive a thing in itself (“non-language reality” = “a thing in itself”).

Thus, Humboldt introduces the third component in the classic dichotomy “thought – reality”, namely, the language. The new version of subjectivism can be derived from the well-known Humboldt’s idea of language circle: “Every language draws about the people that possesses it a circle whence it is possible to exit only by stepping over at once into the circle of another one. To learn a foreign language should therefore be to acquire a new standpoint in the world-view hitherto possessed, and in fact to a certain extent is so, since every language contains the whole conceptual fabric and mode of presentation of a portion of mankind” [8]. Hence, not only sensations lie between an individual and the world, but also languages. Language is a prison for spirit, an individual is locked inside the language, language prevents going into the outer world. But if a prisoner can leave his jail, a man is not able to get out of the language prison.

The idea of the language system dominance over its users, dictatorship of its rules and impossibility to go beyond it has been developed in the subsequent philosophic studies. For example, in the views of the followers of structuralism, by analogy with the language that generates all products of speech activity, there emerged a concept of a priori unconscious structure similar to the language that generates all products of socio-symbolic and human activities (kinship relations, rituals, forms of art, etc.). All products of sociocultural creativity were viewed as sign constructions, manifestations of some form of language, or texts. A primeval ritual, a scientific treatise and an advertising commercial are compared to speech that consists of meaningful signs. The meaning of a sign arises not by itself, but due to its being incorporated in some system (similar to the language system), and any cultural sign

cannot exist outside this system. Through this “speech” it is possible to get to the “language” structure – systems of signs and symbols. Meanwhile, the structures appear as generating models that determine a researcher’s mode of thinking. So, although a man can have illusions about his freedom and sovereignty, in fact, every cultural phenomenon is based on the Structure similar to a language one; we exist within its framework, it organizes our lives.

Attempts are made to study mechanisms allowing structures to exercise influence. For example, R. Barthes, looking at the innocent at the first sight phenomenon of “writing”, could identify social mechanism of oppression, a powerful institute of compulsion in this way similar to any other social establishment. All products of social language practice, all sociolects developed by generations, classes, parties, literary schools, printed media, etc. throughout the history of society, can be viewed as a huge warehouse of different kinds of “writing”, from which an individual must borrow his “language”, and along with it the whole system of values, senses and attitudes to reality [1].

The enforcement action of the structures can be explained in the framework of L. Hjelmslev’s connotative semiology [7], with the help of such notion as “connotative sense”. Thus, any language represents a combination of the explicit and implicit, denotative and connotative levels; at that what is implied can under certain circumstances become explicit, and the explicit can plunge in the connotative “subtext”.

Thus, the discipline marked the transition to sign systems that people use being unaware of them, and, what is more, in many cases are controlled by them.

The vast majority of illusions or false ideas that have been recognized as the most tragic experiences of a modern man have the language nature. If previously the main delusions of people in the process of cognition of the world were connected

with sensual perception – the flat Earth, the Earth as the center of the Universe, – today the most acute delusions and sensations are down to the ideological constructions, distorting the ideas about the role of State in the class society, the illusion of common equality before the law and the truthfulness of mass media, so they are connected with sign systems, texts, and the language. This state of affairs has influenced philosophy.

Presumably, Gadamer's works most likely marked the point since that the language (text) started to claim the position of primary philosophic reality. Previously, the main opposition in philosophy had been that of matter and consciousness (subject and object). After Humboldt the classic dichotomy "thought – reality" was supplemented with the third component – the language. Nowadays the main opposition is the opposition of author and interpreter (thought) to text (language). Or it could be put even narrower: "interpreter – text". That means that the focus of philosophic studies has been shifted from the world as such to the text that is self-sufficient and possesses some substantiality, and the emphasis is on the activities of a subject – an interpreter.

Tragic illusions are so vivid and meaningful for a modern man, so eyeball visible that there is no need to be a philosopher in order to identify them. In particular, they are represented in the framework of artistic study of the world – in literary works.

Fiction has many ties with scientific, critical, documentary and philosophic literature. Literature is one of many ways in which language can be used, as well as philosophy, but these are two different ways. As word, language is the reality of thought, the development of literature is closely connected with the development of theoretical thinking, though not identical with it. Long ago Lessing made a shrewd observation that the power of literary image consists in the expression of action and impression produced by an object. Figura-

tiveness of verbal art is based on indirect reflection of the world perceived through the sphere of feeling and thought [10], so the role of literature as universal poetic cognitive medium cannot be overestimated. Literature is more than other arts able to ponder over life. The fact that among all language phenomena the work of fiction is most relevant to interpretation and so lies very close to philosophy, has been pointed out by H.-G. Gadamer [5]. The main force of literary image consists in some kind of poetic dialectics, an ability to confront and correlate diverse, often fragmented phenomena, depict one through another.

The phenomenon of existentialism (a modification of subjective idealism) is well-known in the history of philosophy as probably the only school having achieved universal acknowledgement in the XX century philosophy, in which an artistic method was as important as a scientific one. At the end of the 1960-ies it entirely passed to the sphere of belles-lettres, and to the pages of fiction novels and TV screens.

In this case we are dealing with philosophers drifting towards literature. But movement is also possible in the opposite direction – from literature to philosophy. Philosophic study of the world by writers is a traditional characteristic of Russia. It dates back as far as the beginning of the XIX century, when autocratic reaction to the Decembrists Rebellion lead in the 1820-ies to the exclusion of philosophy from university curricula and persecution of professors, that continued till the middle of the century. It was during that period that philosophy fled from the university lecture halls to numerous circles arising in Moscow and St. Petersburg, political journalism and literature [2]. And that time was described by R. V. Ivanov-Razumnik as one of the brightest periods in the history of Russian ideological development [see: 9]. We often use such expressions as "Tolstoy's philosophy" or "Dostoevskiy's philosophy", as though to confirm their right to express philosophic ideas.

“In our literature-centered culture philosophic reflection, critical consciousness and traditions are absent not because of the seeming absence of philosophy itself, but because of its very literary character, its dependence on literature. That is why we did not have the rigid division or gap that is characteristic of the Western society. There were not even two equal areas that could compete” [15].

Thus, philosophic study of reality in Russian literature has long history. However, the moods and philosophic ideas growing in the literature of the late XX – early XXI centuries are of a totally different character.

As an example we have looked at the works of an up-to-date Russian writer – Victor Pelevin. The following factors determine this choice. Pelevin is one of the brightest and most read authors of the last decade. He has been awarded many literary prizes. French Magazine put Victor Pelevin on the list of the world culture’s 1000 most powerful people (besides Pelevin, on this list Russia is represented by film director Sokurov). This writer has become a fashion in all spheres of society, from first year students to professors, and from businessmen to freelance artists. The genre of Pelevin’s books has been defined as “pop-metaphysics”, but nevertheless, metaphysics is something more than what mass culture has to offer. The main subject of Pelevin’s novels is the illusive character of reality and other worlds. In all his works one can find “the emphasis on reproduction of consciousness and especially unconsciousness, generating quaint distorted combinations of real and make-belief things” [6].

In the novel «Generation P» [12] the reality of public authority is challenged – there is no state or government as such, it is a mere illusion. The action is set in the Yeltsin’s time. A poor graduate of Literature Institute Vavilen Tatarskiy manages to get a job in an advertising company with the help of his connection. He is climbing

up the career ladder thanks to his natural talent and “stimulating thinking” drug visions, until finally hits the top – TV advertising. But finding himself in Ostankino, Vavilen all of a sudden for himself and for the readers realizes that television is a misinformation rather than information medium. For example, political leaders – Berezovskiy, Yeltsin and others – are not more than pictures on the screen. The main character also starts creating presidents and deputies with his powerful computer. As time goes, reality, advertising texts and comic situations with computer politicians get more and more interwoven in his mind with drug hallucinations from Sumerian mythology. At the end of the novel Tatarskiy is conferred the title of the husband of the great goddess Ishtar and together they go through the service of marriage on top of Babylon Tower, after which his personality is being copied and circulated through the media, turning him to “tatarskiy” with small “t”. He appears to be the creator of all human fortunes, almost a god, with the “rod” in his hands – a mobile phone with the only button on the keyboard. The author implies that Tatarskiy has something to do with the divinity, when an advertising commercial character shouts, “Kandahar sure beats it!” One cannot help thinking: maybe, that war had also been created? It is not clear who is the true governor of the world.

“Generation P” conveys a philosophic idea of the tragedy of human personality in a modern society and the pressure of virtual television reality on human mind as it programs thinking and behavior. A man is being convinced – and gets convinced. All the surrounding things – Che Guevara, Christ, supermodels or democracy – are as much brands as Coca Cola, Nokia or US dollar. Reality is being imposed on a person in its rational, sign form. The world is created not by feelings, but by intellect, and somebody else’s intellect at that. Thus, we are dealing with modern rational, sign subjectivism.

In the story “Omon Ra” [13] the history of Soviet cosmonautics is presented as an enormous sadistic fake. The story of the Lunar mission that lead to numerous human losses turns out to be a thoughtful stage play. Why does the State need it? Lieutenant colonel Urchagin from the aviation college says, “a man ready to commit a heroic deed, although invisible, is what the country needs as he feeds its main strength”. The State in “Omon Ra” is a grand mystical construction; thanks to all-penetrating deception it erases all sides of an individual personality, making it a unit in a system or simply fuel.

“Absurdity becomes the norm of life” [3]: the action is set in the aviation college named after Maresyev, where students undergo legs amputation in the name of Motherland and then study to be pilots; in the text there is a casual mention of the infantry school named after Alexander Matrosov, where final examinations are accompanied by bursts of machine-gun fire, and of military and political academy named after Pavel Korchagin, the graduates of which were paralyzed and blind invalids.

One of the key moments for understanding the novel is the scene with the cardboard starship, hanging on the wall of the pioneer camp canteen. Omon and his friend Mityok decide to find out if there is anybody inside. There appeared a play-dough man. When designers constructed the rocket, they started with that man. He was shaped, sat in the chair and then tightly plastered with cardboard. But the most interesting thing is that there was no door. On the outside the manhole is painted, but inside in its place there is a wall with some clock-faces. The absence of a door, confined space plastered with cardboard, – all these things involuntarily provoke associations with totalitarian system, depriving a man of his freedom. Some commentators argue that Pelevin criticizes the Soviet society as totalitarian. Probably, the point is different. Pelevin is more likely to call

every society totalitarian [4], as it takes away individual freedom. Liberation is only possible in the world of imagination.

In the world of total unfreedom the primary concern of the main character is liberation at all costs. So at the end Omon, bound to ritual mactation, suddenly realizes that reality is just a nightmare imposed on his imagination. The outer space that he has fancied does not exist, in fact, the outer space is the space of myth created by official ideology. There is only the alternative space – a microcosm, the world of an individual creating history inside himself and for himself. But the most tragic thing about it is that if the world around is generated by individual consciousness, then, due to its limitedness, every version of the Universe will be similar to the previous one (“some packages of rice, a pack of pasta stars and frozen chicken wrapped in cellophane”).

In the novel “Chapayev and the Emptiness” [11] we can see quite mature poetic solipsism, when the main character Peter the Emptiness lives between two worlds as a patient of a mental hospital and a Civil War hero. And in the novel not only the existence of both realities is doubted (which of them is true remains unclear: the Emptiness considered real the world of revolutionary Russia and believed that mental house is just a fantastic dream, but Chapaev tries to make Peter see the unreality of both worlds), but also the reality of subject himself. The reality of thinking Me is questioned, as this Me has no place to exist: if all I am thinking about is an illusion, I cannot but be a part of this illusion.

The novel is built as a series of interchangeable fragments describing the Emptiness’ life in two make-belief realities: post-revolutionary Russia where the struggle of some metaphysical forces takes very strange forms, and up-to-date Russia where he is put to a mental hospital. These are the two dimensions of the same personality, the unitary whole. The character lives in both plains at the same time.

By means of comparison he reveals the reason for being and “the design” of the world around. And the character himself is inclined to consider real things that most logically should be described as delirium. At the end of the novel checking out of the hospital he refuses reality as it turns out strange and inappropriate for him, and takes refuge in the illusion of insanity.

Let’s look at the story “The ninth dream of Vera Pavlovna” [14]. Here we can see an apparent allusion to the novel “What is to be done?” by N. G. Chernyshevskiy, in which the author of “the theory of rational egoism” gave a recipe for “a good life” that will lead one to success and prosperity. Vera Pavlovna from Pelevin’s story is a charwoman who reveals existential mystery and starts to rule the reality. Her dreams come true, but for this major social changes have to take place. Vera becomes the center of the world, everything is going on inside her, and, in fact, the world is she.

We have already mentioned the change of the main philosophic opposition “thought – reality” to “thought – text (language)”. In Pelevin’s story this opposition is interpreted literally, the character becomes the world first, and then a text. Post-structuralism dogma “There is nothing outside the text” expressed by Jacques Derrida is transformed to the structure “Text = the World = Vera”, and, what is more interesting, The World = Text = Vera = Text of “The ninth dream of Vera Pavlovna” [17]. In “The ninth dream” we can find mentions that Vera has read Blavatskaya, Ramacharaka, Freud, Nabokov, Yesenin, Sholokhov, Sologub, etc., seen Fassbinder and Bergman, heard Verdi, Bach, Mozart and Wagner. So, Pelevin draws an analogy of a poetic text with the infinite text. Everywhere we can find the idea of text penetrating real life. Text becomes as though the story char-

acter, it sets the structure and bounds of a person’s life.

“Existential mystery” has made Vera the last to go beyond those bounds, identify herself as the center of the world as if temporarily becoming the text. But in reality Vera does not rule the world. Having desired paintings and music she received all this, but in return – haunting obtrusive olfactory and optic visions. A plaything imagined itself a player. A slave is set free, he swiftly runs away, but as soon as the master snaps his fingers he will be immediately captured and chained again: having finished her existence in one reality, created by her own will and meaningless, Vera is sentenced to existence in another artificial reality claiming on discovery of the recipe of happiness, and wakes up as Vera Pavlovna in the novel by Chernyshevskiy “What is to be done?”. One “what is to be done?” algorithm is changed to another one, but this is all repetition, endless and meaningless, as endless are fractal iterations “A priest had a dog...” [16]. A surrealistic story ending is based on the principle of ill perpetuity.

The main conflict of the works under consideration is the conflict between reality and its representation. Does the world really exist? The writer uncovers the deception of mass culture and lies of the authority. The main modern mythologem – television, advertising and PR – are myth media and translators, and a myth themselves. And to myths Pelevin is ruthless. All that a person sees, knows and wants is imposed on him by somebody else – culture, advertising or authority. All things around are total deception, history and culture mystification, simulation of human existence. Pelevin does not simply protest against Soviet power, western lifestyle or inhuman social reality, he is opposed to the illusive and absurd nature of the world as such, and to reality in general.

Art depicts the way out of the sign illusions captivity as “an individual riot”. People as a mass prefer living by illusion, there are those who deliberately choose illusion and do not find it necessary to go beyond it in search for the truth.

Individual riot is aimed not at the system but at the particular characters of its creators. Even a naïve mind can understand the lack of self-sufficiency and independence of such constructions.

Pelevin’s poetic world is an endless row of nest cages, and the situation is tragic as a rebellious character makes a transition from one cage to another, but this transition marks not his liberation but only a higher level of comprehending reality, which, however, does not bring any relief. A man in the traditional humanistic sense as an absolutely self-determined individual is almost “next to nothing”; a man is a desperate creature raging inside his cage.

And in this sense artistic thinking on the irrational level moved further than the refined forms of philosophic reflection managed to do. The problem of limitedness of human consciousness is handled from no less tragic point of view as that of Berkeley, Hume and Kant. But in the XX–XXI centuries culture subjectivism in general and solipsism in particular have become the metaphor of people’s loneliness and alienation from social institutes. This tendency can be explained by a number of reasons. Particularly, one explanation is that the structure of society (both being and consciousness) is getting so complicated that a person is not able to comprehend it as a whole and experiences constant doubt if what he observes is a true state of things. Individual consciousness is incapable of reflecting all the diversity of social being and social consciousness. It happens so because in everyday life we deal with the particular knowledge of the world and the society. The lack of realistic philosophy – generalizations,

giving an adequate picture of a complex structure, – is quite evident.

Scientific philosophy denies self-sufficiency and absolute limitedness of the language and other sign systems. It is important that in the problem under consideration two aspects should be identified, ethical and ontological, – what is a sign by nature and with what purpose we use it. In order to solve the problem it is necessary to find out why language and other sign systems appear, what tasks they solve and what functions perform. Language is the consequence of matter – the world whose reality is being challenged, as it appears not just inside human mind, but in interaction of consciousness with the surrounding world and other people.

The activity of language inside human consciousness is colossal. Actually, it is its role to integrate in the consciousness as a single whole all levels, forms and kinds of intellectual, emotional, volitional cognition of the world of an adult homo sapiens. It is impossible to imagine human cognition of the world outside the language. And one of the universal abilities of the language is the ability not only to reflect the real world, but give its false reflection; moreover, create artificial, illusive models of the world. It is possible to convince a man of everything with the help of the language, the word.

But this activity of the language is first of all the activity of matter rather than spirit (in the language spirit is merged with matter, and it is because of that that it is capable of influencing not only individual but also mass consciousness). The ability to lead people to deception is not the only (nor is it primary) function of the language. The very nature of the language, as well as the nature of sensations, does not consist in confining individual consciousness inside itself; it is to open and extend it by linking it to the consciousness of other

people and the world around. Only with the help of the language can an individual transform the world on a larger scale and penetrate into other people's minds.

Bibliography

1. Barthes R. Selected Works. Semiotics. Poetics. – M. : Progress, 1989. – 615 p.
2. Bezlepkin N. Philosophy of Language in Russia. St.-Petersburg : Arts-SPB, 2002. – P. 31.
3. Boroda E. V. Pelevin's Story "Omon Ra" in the Framework of Domestic Tradition // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-tradition/1.html>
4. Bykov D. "Escape to Mongolia" // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html>
5. Gadamer H.-G. The Relevance of the Beautiful. – M. : Arts, 1991. – P. 126.
6. Gubanov V. The Analysis of Victor Pelevin's Novel "Omon Ra" // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-guba/1.html>
7. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language // News of Linguistics. – M. : Foreign Literature, 1960. – Issue 1. – P. 264–389.
8. Humboldt W. von. On the Diversity of Human Language Construction and Its Influence on the Mental Development of Mankind // Selected works on linguistics. – M. : Progress, 1984. – P. 80.
9. Ivanov-Razumnik R. V. The History of Russian Social Thought : in 3 volumes. – M., 1997. – Vol. 1. – P. 271–272.
10. Lessing G. E. Laocoon: an Essay on the Limits of Painting and Poetry. – M., 1957.
11. Pelevin V. Chapayev and the Emptiness. – M. : Vagrius, 1999. – 352 p.
12. Pelevin V. Generation "P" – M. : Vagrius, 2003. – 336 p.
13. Pelevin V. Omon Ra. – M. : Eksmo, 2007. – 192 p.
14. Pelevin V. The Ninth Dream of Vera Pavlovna // The Blue Lantern. – M. : Text, 1991. – P. 140–157.
15. Philosophy and Literature. A Lecture by Valeriy Podoroga delivered on 24 March 2005 in literature club café Bilingua in the framework of the project "Public Lectures "Polit.ru" // <http://www.polit.ru/lectures/2006/07/28/podoroga.html>.
16. Pronina E. Fractal Logics of Victor Pelevin // Issues of Literature. – 2003. – № 4.
17. Trostok E. Structural Peculiarities of Victor Pelevin's Prose // http://www.gym10.ru/Site_liter/site2005/pelevin/ARTIC/artic_61.html.

© Beresneva N. I., Beresnev V. D., 2015

UDC 167:14

TO THE QUESTION OF FINDING THE COMMON SLAVIC ROOTS OF "RUSSIAN COSMISM": AN INVITATION TO A DIALOGUE**P. G. Makukhin***Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia*

Summary. The article scrutinizes basic approaches of the solution of the problems, primarily, the circle of writers, members of the "Russian cosmism" and, secondly, the basic ideas that unite these philosophers, scientists, religious thinkers and cultural figures. On the basis of analysis of Russian discussions of the last three decades on this issue we have the main among those ideas are the followings: Ontological and epistemological aspects of the unity; co-evolution, co-evolution of man and nature; consideration of any issues through the prism of moral values, in search for the "truth" (truth-justice). As the roots of these ideas, we believe the inherent Russian and wider Slavic peasant "cosmic feeling", based on which we invite to a dialogue the writers from the Czech Republic, with a view to finding common Slavic roots of "Russian cosmism".

Keywords: Russian cosmism; Russian-Slavic civilization; natural sciences; religious and philosophical and poetic and artistic directions of cosmism; the Unity; co-evolution.

The fact that Russian culture has developed as a culture of the state of imperial type, manifested, firstly, it incorporated the congenial ideas from other cultural areas, and, on the other hand, was intended to achieve its widest possible range of different cultures. (In connection with the pertinent words of Fyodor Dostoyevsky, expressing both of these aspects: the Russian "friendly, with a total love in our soul took the genius of other nations, all together" [5, p. 147], and "to become a real Russian, become completely Russian, maybe it means ... to become the brother of all people, a universal man" [5, p. 147]. *For all that, the closest, comprehensible and urgent Russian culture is conformably, philosophy as a cultural identity of the Slavic peoples.* We stand in solidarity with the philosopher and Scientist-Encyclopaedist Nikolay Danilevsky, heir of Slavophiles and the founder of civilized approach to historical development (its "Russia and Europe" was written in half a century before the "Decline of the West" of Oswald Spengler – in 1869 and 1918 respectively) in relation to the fact that legitimately use the term "*Russian-Slavic civilization*".

Correspondingly, we have reason to believe that the philosophical ideas expressed, in particular, representatives of the "Russian cosmism" *are important and interesting, for the Czech readers as well.* In this regard, these significant words of Ph. D. Y. V. Oleynikov and A. A. Onosov, which they precede their in-depth study of the course "Anthroposphere Project of Socio-Natural Evolution" (1999): "an appeal to the spiritual heritage of thinkers cosmists, on the one hand, their philosophical quests "*truth*", on the other – the precise definition of the scientific trends of socio-natural process" [7, p. 2]. On the "scientific accuracy" of ideas of "Russian cosmism" we will mention that the thought of "*in search for the truth*" – a concept that connects truth and morality expresses a *feature inherent in precisely the Slavic culture.* No less significant are the words of Doctor of Philosophy, Academician E. S. Troitsky, composed of the annotations to his collection of "Russian idea, Slavic cosmism ..." (2000), "is a powerful and original, the whole patriotic ideological current generated *Russian-Slavic civilization* and contradictory forms integrates

the idea of Russian traditional national values and archetypes with the latest discoveries and information technologies with modern concepts ... “universal humanity” (Dostoyevsky)” [8, p. 4]. In other words, “Russian Cosmism contains spiritual and patriotic, scientific potential, unfortunately, it is poorly demanded” [8, p. 4]. As we see, in this passage, firstly it has been recorded association with the particular philosophical traditional spiritual values and scientific discoveries and technologies. Secondly, *this is considered to be as an expression of Russian and wider Slavic tradition*. Agreeing with E. S. Troitsky on both counts, adding that the roots of the “Russian cosmism” can be regarded as inherent in Russian and wider Slavic peasant as a “cosmic sense”. It is about their sense of complicity throughout the universe, the perception of all of its activities – even economic, such as plowing the land or building houses – as a *co-participation in the life of the Universe*. Regarding the latter concepts we present the following profound observation of one of the first post-Soviet Russian researchers of cosmism, Ph.D. F. I. Girenok. He refers to the historian of the 19th century. A. P. Shchapov drew attention to the fact that the Russian word «вселенная» has no analog in other languages as opposed to the word «космос». In this case Shchapov sees evidence of the low level of abstract thinking of the Russian people: «космос» rather abstract term, «вселенная» is too anthropomorphic ...” (op. At [4, p. 10]), because associated with the image of “the Russian peasant engaged common affairs” – namely, “the moving in the House” (op. at [4, p. 10]). In contrast, A. P. Shchapov, himself F. I. Girenok appreciates the uniqueness of the Russian word “вселенная”, “Russian cosmism therefore called Russian (unlike all other cosmism) that space it appears in the original sense of the word “universe” etc. as a house, which still have to settle”, [4, p. 10], with “not alone, but the whole world” [4, p. 10].

Briefly describe the modern relevance of the ideas of “Russian cosmism” for representatives of the “Slavic world”, we give a brief definition of the most authoritative Russian philosophical publications. (Who will speak for us in the role of “the thread of Ariadne” not allowed “to get lost” in the “space” of intense debate, ongoing for more than three decades around the issues of authors belonging to this trend, and the basic ideas that unite these philosophers, scientists and figures of Culture). In the article “Cosmism” in fundamental “New Philosophical Encyclopedia” (2010), belonging to above-mentioned F. I. Girenok (which is another argument in favor of its authority in this area) indicated that cosmism as an independent religious-philosophical and natural-scientific trend established namely in Russia [3, p. 314]. In it stand the natural sciences, religious and philosophical and poetic and artistic direction. The first is represented by N. A. Umov, D. I. Vernadsky, K. E. Tsiolkovsky, N. G. Kholodny, A. L. Chizhevsky; the second – N. F. Fyodorov, V. I. Solovyov; and third – V. F. Odoyevskiy, A. V. Sukhovo-Kobylin, N. Zabolotsky, A. Platonov, and others. In addition, F. I. Girenok identifies the following two tendencies within the “Russian cosmism”: organic (from “organism”) and projectic (from “Project”); the first is represented by V. I. Vernadsky, and the second, respectively, by N. F. Fyodorov and K. E. Tsiolkovsky [3, p. 314]. Besides, indicated in touch with the authors of these concepts sophiological concepts of P. A. Florensky and S. N. Bulgakov [3, p. 315] In another urgent source for our theme is an Encyclopedia of Russian Philosophy (1995) Ph.D. A. I. Aleshin agreeing to the above release in Russian cosmism three directions, and the two trends, and with the specified range of authors, while critical of the idea of the existence of Russian cosmism as a unique, self-identical currents. In particular, according to him, for the above-mentioned authors cosmism “is available as

a common theme and objectives, while the interpretation of this theme very different and in some respects even opposite. Anyway, cosmism as a principle that does not unite them” [1, p. 277]. In other words, the name of “Russian cosmism” “hides not the single, solid and philosophical developed tradition” [1, p. 282], but only a “characteristic cultural mood” [1, p. 282] (remember, this approach to further consider its radical version). With respect to the natural science direction of said trend is critical as well, “and the language of science, and scientific data become a means of giving a Utopia (... cosmic philosophy) likelihood” [1, p. 280] (as we see, it contradicts the assessment of high scientific value ideas of the Russian cosmism given Y. S. Troitsky). Turning to the same position as one of the first and most authoritative researchers considered trend, S. G. Semenova, we see that it ranks as cosmism Russian philosophers and scientists such as N. Fyodorov, A. V. Sukhovo-Kobylin, N. A. Umov, V. F. Odojevskiy, Konstantin Tsiolkovsky, Vernadsky, A. L. Chizhevsky V. N. Muravyev, A. K. Gorsky, N. A. Setnitsky, N. G. Kholodny, V. F. Kuprevich, A. K. Maneyev. Separately, she allocates the representatives of “Russian religious revival” ideologically close “pathos ideas of Russian cosmism”: V. A. Solovyev, P. A. Florensky, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyayev. The list is given of the anthology of “Russian cosmism” (1993), which became a milestone in understanding this phenomenon (Making, in particular, refer to this tendency of the author of this article), composed by S. G. Semenova, together with A. G. Gacheva and other authoritative researcher of the movement [9]. The presence of all above authors’ ideas that enable them to carry Russian cosmism, S. G. Semenova and A. G. Gacheva is justified excerpts from primary sources, but the expansion of the list of thinkers to include in the pleiad of Russian cosmism, gives grounds for the criticism that we have seen in A. Aleshin. The radical version of it can

be found from Russian authors (N. K. Gavryushin) and foreign (M. Hagemaster) as well. The essence of this criticism clearly expressed in the following words of respectively: “as are available to the works of Russian “cosmists” increasingly apparent is fundamentally incompatible their ideological positions” [2, p. 105], Russian cosmism is a “pure invention of the late Soviet time” [6, p. 61]. As it is a single school “there was not: Vernadsky absolutely no idea about Fyodorov, Tsiolkovsky did not know anything about Vernadsky, but they were all united in some kind of artificially “some typically Russian philosophy of the 21st century” [6, p. 61]. The fact that between these cosmists took place the exchange of ideas, it would be possible to prove by referring to the history of philosophy and science. But the more important area of proving the existence of Russian (Slavic) cosmism we believe the selection of those ideas, firstly, inherent in all these philosophers, religious thinkers, scientists and people of art. Secondly, these ideas are peculiar to all-Russian (Slavic) culture. (Which is indirectly confirmed even critical characteristics of Russian cosmism – revealing, for example, the words of M. Hagemaster that supporters see the current “consider the concept of cosmism as an original creation of the Russian mind, the most important element of the “Russian idea” [11, p. 41], and “... the concept has its roots in a purely Russian archetype of “unity” [11, p. 41]. The question discussed thoroughly in [13]). Among these ideas, first, let’s call that, which we mentioned at the beginning of the article: Russian cosmism concerned with world outlook quests, that is a system of “universe – a man” in their essential interdependence and what the human place, the human role in this entirely. In connection with the last one cannot forget the central fancies all Russian philosophy – “The Unity”, which, as the S. S. Horuzhy, means “the principle of the inner form of the perfect unity of the set, according to which all

the elements of such a set identical to each other and identical to the whole, however, do not merge into indistinguishable and continuous unity and form a special polyphonic system" [12, p. 102]. Since the "deepest" philosophy of the unity was V. S. Solovyov, to turn to the laconic words of him: "I call true or positive of the unity is one in which there is not one at the expense of, or damage to them, and for the benefit of all. False, negative of the unity suppresses or absorbs its constituent elements and itself, therefore, in vain; true unity preserves and strengthens its members, carried out in them as the fullness of existence"[10, p. 63]. Earlier we talked about the ontological aspect of the unity. **Secondly**, the most important idea of Russian cosmism will call the epistemological aspect of the unity, i. e., striving for synthesis, the interaction of philosophical, scientific, religious and artistic knowledge. (On the one hand, in many respects allowed Russian cosmism anticipate a number of ideas of modern science; but on the other, has led to criticism of the scientific part of his legacy, which is analyzed in [14]). **Thirdly**, for all of Russian cosmists one of the central was the idea of co-evolution, i. e. co-evolution of man and nature, in which man is given both active and adaptive role. That is, on the one hand, we have an active an idea of evolution as a fundamentally new stage in the development of the universe in which humanity will consciously manage the socio-natural development based on the synthesis of reason and morality, a moral duty. On the other hand, Russian cosmism denied the excretion of person outside the world picture, as well as mechanistic version of the latter, which contributed to the change in the pragmatic-consumerist attitude towards the nature responsibility. There are more private ideas inherent in Russian cosmism, for example, that was pointed in "firstly" connected with belief in human space mission, and with the presence of the sense of establishing a cosmic whole,

and paradoxical identity "Microcosm" and "macrocosm" (i. e. man and the universe), etc. Also pointed in the points, "firstly" and "secondly" is associated with the development of system-synergetic ideas in terms of which the Russian cosmism beat Western European science. But the main thing – all of these items are inextricably linked to moral values, "permeated" by them, in connection with which the beginning of this article and talked about "in search for the truth" (meaning "truth-justice"), as one of the main orientations of the Russian cosmism. Accordingly, we believe it is possible to invite a dialogue authors from the Czech Republic, as an example of their culture – and philosophy as its identity – to contribute to find a common Slavic roots of "Russian cosmism."

Bibliography

1. Алешин А. И. Космизм русский // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1995. – С. 274–282.
2. Гаврюшин Н. К. А был ли «русский космизм»? // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 3. – С. 104–105.
3. Гиренок Ф. И. Космизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 2010. – С. 314–315.
4. Гиренок Ф. И. Русские космисты. – М. : Знание, 1990. – 61 с.
5. Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Ленинград: Наука, 1984. – С. 136–149.
6. Интервью с М. Хагемайстером. О восприятии неприятного... // Вопросы философии. – 1995. – № 11. – С. 58–66.
7. Олейников Ю. В., Оносов А. А. Ноосферный проект социоприродной эволюции. – М. : ИФ РАН, 1999. – 210 с.
8. Русская идея, славянский космизм и станция «Мир» : сборник статей / под ред. Е. С. Троицкого – М. : АКИРН, 2000. – 310 с.
9. Русский космизм: антология философской мысли / составители С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
10. Соловьев В. С. Первый шаг к положительной эстетике // Литературная критика. – М. : Современник, 1990. – С. 59–66.

11. Харемейстер М. Русский космизм анахронизм или «философия будущего» // Россия и современный мир. – 1994. – № 3. – С. 40–45.
12. Хоружий С. С. Всеединства философия // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1995. – С. 102–110.
13. Makuhin P. G. On Necessity of Consideration of the Issue «Did Russian Cosmism Exist?» in the Context of the Issue «Did Russian Philosophy Exist as a Whole?» // IntellectualArchive. – 2015. – № 1 (vol. 4). – Pp. 11–16.
14. Makuhin P. G. On the Issue of Causes for Critical Assessments of a Scientific Heritage of Russian Cosmism: Importance of the Principle of «Open Rationality» // IntellectualArchive. – 2014. – № 4 (vol. 3). – Pp. 29–38.
6. Intervyu s M. Hagemaysterom. O vospriyatii nepriyatnogo... // Voprosyi filosofii. – 1995. – № 11. – S. 58–66.
7. Oleynikov Yu. V., Onosov A. A. Noosferniy proekt sotsioprirodnoy evolyutsii. – M. : IF RAN, 1999. – 210 s.
8. Russkaya ideya, slavyanskiy kosmizm i stantsiya «Mir» : sbornik statey / pod red. E. S. Troitskogo – M. : AKIRN, 2000. – 310 s.
9. Russkiy kosmizm: antologiya filosofskoy myisli / sostaviteli S. G. Semenova, A. G. Gacheva. – M. : Pedagogika-Press, 1993. – 368 s.
10. Solovev V. S. Perviy shag k polozhitelnoy estetike // Literaturnaya kritika. – M. : Sovremennik, 1990. – S. 59–66.
11. Hagemeyster M. Russkiy kosmizm anahronizm ili «filosofiya buduschego» // Rossiya i sovremennyiy mir. – 1994. – № 3. – S. 40–45.
13. Makuhin P. G. On Necessity of Consideration of the Issue «Did Russian Cosmism Exist?» in the Context of the Issue «Did Russian Philosophy Exist as a Whole?» // IntellectualArchive. – 2015. – № 1 (vol. 4). – Rr. 11–16.
12. Horuzhiy S. S. Vseedinstva filosofiya // Russkaya filosofiya. Malyiy entsiklopedicheskiy slovar. – M. : Nauka, 1995. – S. 102–110.
14. Makuhin P. G. On the Issue of Causes for Critical Assessments of a Scientific Heritage of Russian Cosmism: Importance of the Principle of «Open Rationality» // Intellectual Archive. – 2014. – № 4 (vol. 3). – Pp. 29–38.

Bibliography

1. Aleshin A. I. Kosmizm russkiy // Russkaya filosofiya. Malyiy entsiklopedicheskiy slovar. – M. : Nauka, 1995. – S. 274–282.
2. Gavryushin N. K. Abylli «russkiy kosmizm»? // Voprosyi istorii estestvoznaniya i tehniki. – 1993. – № 3. – S. 104–105.
3. Girenok F. I. Kosmizm // Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. T. 2. – M. : Myisl, 2010. – S. 314–315.
4. Girenok F. I. Russkie kosmistyi. – M. : Znanie, 1990. – 61 s.
5. Dostoevskiy F. M. Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 iyunya v zasedanii Obschestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti // Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. T. 26. Leningrad: Nauka, 1984. – S. 136–149.

© Makukhin P. G., 2015

МЕТААРХЕОЛОГИЯ

Л. И. Ядуга

*Кандидат философских наук, доцент,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления, г. Новосибирск, Россия*

META-ARCHEOLOGY

L. I. Yaduta

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Novosibirsk State University of Economics
and Management, Novosibirsk, Russia*

Summary. The article on the basis of analysis of archaeological texts that are not typically reflective components identified features of archaeological research examines the object, the subject, introduced the definition of archaeological paradigms. It defined epistemological feature of archaeological theory and is given a theoretical principle of its construction.

Keywords: archaeological knowledge; syncretism; object; object; archaeological theory.

Интерес к истории обычно обостряется в эпоху общественных преобразований, что происходит в современной России. В силу этого пересматриваются исторические концепции, появляются возможности нового понимания и объяснения известных исторических фактов. В то же время та часть исторического знания, которая традиционно относилась к археологии, многим исследователям представляется неизменной, поскольку считается, что отдаленное прошлое не влияет на современность. Однако мы полагаем, что в настоящее время и научная состоятельность истории в целом, и специфика археологического знания и археологической теории существенно влияют на всеобщее (всемирное) историческое бытие. Дело в том, что в материальных осколках культуры, извлекаемых археологами на свет, опредмечена глубинная связь древней человеческой культуры, что может иным образом объяснить истоки цивилизации и позволяет построить совершенно новую картину человеческой истории.

Археологическое знание располагает значимой информацией об образе жизни и поведении древнего человека в целом и в кризисные периоды, что позволяет выявить закономерности поведения человека как такового, его адаптационные возможности и наметить пути решения современных экологических проблем, а также имеет значение для современных медицинских исследований.

Результаты археологических исследований последних десятилетий поставили целый ряд вопросов, имеющих теоретическую значимость. Это вопросы о понимании исторической действительности, о соотношении истории и культуры, о познании истории через изменения в культуре; об условиях возможности восстановления архаичных культур в их целостности. В силу этого возникла задача осмысления археологического знания как такового и определения места археологии в системе исторического знания.

Специфика археологии состоит в следующем. Во-первых, археология

представляет собой эмпирическое ретрокультуроведение, то есть исследование архаичных, ушедших культур через описание имманентных им систем исторических ценностей, причем описание всегда есть только истолкование. Во-вторых, собственно археологическое изучение состоит в определении культурного назначения археологических находок. А поскольку человек не имеет истории, а сам является историей, то есть воспринимает историю не как или не столько как область знания, а как реальность (жизнь), тем самым превращая жизнь в историю, то культура оказывается объективацией человеческого Я. В археологических находках как артефактах ушедшей культуры объективированы знания и представления древнего человека о мире, самом себе и своем месте в мире. В-третьих, возможности археологии в восстановлении целостности способа социально-исторического бытия оказываются менее ограниченными в сравнении с историей ввиду того, что материальные осколки культуры, с которыми имеет дело археолог, представлены прежде всего повседневными предметами быта, приспособлениями и изобретениями, касающимися больших групп людей и оказывавших глубокое влияние на их повседневное существование; в исторические же источники может попасть далеко не всякое историческое явление (исторический момент, история королей, мировоззренческая компонента). Например, археологическое изучение Новгорода позволило в целостности восстановить культуру средневекового города Северной Европы. В-четвертых, в археологии источниками информации для реконструкции прошлого являются исторические, археологические, этнографические и лингвистические источники. В большинстве случаев исторические источники либо отсутствуют, либо дают противоречивую и неопределенную информацию, поэтому обычно восстано-

ление осуществляется на основе только археологических источников с привлечением этнографических и лингвистических. Этнографические данные не всегда применимы для восстановления древнейшего прошлого ввиду того, что хотя отдельные народы ведут до сих пор существование, сходное с жизнью далеких предков, однако процесс аккультурации этих групп не оставил нетронутыми древние элементы культуры, поэтому требуется скрупулезная работа по отделению автохтонных образцов от привнесенных. Лингвистические данные, видимо, оказываются более приемлемыми, поскольку словарь какого-либо языка содержит названия флоры и фауны, с которыми связана деятельность древнего народа, а также названия, связанные с используемыми орудиями, с методами работы, с социальной организацией или с формой мышления. Через изучение языка можно обнаружить контакты с другими народами, при некоторых условиях сделать заключения о возможном или вероятном их историческом происхождении, что является одной из основных целей археологического исследования. В тех же случаях, когда лингвистические источники отсутствуют, археолог опирается на археологические и этнографические источники и способность к эмпатии. Способность к эмпатии и «обостренное чувство времени» являются, с нашей точки зрения, определяющими в большинстве случаев. В археологии в большей степени, чем в истории, требуются названные способности. И историк, и археолог стремятся к представлению объекта как существующего самого по себе, данного как бы вне исследователя, и убеждены в том, что это им вполне удастся. Однако особенность прошлого, являющегося реальностью особого рода, а также анализ археологических и исторических работ позволяют утверждать, что все значимые исследования, даже

не считая великих археологических открытий, осуществляются с использованием методов эмпатии (вдохновение, инсайт, озарение и др.). В-пятых, историки не занимаются изучением истоков человека и его культуры, то есть «культурной историей». Региональные эмпирические исследования архаичных культур – славянская археология, скифская археология, греко-римская археология, археология Египта и др. – дают исключительно значимые данные для реконструкции начального этапа человеческого существования, когда складывались решающие предпосылки всех последующих изменений, в значительной мере предопределивших «культурную историю», что создает возможность понимания и объяснения основы эволюции человека и его культуры. В-шестых, археолог изучает прошлое по его проявлениям, в роли которого выступают материальные осколки культуры (архитектурные сооружения, скульптура, керамика, предметы из камня, кости и других материалов, живопись, эпиграфика и др.), которые не содержат исторической информации, то есть при абсолютном отсутствии событийности имеется явное присутствие культурной информативности. Историческими источниками как таковыми являются летописи-анналы, хроники, документальные свидетельства, письма и прочее, в которых дана событийность. Изучать что-либо исторически – значит проследивать последовательность событий и их связь. Историк, таким образом, реконструирует историю стран и народов (русскую историю, историю Франции и т. д.), а археолог – восстанавливает историю культуры древних народов. Изучая «культурную историю», археология соприкасается с антропологией и прежде всего оказывается связанной с палеоантропологией, а изучая историческое происхождение этносов, теснейшим образом взаимосвязанной с этнографией.

Парадигма археологического исследования

Термин «археология» обозначает науку об истоках человека и культуры. Человек существует – это очевидно. Но как человек возник, как человек создает смысловое поле, поле собственно человеческой жизни и деятельности?

Наш тезис состоит в том, что поиск истоков, начал обуславливает синкретичность подходов в организации археологических исследований.

Как возможно исследование истоков, начал? Археолог ищет ответы на вопросы: «кто?» (этнос), «когда?» (датировка памятника), «зачем?» (какие культурные значения транслировались членам древнего общества). Для современного исследователя это закрытая информация, поскольку код ее прочтения часто утерян. Поэтому для археологических исследований значимым оказывается то, что в философских работах по обоснованию искусства называется оптической проблемой. Оптическая проблема – это проблема «видения невидимого». Х. Ортега-и-Гассет, анализируя современное искусство, следующим образом излагает суть проблемы: «Пусть читатель вообразит, что в настоящий момент мы смотрим в сад через оконное стекло. Глаза наши должны приспособиться таким образом, чтобы зрительный луч прошел через стекло, не задерживаясь на нем, и остановился на цветах и листьях. Поскольку наш предмет – это сад, и зрительный луч устремлен к нему, мы не увидим стекла, пройдя взглядом сквозь него. Чем чище стекло, тем менее оно заметно. Но, сделав усилие, мы сможем отвлечься от сада и перевести взгляд на стекло. Сад исчезает из поля зрения, и единственное, что останется от него, – это расплывчатые цветные пятна, которые кажутся нанесенными на стекло. Стало быть, видеть сад

и видеть оконное стекло – это две несовместимые операции: они исключают друг друга и требуют различной зрительной аккомодации» [6, с. 234].

Аналогично археолог за «видимым» (материальные осколки культуры), пытается выявить то, что «невидимо». Даны материальные фрагменты древней человеческой деятельности, а цель – выявление целостности древней культуры, определенной исторической системы ценностей.

Археолог применяет метод, который можно определить как метод «исторического воображения» [см. 5, с. 237]. «Историческое воображение» – это перспективное видение прошлого. Это взгляд не из настоящего в прошлое, а из будущего в прошлое, то есть с точки зрения идеи истории, идеи культуры. Идея истории заимствуется и историком, и археологом из поля культуры. Например, идея истории как развития, имеющего цель, была разработана в рамках религиозного поля культуры, а затем освоена и усвоена и исторической наукой. Идея всеобщей устремленности к порядку привнесена в поле культуры греческой рациональностью.

Представление о существовании порядка возникает у археолога также в соответствии с формулой «это удивительным образом напоминает». Идентификация – это способ, посредством которого осуществляется узнавание. Однако узнавание непременно предполагает существование обязательной традиции, о которой каждый хорошо осведомлен. Например, для греческого мышления такой традицией является миф. Отсюда идет и содержание греческого театра, греческая скульптура и античная философия как рефлексия над мифологией. Каким образом археолог реализует узнавание? Существует некий набор самоочевидностей. Например, «нож – это то, чем режут». Археолог, изучая некие каменные предметы, замечает, что они «удиви-

тельным образом напоминают» то, чем режут. Но поскольку эти каменные предметы всего лишь «напоминают» нож, то он может назвать его каменным рубилом. Идентификация состоялась. Когда археолог представляет представленное или изображенное нам как слушающей или читающей аудитории, то мы как слушатели и читатели вполне можем заметить, что «да», это «удивительным образом что-то напоминает». Парадокс состоит в том, что без археолога, изображающего изображенное, представляющего представленное, мы, возможно, сами по себе и не смогли бы осуществить процедуру идентификации.

Таким образом, умозаключения по аналогии, безусловно, требуют очень тонкой интуиции, но, как правило, они и приводят к расшифровке «чуждых» кодов.

Вместе с тем археология изучает не только переход человека в культурное измерение социального бытия, но и познает историю древних этносов через изменения в культуре. Археология, находясь в генетической связи с историческим знанием, применяет в организации исследований, наряду с оптическим подходом («видение невидимого»), также и причинно-следственный подход, основанием которого является идея закономерности исторического процесса. В археологии существует представление о том, что древность можно исследовать с позиции настоящего и что между древней культурой и культурой современных этносов существует причинно-следственная связь. Для устранения различного рода неувязок применяются идея миграции и идея диффузии. В исследованиях идея закономерности в археологическом преломлении находит свое выражение в основном в выявлении эмпирических закономерностей между археологическими объектами.

Автор работы имеет опыт археологических полевых сезонов. На основании наблюдений за полевой работой археологов у него сложилось представление о том, что археолог посредством интуитивного суждения приходит к заключению, что «раскоп нужно делать именно здесь», что «вещи в раскопе располагались именно таким образом». У археолога присутствует доверие к интуитивным суждениям, и ему свойственна вера как уверенность в процессе поиска. Он выдвигает гипотезы, строит предположения, а затем проверяет их посредством сравнения соответствий между тем, что исследуется, с тем, что уже считается установленным, то есть с теми памятниками, которые уже исследованы и описаны и хорошо известны в литературе. Проверка гипотез посредством эксперимента в археологии, так же как и в геологии, в отличие от естественных наук, невозможна, и поэтому исключается. Археолог сравнивает и, имея в виду картину воображаемого прошлого, именно имея в виду, поскольку он ее сам не создает, проникает в «зазеркалье», то есть в саму предметность археологического материала.

Таким образом, археологическое исследование объединяет оптический подход (искусство) и исторический подход, а способ соединения задается культурологическим полем.

На основании вышеизложенного можно сформулировать основные признаки синкретичности археологического мышления: художественное воображение, как в искусстве; рациональность и детерминизм, как в науке; символизм, «заданность» смысла, как в мифе; традиционность, следование «школе» – общая культура. Это означает, что археологическое знание не сводимо только к научному знанию как рациональному способу описания и объяснения.

Объект археологического исследования

Наш тезис состоит в том, что объект археологического исследования возникает лишь при наличии эпистемологического отношения, поскольку сами «осколки» материальной реальности непрофессионалом не воспринимаются как археологическая реальность, то есть как специфический фрагмент, имеющий отношение к древней человеческой деятельности. В силу этого объект археологического исследования всегда есть определенная реконструкция. Что значит «определенная реконструкция»? Определенная – значит такая реконструкция, которая устранила все другие возможности исследования. При этом устранение других возможностей происходит не столько путем противопоставления возможному, сколько путем открытия этого возможного в наличной действительности.

Всякая ли вещь является археологической? Каков критерий определения одной вещи как археологической, а другой как не являющейся таковой? Например, в 1912 году затонул пароход «Титаник». Вещественный (материальный осколок культуры), исторический (затонул в 1912 г.), но археологический ли? Следовательно, археологический статус нечто получает тогда, когда так воспринимается, то есть только в эпистемологическом отношении.

В естественных науках объект – это то, что существует. Само это существование и изучают естественные науки. Реальность – онтология естественных наук. В археологии объект – это то, что не существует. Археологическая реальность как онтология археологии – это всегда только реконструкция.

Для обоснования данного тезиса обратимся к исследованию преобразования «осколков» материальной реальности в археологическую реальность. Вначале рассмотрим исследователь-

ские операции, направленные на возникновение объекта.

Первая исследовательская операция состоит в непосредственном изучении самих «осколков» материальной реальности, которое выражается в практике раскопок, методах поиска, технике отбора образцов, методах консервации на месте или в лаборатории. В изначальном восприятии «осколки» материальной реальности даны исследователю в беспорядке, поэтому вторая исследовательская операция – осуществление описания материальных осколков культуры, которое представляет собой последовательность взаимосвязанных высказываний. Третья исследовательская операция, которая находится во взаимосвязи со второй, представляет собой описание фрагментов как отдельных объектов, которое выражается в высказываниях о наличии классов среди «осколков» материальной реальности, формируются эмпирические типы как наблюдаемое выражение культурных значений. Формами описания являются группировка, систематизация, составление каталогов, сводов, коллекций. Главная функция описания – сбор данных, накопление сведений, результатом чего и предстает воссоздание как построение некой общей картины.

Археологическая реальность возникает из изначального восприятия и затем понимания «осколков» материальной реальности в соответствии с тем, как исследователи привыкли или обучены ее воспринимать в процессе систематического образования и усвоения общераспространенного опыта.

Таким образом, нечто воспринимается как археологическая реальность тогда и только тогда, когда имеет место предварительное знание о том, чем должно быть это нечто, знание о котором затем и преобразовывается в более обогащенное знание об этом нечто.

Описание – это упорядочение как построение некой общей картины,

которое никогда не может быть нейтральным в силу того, что оно определяется исследовательскими задачами. Собственно объект формируется из первичных описательных высказываний, которые обозначают материальные фрагменты и их свойства. Первичное описание определяет содержание и характер выводов. Описание, таким образом, представляет собой определенную реконструкцию, то есть объект археологического исследования.

Одной из основных трудностей археологического исследования является проблема представления данных, то есть археологический язык. С одной стороны, археологический язык излишне расплывчат (например, «кругло-выпуклый предмет»), с другой стороны, ограничения формального мышления являются слишком жесткими для археологии.

В силу того, что описание, как мы заключили, представляет собой специфический объект археологического исследования, определяется роль и место археологического языка в возникновении самого объекта. Мы полагаем, что археологический язык имеет две основные функции: во-первых, построение объекта археологического исследования; во-вторых, аккумуляция археологического знания.

Другой трудностью археологического исследования является отсутствие фиксированных археологических свойств, хотя и не осознаваемой самими исследователями.

Что представляют собой археологические источники? Впервые термин «археологические источники» был употреблен Б. А. Рыбаковым в 1957 году в одном из докладов. Фактически, археологические источники – это и есть объект археологического исследования как результат преобразования «осколков» материальной реальности в археологическую реальность.

Предмет археологического исследования

Относительно предмета археологического исследования наш тезис состоит в том, что предмет археологического исследования принципиально субъективен, поскольку сам исследователь или соответствующая школа определяют содержание, познавательные средства, способы организации исследуемого материала; и при этом отсутствует общезначимый критерий научной достоверности.

К фундаментальным понятиям археологии относятся понятия «признак», «тип», «культура». Для тех исследователей, которые работают в рамках культурологического направления, понятие «культурный тип» можно рассматривать как способ определения содержания предмета археологического исследования. Исследователи, которые работают в рамках социологического направления, как правило, не используют понятие «культурный тип». Для них основными понятиями являются «эмпирический тип» и «условный тип» [см. 4].

Таким образом, можно определить предмет археологического исследования следующим образом: это образцы древней человеческой деятельности как реконструкция древней культуры, то есть определенной смысловой реальности. Есть некто (жрец, шаман, древний художник как субъект), который задает, формирует смысловую реальность. Это автор. Есть члены древнего общества, которые в некоторой степени творчески исполняют, выполняют заданный образец деятельности. Это исполнители. Археолог – исполнитель, не автор. Трудность состоит в том, как выявить архетипы, поскольку имеются только лишь материальные осколки культуры, а традиция прервана. Другая трудность – археолог исполняет

авторский образец или исполнительские версии заданного образца.

Археологическая теория

Построение теории в естественной и в гуманитарных науках не одинаково. Археологическая теория, в отличие от естественнонаучных теорий, построена как способ идеального воссоздания целостности социально-исторического бытия.

Научная теория – это знание, выраженное в логически организованной системе понятий и суждений. Являясь знанием, теория одновременно создается с целью увеличения нашего знания, то есть получения нового знания. В силу этого теория выступает и как метод научного исследования. Условно говоря, с одной стороны, мы имеем факты, с другой стороны, законы как систему логически взаимосвязанных понятий (утверждений), которые (или при помощи которых) описывают факты, затем объясняют, и тем самым становится возможным предсказание.

Теперь возьмем одну из наших условных сторон – событие, процесс – и попытаемся ответить на вопрос: почему фактически в исторических объяснениях отсутствуют формулировки и ссылки на законы? На наш взгляд, причина состоит в том, что историк вовсе и не объясняет события в строгом смысле слова, а стремится к пониманию связи событий. Археолог так же, как и историк, не объясняет в обозначенном смысле, а пытается восстановить то, что когда-то существовало как некая целостность. Цель исторического исследования – понимание связи событий. Ввиду этого историческое исследование не увеличивает уже имеющееся историческое знание, а расширяет, углубляет наше понимание исторической действительности. Изучение прошлого всегда оказывается принципиально неполным не столько потому, что историки довольно часто

пересматривают его в связи с появлением новых фактов, а именно в силу того, что обнаруживается, проясняется сама связь событий, и в связи с этим известный факт приобретает новое качество, значение, смысл.

В археологии, в отличие от исторической науки, ситуация принципиально иная. Историк фиксирует отдельные события и стремится понять их связь, археолог же имеет дело только с материальными осколками культуры, поэтому для него главным оказывается восстановление их социальной ценности. И в этом смысле археология поставляет материал для исторического знания. Именно поэтому археолог ищет ответ на вопрос «что это такое?» – а это вопрос понимания как интерпретации.

Археологу как исследователю древних культур объекты, то есть некоторая наличность памятников и знаков, представляющих собой остатки исчезнувшей жизни, даны в виде фрагментов. Поэтому главной задачей археологического исследования является собирание, соединение того, что в прошлом представляло собой целостность. Археологические понятия образуются путем соединения признаков различных классов, но между собой связанных. Археологические понятия – не результат отвлечения, выделения общего и повторяющегося во всех индивидуальных объектах, они образуются путем соединения, слияния ряда признаков различных классов, которые между собой связаны. Например, понятие «погребальный обряд» образовано путем соединения признаков четырех классов, а именно: способ погребения (кремация-ингумация), вид захоронения (способ помещения останков), состав и размещение жертвоприношений (инвентаря), конструкция погребального сооружения.

Главная цель археологического исследования – выяснение того, что

знал о себе древний человек, то есть человек изучаемой культуры. Археолог изучает ископаемые искусственные вещи с точки зрения определенного в них знания и пытается через них восстановить целостность исторического бытия. А это значит, что предмет археологического исследования сложен. Но жизнь, бытие, то есть пребывание в определенной исторической ситуации, и исследовательская позиция по отношению к ней принципиально различаются. Археологи это довольно часто путают, и следствием этого является возникновение многих специфических трудностей в процессе самого археологического исследования. Для того чтобы исследовать столь сложный феномен, имея к тому же в виду нахождение исследователя вне традиций исследуемого феномена, надо исходить из умозрительных предпосылок. Нужда в археологической теории осознана в археологии (Л. С. Клейн и др.), но отсутствует четкое представление о том, что она должна собой представлять.

Археологическая теория по своей природе синкретична. Синкретичность археологической теории обусловлена необходимостью восстановления целостности социально-исторического бытия, поскольку археологическая реальность фрагментарна, то есть представляет собой обломки прошлого. Археологическая теория должна дать выражение этой целостности, так как для археологического исследования важным оказывается не объяснение как таковое, а понимание как интерпретация. Понять – значит восстановить связь целого, а на основании понимания связи целого уже делать выводы об исчезнувшей культуре.

Ввиду различия природы объекта естественнонаучного исследования и археологического исследования принцип классического детерминизма как принцип построения теории для

археологической теории оказывается не конститутивным, поскольку ее гносеологическая особенность – синкретичность. Процедура эмпирической проверки также не может быть применена в силу отсутствия в археологии эмпирической базы, ибо современное общество находится в иной цивилизационной форме.

Итак, мы утверждаем, что отличительной особенностью археологической теории является то, что она должна восстановить социально-культурную значимость того, что в прошлом существовало как некая целостность, а археологу-исследователю дано в виде материальных осколков культуры. В силу этого главной функцией археологической теории является восстановление целостности исторического бытия, а не объяснение и предсказание. Археологическая теория построена как способ воссоздания целостности социально-исторического бытия, что и обуславливает различие в способе построения теории в естествознании и археологии.

В самой археологии отсутствие ясно и отчетливого представления о том, что есть ее объект и предмет, приводит к пониманию археологической теории как, во-первых, упорядоченной совокупности фактов или форм научного обобщения (Ю. Н. Захарук); во-вторых, упорядоченной совокупности понятий (Чжан Гуан-Чжи); в-третьих, системы знаков; в-четвертых, набора взаимосвязанных элементов. На понимание археологической теории, видимо, с одной стороны, оказало влияние представление о строении классических естественнонаучных теорий, с другой, установка на обретение археологией статуса самостоятельной науки.

Введение математического аппарата в структуру археологической теории не является также обязательным, поскольку по своей природе археологическая теория не может быть отнесена к фор-

мализованным теориям. Восстановление древней культурной целостности исключает формализацию, поскольку требуется понимание связей ее элементов, что, в свою очередь, требует построения мысленных представлений через воображаемую позицию наблюдения-соучастия.

Специфика идеального объекта в археологии состоит в том, что он является результатом двойной реконструкции. Его характеристики постоянно пересматриваются, корректируются по мере накопления фактов, и поэтому не может быть жесткой фиксации признаков.

Построение идеального объекта в археологии может быть представлено следующим образом. Изначально археологу даны материальные осколки культуры, которые посредством реконструкции, представляющей словесное описание как интерпретацию, становятся объектами исследования, затем на этой основе формируется эмпирический идеальный объект, репрезентирующий только те характерные свойства объектов, которые были даны в описании. Этот эмпирический идеальный объект в археологии представляет собой абстрагированный идеал и/или обобщение. Затем ему приписываются признаки, которыми восстановленные объекты не обладают, но знанием о которых (признаках) располагает исследователь.

В функции исходного идеального объекта можно рассматривать понятие архетипа. Архетип, являясь теоретическим конструктом, полученным в результате осмысления этнографических знаний о первобытных культурах и общих представлений о культуре культурологического плана, с одной стороны, указывает на характер природы исследуемого объекта, а с другой стороны, является средством его исследования для получения культурно-исторической информации.

Таким образом, трудности археологического исследования обусловлены неясностью природы исследуемого объекта и отсутствием объектного мира исследования, содержанием которого являются абстрактные и идеализированные объекты.

Библиографический список

1. Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. – М. : Прогресс, 1983.
2. Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. – Киев, 1983.
3. Клейн Л. С. Структура археологической теории // Вопросы философии. – 1980. – № 3.
4. Клейн Л. С. Археологическая типология. В 2 ч. – Л., 1990.
5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
6. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991.
7. Хвостова К. В., Финн В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. – М., 1995.
8. Хвостова К. В. История : проблемы познания // Вопросы философии. – 1997. – № 4.

Bibliograficheskiy spisok

1. Garden Zh.-K. Teoreticheskaya arheologiya. – М. : Progress, 1983.
2. Gening V. F. Ob'ekt i predmet nauki v arheologii. – Kiev, 1983.
3. Kleyn L. S. Struktura arheologicheskoy teorii // Voprosyi filosofii. – 1980. – № 3.
4. Kleyn L. S. Arheologicheskaya tipologiya. V 2 ch. – L., 1990.
5. Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. – М., 1980.
6. Ortega-i-Gasset H. Degumanizatsiya iskusstva // Samosoznanie evropeyskoy kulturyi XX veka. – М., 1991.
7. Hvostova K. V., Finn V. K. Gnoseologicheskie i logicheskie problemyi istoricheskoy nauki. – М., 1995.
8. Hvostova K. V. Istoriya : problemyi poznaniya // Voprosyi filosofii. – 1997. – № 4.

© Ядута Л. И., 2015

Psychologické vědy

УДК 159.923

АНАЛОГИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ЛИЧНОСТИ КАК ГЛОБАЛЬНОГО ЛИЧНОСТНОГО КОНСТРУКТА

О. И. Кононенко *Кандидат психологических наук, доцент,
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина*

THE ANALOGS PERFECTIONISM OF THE PERSON AS GLOBAL PERSONAL CONSTRUCTS

O. I. Kononenko *Candidate of Psychological Sciences,
assistant professor,
Odessa I. I. Mechnikov national university,
Odessa, Ukraine*

Summary. The article focused on the determination of psychological predictors as individual personal characteristics of a particular person and his actions, which will specify semantically and fill perfectionism as a global personality construct. Based on the analysis of scientific publications the main predictors of psychological makeovers include: features of self-attitude or meaning of I; varying degrees of self-actualization combined with the level of anxiety, dignity; life aspirations, features of self-determination, features of self-identity; ideals of personality; achievement motivation; overstated the level of claims; oversituated (nonadaptative) activity.

Keywords: personality; perfectionism; self-attitude; oversituated (nonadaptative) activity.

Перфекционизм – это стремление личности быть совершенным, безупречным во всем. Основным методологическим препятствием на пути к концептуализации перфекционизма в контексте общепсихологического знания выступает отсутствие теоретической модели, в рамках которой возможно представление различных граней этого феномена в едином континууме. Этим определяется необходимость изучать и учитывать те изменения, которые испытывают базовые характеристики личности, выступающие психологическими факторами перфекционизма. Анализ научных публикаций, посвященных изучению перфекционизма личности, показал, что существуют различные трактовки центрального понятия.

Создание современной концепции перфекционизма требует выделения и качественной характеристики ведущих психологических аналогов, которые создают основу для его формирования в личности, либо они сами по себе выступают детерминантами различных видов перфекционизма. В науке не существует единого взгляда на эту проблему, но анализ научных первоисточников позволил нам выделить и проанализировать роль отдельных психологических феноменов, максимально приближенных к содержанию перфекционизма.

Среди всех граней Я, выделенных Д. А. Леонтьевым (физическое, социально-ролевое, психологическое, экзистенциальное и смысловое), именно

пятая грань Я-самоотношение, или смысл Я является наиболее интегрированным и близким к психологическим механизмам перфекционизма [8].

И. В. Борисова подчеркивает особую роль для социального функционирования личности разных степеней ее самоактуализации в сочетании с уровнем тревожности [2].

На наш взгляд, сочетание самоактуализации с тревожностью может рассматриваться не только как определенное условие ее социальной жизнедеятельности, но и как аналог перфекционизма, поскольку в контексте проведенного исследования И. В. Борисова рассматривает самоактуализацию в широком контексте как стремление человека к наиболее полному выявлению и развитию своих личностных возможностей, а процесс самоактуализации – как непрерывную реализацию человеком своих потенциальных способностей и талантов, как более полное познание и принятие своей собственной первичной природы, как неустанное стремление к единству и интеграции личности [2]. Тревожность как свойство личности во многом обуславливает поведение человека, будучи естественной и обязательной особенностью активной, деятельной личности, поэтому и ее роль в данной диаде особая [2].

Чувство собственного достоинства как один из возможных аналогов перфекционизма интересует нас в первую очередь, некоторыми внутриличностными переменными, а именно:

– когнитивной способностью к децентрации, которая позволяет учитывать при принятии решения других людей (даже более социально отдаленных от непосредственных участников ситуации), что позволяет достичь высокого уровня нравственного сознания и расширить сферу личностных смыслов к гуманистическим);

– личностной идентичностью, что позволяет распространить равное

ценностное отношение к своему «Я» и к объекту идентификации, может служить сдерживающим механизмом, который не позволяет обесценить объект или себя в ситуации любой неуспеваемости [4].

Определяя, вслед за Д. А. Леонтьевым, жизненные устремления и самодетерминации как ощущения и реализацию свободы выбора человеком способа поведения и существования в мире независимо от сил внешнего окружения и внутриличностных процессов, влияющих на него, мы отмечаем определенных аналогии с перфекционистскими чертами [8]. В частности, особая роль принадлежит жизненным устремлениям (Ю. А. Котельникова [7]). В результате проведенного эмпирического исследования Ю. А. Котельниковой были получены данные, согласно которым при большей выраженности внешних стремлений преобладает ориентация на позитивное будущее и гедонистическое настоящее, люди же с большей выраженностью внутренних стремлений склонны положительно воспринимать всю свою жизнь. При преобладании внутренних стремлений растет уровень рефлексивности, а в случае преобладания внешних – снижается. Развитая жизнестойкость также отмечается в случае преобладания внутренних стремлений [7].

Следующим аналогом перфекционизма может выступать устойчивое стремление личности к самосовершенствованию, которую актуализирует внутриличностный потенциал, задает вектор саморазвития и выступает естественной потребностью. В персонологических теориях стремление к самосовершенствованию и самореализации признается врожденной динамической тенденцией (потребностью, мотивом, инстинктом и т. п.) личности, глубокой телеологической побудительной силой. Идея совершенствования себя

является центральной для гуманитарного знания и ряда концепций о человеке. Однако стремление личности к самосовершенствованию может быть амбивалентно, а иногда выступать как патологическая черта: доминирование в сознании человека современных эталонов качества жизни (культура совершенства и успешности, представительности и популярности) подталкивает ее к достижению идеальных результатов деятельности и конкурентного образа жизни, что, в свою очередь, дестабилизирует психологическое здоровье носителя.

Кроме самосовершенствования к базовым характеристикам личности, которые могут выступать аналогами перфекционизма, относятся и идеалы, принятые ею. От того, какой идеал, образец для подражания выбирает человек, во многом зависят его судьба и жизненный путь. Содержание идеалов может меняться, но на определенном этапе он задает направление личностного развития. По С. Л. Рубинштейну, идеал может выступать совокупностью норм поведения; образом, что воплощает наиболее ценные, привлекательные человеческие черты; образом, который служит образцом [12]. Идеал – это предусмотренное воплощение того, чем субъект может стать. В культурно-исторической концепции Л. С. Выготского идеал рассматривается как гипотетическая «Конечная цель» развития личности, главная ценностная установка, согласно которой формируется «ценностное отношение» к собственным поступкам, событий жизни [3]. Стремление соответствовать выбранным идеалам любой ценой может быть фактором, запустить механизмы перфекционистского развития личности. Э. Эриксон предупреждал об огромной опасности неверно выбранного идеала, для «лучших и самых старательных» [13]. Выбрать идеал, который бы побуждал развитие всего луч-

шего в человеке, а не толкал его на путь ошибок – важная задача современной психологии.

На наш взгляд, мотивация достижений также может выступать основой перфекционистских черт личности поскольку предполагает личностную готовность к приложению максимальных нервно-психических и волевых усилий для получения наилучших результатов в значимой сфере деятельности, а, следовательно, выступает релевантным диспозиционным фактором в структуре перфекционизма. Феноменологическими показателями мотивации достижения являются стремление к соревнованию с самим собой в достижении высоких результатов, к переживанию успеха в значимой деятельности и избеганию неудач, способность рационального целеполагания.

Завышенный уровень притязаний личности как желаемый уровень ее достижений, связанный с самооценкой, также является одним из предикторов перфекционизма, и определяется степенью трудности таких задач, которые личность ставит перед собой. Для трактовки уровня притязаний как аналога перфекционизма важно его психологическое определение. Так, по В. М. Мясищеву, уровень притязаний – это те качественно-количественные показатели, которым должна удовлетворять, с точки зрения личности, ее производительность [10]; в трактовке Б. Г. Афаньева, уровень притязаний связан с оценочными потребностями, будучи притязаниями личности на определенную оценку [1]; согласно В. С. Мерлину, уровень притязаний отражает ту степень оценки, в которой нуждается человек, чтобы чувствовать удовлетворение [9], а у Я. Л. Коломинского уровень притязаний является моделью самореализации, образом Я, который личность считает для себя приемлемым [5]. Мы придерживаемся определения Р. Корсини и А. Ауербаха, которые относят

данный феномен к базовым образованиям личности [6].

Еще одним психологическим феноменом, который выступает аналогом перфекционизма, является надситуативная (неадаптивная) активность личности. К сожалению, ни в одном из исследований, посвященных перфекционизму, особая роль этого феномена не освещалась. В. А. Петровский рассматривает надситуативную (неадаптивную) активность как способность человека подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения основной задачи, преодолевая внешние и внутренние ограничения деятельности [11]. Эта теория предполагает существование мотивации, суть которой заключается в самой привлекательности действий с нерешенным заранее результатом. Важно, что человеку известно о том, что выбор, который он собирается сделать, возможно будет связан с разочарованием или срывом, но это не отталкивает, а еще сильнее стимулирует к действию.

По мнению автора, надситуативная активность выступает одной из характеристик индивидуальности. Действительно, «быть индивидуальностью» – значит подниматься над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта. Основу подобных актов образует собственная динамика деятельности, фонд новых возможностей («могу») как источник новых побуждений к действию («хочу»). Личность, чрезмерная в своих проявлениях, действует над порогом ситуативной необходимости. В. А. Петровским были исследованы такие формы «надситуативности» как «поезд до предела» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный риск», преобразования нетворческой деятельности на творческую, непрагматичный

отказ от подсказок, «презумпция существования решения» и т. д. [11].

Потребность в персонализации субъективно может выступать в мотивации достижения, притязании на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и может быть либо не быть рефлексивной, осознанной (А. В. Петровский). Выделяя себя как индивидуальность, приобретая дифференциальную оценку себя как личности, человек считает себя в общности как необходимое условие ее существования [11]. Потребность в персонализации, по А. В. Петровскому, обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей, в практику и одновременно оказывается детерминированной этими социальными связями [11]. Стремясь включить свое «Я» в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, привлекая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность в персонализации. Однако удовлетворение потребности порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс не является конечным. Он продолжается или в расширении объектов персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых отражается этот субъект, или в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в своей жизни, что и может принять форму перфекционизма.

Феноменология «надситуативной активности» как потенциального предиктора перфекционизма может быть представлена такими феноменами как «транситуативность», «надситуативная цель», «надситуативная мотивация» и «надситуативный образ», которые, по В. А. Петровскому, описывают феномен выхода за пределы требований, которые «на старте» деятельности или общения индивид сам предъявляет

к себе (для нашего понимания природы перфекционизма значимо, что эти требования могут быть предъявлены и другими людьми, важным здесь является то, что субъект относится к ним как к собственным) [11]. Надситуативная мотивация характеризуется побуждениями, чрезмерными с точки зрения потребности, которая первично инициировала поведение, и, возможно, находящихся иногда в противоречивом единстве с этой потребностью. Надситуативная цель – цель, принятие которой не следует непосредственно из требований ситуации, однако реализация которой предусматривает актуальную возможность достижения первоначальной цели.

Таким образом, основной задачей исследования перфекционизма является выделение психологических аналогов перфекционизма, которые представляют собой индивидуальные личностные особенности конкретного человека и его поступков, что позволит конкретизировать и семантически наполнить перфекционизм как глобальный личностный конструкт.

К главным психологическим аналогам перфекционизма можно отнести: особенности самоотношения или смысл Я; различные степени самоактуализации в сочетании с уровнем тревожности, чувство собственного достоинства; жизненные стремления, особенности самодетерминации; особенности самосовершенствования личности; идеалы личности; мотивацию достижения; завышенный уровень притязаний; надситуативную (неадаптивную) активность.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб. : Питер, 2002 – 228 с.
2. Борисова И. В. Взаимосвязь степени самоактуализации и уровня тревожности на разных периодах возрастного развития // Ананьевские чтения, 2009. – С. 71.
3. Выготский Л. С. Собр. Соч.. В 6 т. – Т. 1. Вопросы теории и истории психологи / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – 488 с.
4. Зайцева Ю. Е. Жизнестойкость и чувство собственного достоинства как факторы принятия решения в ситуации значимого личностного выбора // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 13 / под. ред. Л. А. Коростылевой. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. – С. 37–54.
5. Коломинский Я. Л. Человек: психология. – 2-е изд. доп. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.
6. Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. – СПб. : Питер, 2006. – 106 с.
7. Котельникова Ю. А. Жизненные стремления человека и сценарий его жизни как конструкты личностного анализа // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9201318>.
8. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. – Вып. 1. – М. : Смысл, 2002. – С. 56–65.
9. Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности. – Пермь : Изд-во ПГТИ, 1970. – 453 с.
10. Мясичев В. Н. Психология отношений. – М. : Издательство Московского психолого-социального института, 2003. – 400 с.
11. Петровский В. А., Петровский А. В. Личность: феномен субъектности. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1993. – 345 с.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 720 с.
13. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. – SPb. : Piter, 2002 – 228 s.
2. Borisova I. V. Vzaimosvyaz stepeni samoaktualizatsii i urovnya trevozhnosti na raznykh periodakh voznrastnogo razvitiya // Anan'evskie chteniya, 2009. – S. 71.
3. Vyigotskiy L. S. Sobr. Soch.. V 6 t. – T. 1. Voprosyi teorii i istorii psihologi / pod red. A. R. Luriya, M. G. Yaroshevskogo. – M. : Pedagogika, 1982. – 488 s.
4. Zaytseva Yu. E. Zhiznestoykost i chuvstvo sobstvennogo dostoinstva kak faktoryi prinyatiya resheniya v situatsii znachimogo lichnostnogo

- vyibora // Psihologicheskie problemy samo-realizatsii lichnosti. Vyip. 13 / pod. red. L. A. Korostylevoy. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010. – S. 37–54.
5. Kolominskiy Ya. L. Chelovek: psihologiya. – 2-e izd. dop. – M. : Prosveschenie, 1986. – 223 s.
 6. Korsini R., Auerbah A. Psihologicheskaya entsiklopediya. – SPb. : Piter, 2006. – 106 s.
 7. Kotelnikova Yu. A. Zhiznennyye stremleniya cheloveka i stsenariy ego zhizni kak konstruktyi lichnostnogo analiza // Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem. – 2014. – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9201318>.
 8. Leontev D. A. Lichnostnyiy potentsial kak osnova samodeterminatsii // Uchenyye zapiski kafedryi obschey psihologii MGU. – Vyip.1. – M. : Smyisl, 2002. – S. 56–65.
 9. Merlin V. S. Problemyi eksperimentalnoy psihologii lichnosti. – Perm : Izd-vo PGTI, 1970. – 453 s.
 10. Myasishev V. N. Psihologiya otnosheniy. – M.: Izdatelstvo Moskovskogo psihologo-sotsialnogo instituta, 2003. – 400 s.
 11. Petrovskiy V. A., Petrovskiy A. V. Lichnost: fenomen sub'ektnosti. – Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1993. – 345 s.
 12. Rubinshteyn S. L. Osnovyyi obschey psihologii. – SPb. : Piter Kom, 1999. – 720 s.
 13. Erikson E. Identichnost: yunost i krizis. – M. : Izd. gruppya «Progress», 1996. – 344 s.

© Кононенко О. И., 2015

Empirický a aplikovaný výzkum

Chemické vědy

УДК 543.422.3:615.322.073

СПЕКТРЫ ПОГЛОЩЕНИЯ СПИРТОВЫХ ЭКСТРАКТОВ ИЗ ЗЕЛЕННЫХ ЛИСТЬЕВ

В. М. Колдаев

*Доктор биологических наук, профессор,
Горнотаежная станция
им. В. Л. Комарова ДВО РАН,
п. Горнотаежное, Приморский край, Россия*

THE ABSORPTION SPECTRUMS OF ETHANOL EXTRACTS FROM GREEN LEAFS

V. M. Koldaev

*Doctor of Biological Sciences, professor,
Mountain-taiga Station
named after V. L. Komarov FEB RAS,
Gornotaezhnoe, Russia*

Summary. In this article the objective laws the correlation of content a chlorophylls and other pigments in green leaves are described. It is recording absorption spectrums of extracts from leaves 34 plants 21 families. This spectrum subdivides into three basic types by arrangement of greatest maximum in middle-wave, long-wave ultra-violet, visible part of optical range. We estimate the relative content of chlorophyll and other pigment by ratio optical density of length wave 664 nm and optical density of length wave of greatest maximum. The first type is characterized by low, the second type by middle and third type by the most content of chlorophyll in green leaves in comparison with other pigments.

Keywords: chlorophyll; pigment; extract; spectrophotometry.

Фоторецепторная система зеленого листа строится посредством тетрапирролов, образующих циклическую структуру хлорофиллов и фикобилинов, а также полиизопреноидов, создающих большой и разнообразный класс каротиноидов [4]. Кроме указанных веществ в процессах утилизации энергии света в какой-то мере участвуют соединения с хромофорными группами антоцианы, флавоноиды и др. [1; 5]. Соотношение

поглощения энергии хлорофиллами и других пигментов изучены недостаточно полно, хотя имеют практическое значение, например, для оценки состояния растительных ресурсов. Спектрофотометрическое определение относительной поглощательной способности хлорофиллов по сравнению с другими хромофорами в спиртовых экстрактах из зеленых листьев растений составило цель нашей работы.

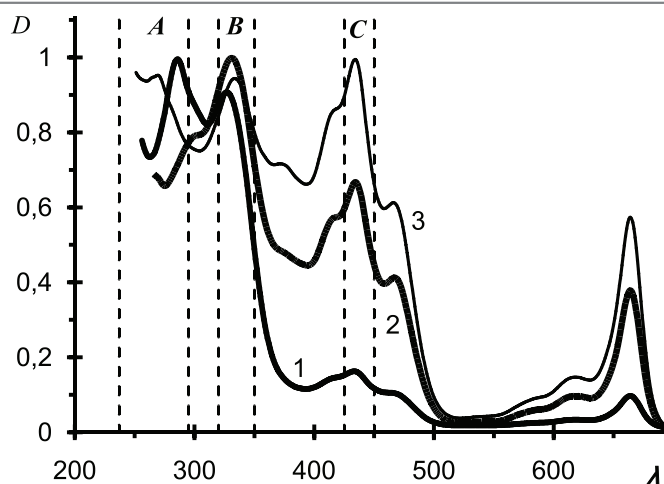
Материалом исследований служили листья 34 видов растений из 21 семейства, взятые во время цветения. Отбираемый материал рандомизировали двойной слепой пробой с использованием случайных чисел. Из трех отобранных листьев каждого вида растения вырезали в средней трети по два фрагмента площадью 1 кв. см симметрично осевой линии, которые немедленно растирали в ступке с кварцевым песком и 10 мл 95% этилового спирта с добавлением углекислого магния, затем фильтровали во флаконы темного стекла. Все манипуляции выполняли в затемненном помещении. Спектры регистрировали на цифровом спектрофотометре UV-2501PC (Shimadzu, Япония), обрабатывали по описанной ранее авторской методике [2] и находили длину волны наиболее высокого максимума (НВМ). Соотношение поглощения хлорофиллов относительно других пигментов оценивали по коэффициенту

$$K = D(664)/D(\text{НВМ}),$$

где $D(664)$ – оптическая плотность на аналитической длине волны 664 нм, со-

ответствующей максимуму поглощения хлорофилла в спиртовом экстракте из зеленого листа; $D(\text{НВМ})$ – оптическая плотность на длине волны наиболее высокого максимума в спектре.

Исследования показали, что зарегистрированные абсорбционные спектры экстрактов из листьев зеленых растений имеют от 6 до 8 максимумов разной высоты в ультрафиолетовом (УФ) и видимом диапазонах, длины волн которых согласуются с литературными данными [5]. Судя по полученным результатам, НВМ в спектрах экстрактов из листьев разных растений попадают как в УФ, так и в видимый, синий диапазоны. В зависимости от длины волны НВМ зарегистрированные спектры можно подразделить на несколько групп. В первую группу включены спектры, имеющие НВМ в коротковолновой 237–295 диапазон *A*, во вторую – в длинноволновой 320–350 диапазон *B* ультрафиолетовой области, в третью – в видимой синей области 425–450 нм диапазон *C* (см. таблицу).

Нормированные абсорбционные спектры этанольных экстрактов из листьев душицы обыкновенной (1), лопуха большого (2) и пырея ползучего (3). А, В, С – диапазоны длин волн наиболее высоких максимумов. По вертикали – оптическая плотность (D) в относительных единицах, по горизонтали – длина волны (λ) в нм

Диапазон (Д, нм) наиболее высоких максимумов, их длина волны (λ, нм), коэффициент К и его репрезентативный интервал (РИ) для абсорбционных спектров спиртовых экстрактов из листьев разных видов растений

Д	Вид растения	l	К	РИ
А (237-295)	Береза маньчжурская (<i>Betula mandshurica</i> Nakai)	267	0,14	0,10-0,26
	Бобы черные (<i>Vicia faba</i> L.)	266	0,13	
	Дайкон (<i>Raphanus sativus</i> Stank.)	264	0,25	
	Гречиха (<i>Fagopyrum esculentum</i> Moench.)	259	0,23	
	Дицентра (<i>Dicentra spectabilis</i> Bernh.)	262	0,19	
	Душица обыкновенная (<i>Origanum vulgare</i> L.)	286	0,10	
	Жимолость Маака (<i>Lonicera maackii</i> Maxim.)	286	0,18	
	Купальница Ледебура (<i>Trollius ledebourii</i> Rchb.)	267	0,20	
	Лимонник китайский (<i>Schisandra chinensis</i> Baill.)	268	0,16	
	Недотрога обыкновенная (<i>Impatiens noli-tangere</i> L.)	237	0,25	
	Недотрога Ройля (<i>Impatiens roylei</i> Walp.)	268	0,21	
	Ревень пальчатый (<i>Rheum rhabarbarum</i> L.)	271	0,18	
	Сирень амурская (<i>Syringa amurensis</i> Rupr.)	281	0,26	
	Сирень персидская (<i>Syringa persica</i> L.)	251	0,19	
Черемуха азиатская (<i>Padus asiatica</i> Kom.)	282	0,23		
В (320-350)	Анис обыкновенный (<i>Anisum vulgare</i> Gaerth.)	332	0,22	0,27-0,46
	Брокколи (<i>Brassica oleracea</i> Plenck)	331	0,31	
	Горчица сарепская (<i>Brassica juncea</i> (L.) Czern.)	341	0,38	
	Иссоп лекарственный (<i>Hyssopus officinalis</i> L.)	327	0,32	
	Крапива двудомная (<i>Urtica dioica</i> L.)	331	0,42	
	Лапчатка гусиная (<i>Potentilla anserina</i> L.)	329	0,39	
	Лопух большой (<i>Arctium lappa</i> L.)	331	0,38	
	Овсяница даурская (<i>Festuca dahurica</i> Krecz.)	335	0,46	
	Патриния скабиозолистная (<i>Patrinia scabiosifolia</i> Fisch. ex Link.)	337	0,54	
	Чабер садовый (<i>Satureja hortensis</i> L.)	330	0,32	
Черда трехраздельная (<i>Bidens tripartite</i> L.)	326	0,27		
С (425-450)	Галинзога (<i>Galinsoga parviflora</i> Cav.)	434	0,58	0,47-0,64
	Горох посевной (<i>Pisum sativum</i> L.)	434	0,59	
	Клевер ползучий (<i>Trifolium repens</i> L.)	434	0,61	
	Лук скорода (<i>Allium schoenoprasum</i> L.)	434	0,63	
	Настурция большая (<i>Tropaeolum majus</i> L.)	434	0,60	
	Пырей ползучий (<i>Elytrigia repens</i> (L.) Nevski)	434	0,58	
	Редька посевная (<i>Raphanus sativus</i> L.)	434	0,60	
	Цуккини (<i>Cucurbita pepo</i> L.)	434	0,59	

Типичные спектры групп показаны на рисунке: из первой группы спектр экстракта листьев душицы обыкновенной, второй – лопуха большого и третьей – пырея ползучего. Наибольшая часть исследованных спектров 44 % относит-

ся к первой группе, ко второй и третьей группам 32 и 24 % соответственно.

Как известно, для спектров спиртовых извлечений из зеленых листьев максимум поглощения в области 660–665 нм является обобщенным

признаком хлорофиллов, а его высота (оптическая плотность) отображает их суммарное поглощение [3; 4]. Наиболее высокие максимумы соответствуют поглощению не хлорофилловых пигментов листа. Отношение высот максимумов на аналитической длине волны 664 нм и на длинах волн НВМ, или коэффициент K , дает представление об относительной по сравнению с другими пигментами поглотительной способности хлорофиллов. Полученные данные показывают, что коэффициент K для листьев каждого вида растения принимает индивидуальные значения (см. таблицу). В первой группе спектров с НВМ в коротковолновой области УФ диапазона коэффициенты K имеют самые низкие значения в так называемом репрезентативном интервале (РИ) от 0,10 до 0,26. Во второй группе спектров с НВМ в длинноволновой части УФ коэффициенты K принимают значения в репрезентативном интервале от 0,27 до 0,46, то есть в среднем имеет более высокие значения по сравнению с коэффициентами для спектров первой группы. Правда, указанная тенденция выполняется не строго. Так, для спектра извлечений из листьев аниса обыкновенного значения K оказываются меньше нижней границы РИ, а для патринии скабиозолистной превышают его верхнюю границу. Для всех спектров третьей группы коэффициент K имеет наибольшие значения в интервале 0,46–0,64, превосходит коэффициенты K первой и второй групп в 2,97 и 1,51 раза соответственно. В целом коэффициент линейной корреляции между длиной волны НВМ и значением K достигает величины $0,88 \pm 0,07$ ($p < 0,001$), другими словами, закономерная тенденция – чем короче длина волны НВМ, тем меньше значение K – выполняется с вероятностью 0,77. Таким образом, растения со спектрами первой группы (А) характеризуются низким, второй (В) средним и третьей (С) относительно высоким поглощением хлоро-

филлов в зеленых листьях по сравнению с другими пигментами.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

1. Абсорбционные спектры спиртовых экстрактов из зеленых листьев разных видов растений подразделяются на три группы по положению наиболее высоких максимумов в коротковолновой, длинноволновой частях ультрафиолетового и в синей области оптического диапазонов.

2. Листья с наиболее высокими максимумами спектров поглощения в коротковолновом УФ в основном имеют низкое, в длинноволновом УФ среднее и в видимой области наибольшее сравнительное поглощение хлорофиллов по отношению к другим пигментам зеленого листа.

Библиографический список

1. Гавриленко В. Ф., Жигалова Т. В. Большой практикум по фотосинтезу. – М.: Академия, 2003.
2. Колдаев В. М. Спектры поглощения экстрактов из лекарственных растений Приморья. – М.: Спутник+, 2013.
3. Колдаев В. М. Разновидности абсорбционных спектров этанольных извлечений из листьев растений // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 5 (3). – С. 1793–1795.
4. Физиология растений / Под ред. И. П. Ермакова. – М.: Академия, 2007.
5. Хелдт Г. В. Биохимия растений. – М.: БИНОМ, 2011.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gavrilenko V. F., Zhigalova T. V. Bolshoy praktikum po fotosintezu. – М.: Akademiya, 2003.
2. Koldaev V. M. Spektryi pogloscheniya ekstraktov iz lekarstvennyih rasteniy Primorya. – М.: Sputnik+, 2013.
3. Koldaev V. M. Raznovidnosti absorbtсионnyih spektrov etanolnyih izvlecheniy iz listev rasteniy // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. – 2014. – Т. 16. – № 5 (3). – С. 1793–1795.
4. Fiziologiya rasteniy / Pod red. I. P. Ermakova. – М.: Akademiya, 2007.
5. Heldt G. V. Biohimiya rasteniy. – М.: BINOM, 2011.

© Колдаев В. М., 2015

Economie

УДК 339. 923

**АНАЛИЗ АНТИКРИЗИСНОГО ПЛАНА
РАЗВИТИЯ РОССИИ НА 2015 ГОД**

И. А. Черногор

*Преподаватель,
Уфимский юридический
институт МВД России,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

**THE ANALYSIS OF THE ANTI-CRISIS PLAN
OF DEVELOPMENT OF RUSSIA FOR 2015**

I. A. Chernogor

*Teacher,
Ufa Law Institute of MVD of Russia,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Summary. In article crisis problems with which our country, after the imposed sanctions is faced are considered. Special attention is paid on the state to which the main role in overcoming of the crisis phenomena, the analysis of the anti-recessionary actions which are carried out by the Government of the Russian Federation is carried out. Offers on improvement of the antirecessionary plan of the Russian Federation for 2015 are formulated.

Keywords: crisis; state; state anti-recessionary policy; anti-recessionary actions; crisis management; anti-crisis plan; analysis of the development plan; the effective management; Russia.

Согласно закону Мерфи, любой кризис хуже, чем представление о нем. Глобальный характер нестабильности, порождающий риски и угрозы, требует изменения подхода государства к антикризисному управлению и к разработке мероприятий, способствующих выходу страны из кризиса. Каждая экономика страны рано или поздно испытывает на себе его последствия. Стандартного решения данной проблемы не существует, потому что причины возникновения и способы преодоления кризиса у каждой страны свои. Сейчас в России экономическая ситуация очень не стабильна. Наша страна находится в сложной ситуации. Обвал курса рубля, пре-

жде всего, связан с падением цен на нефть. Зависимость от нефти сформировалась не сегодня, поэтому очень тяжело слезть с «нефтяной иглы». Но это нужно сделать, чем раньше, тем лучше. А поспособствовать может только сильная экономика, которая экспортирует не сырье, а готовые товары. Для этого нужно диверсифицировать экономику, развивать промышленность, сельское хозяйство. Нестабильная геополитическая обстановка, присоединение республики Крым и события на Украине спровоцировали объявление санкций Запада.

В конце января Правительством РФ был утвержден план первостепенных

мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году [2]. Это антикризисный план, который включает в себя широкий перечень мероприятий по многим направлениям. В первую он создан с целью обеспечения устойчивого развития страны, ведь в период неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической обстановки подобный план жизненно необходим. Данный документ позволяет выделить семь ключевых направлений деятельности, которые выведут Россию из кризиса – в тексте плана регламентируются 60 пунктов. Антикризисный план должен решить злободневный вопрос импортозамещения, несырьевого экспорта [6; 7].

Особое место уделяется оказанию социальной поддержки гражданам, содействию развитию малого и среднего бизнеса, поддержке занятости населения, выявлению и устранению неэффективных бюджетных расходов, санации предприятий, поддержке банковской системы, проведению структурных изменений в экономике, снижению инфляции, стабилизации работы предприятий приоритетных сфер и многое другое. Правительство оценивает антикризисную программу в 1,3 трлн руб., но с учетом докапитализации банковской системы в 2,33 трлн руб. Самое интересное, что из 60 пунктов плана уже 25% мероприятий выполнено, что не может ни радовать [5].

Самое первое, что отражается в плане, это стабилизационные меры, которые прежде всего направлены на докапитализацию значимых кредитных организаций. Докапитализация будет осуществляться через государственную корпорацию (АСВ) и затронет 27 банков. Но многие эксперты придерживаются другого мнения: докапитализацию нужно совершать множеству банков, в том числе региональным банкам «второго уровня». Создание банка «плохих» активов будет направлено на

обеспечение устойчивости банковской системы, оздоровление предприятий, находящихся на грани банкротства. Такая структура будет на определенных условиях выкупать «токсичные» активы банков, доли организаций. Одна из мер в банковской сфере, которая предусмотрена планом, – повышение объемов предоставления юридическим лицам гарантий по кредитам, направленных на воплощение инвестиционных проектов и финансирование перестройки структуры задолженности. Объемный блок занимают вопросы, затрагивающие государственные и муниципальные заказы, посредством которых будет осуществляться поддержка отечественных производителей. Теперь в качестве авансовых платежей о поставке товаров можно будет установить до 80% условий договора, а заказов в сфере обороны вообще до 100%. Также возможно формирование механизма по заключению долгосрочных госконтрактов, но при условии нахождения и функционирования поставщика в России. Многие специалисты придерживаются одной точки зрения, что госзаказы – это серьезный источник подпитки бизнеса, в том числе малого [3].

В сфере поддержки малого и среднего бизнеса подавляющее большинство мероприятий направлено на снижение налогового бремени. За счет двукратного увеличения предельных значений выручки от реализации появится возможность расширить круг предприятий, относящихся к категории малых и средних. Это позволит большому числу предпринимателей претендовать на государственную поддержку. Планируется, что субъекты РФ получат возможность снижать ставки по УСН с объектом налогообложения «доходы» с 6 до 1%, также введутся патенты для самозанятых граждан. Все первые зарегистрированные ИП в сфере производственных и бытовых услуг будут иметь право на 2-летние «налоговые каникулы» [1].

Присутствуют намерения утвердить отраслевые программы импортозамещения, усовершенствовать систему гарантий в целях поддержки экспорта. Российским поставщикам и производителям хотят передать некоторые ресурсы и технологии, которые необходимы для запуска производства. Но правительство не дает конкретного описания товаров и их объемов, в отношении которых планируется проводить импортозамещение. Поддержка отраслей экономики носит предпочтительно точечный характер: поддержка сельского хозяйства, промышленности и топливно-энергетического комплекса. Увеличение объема перевозок на внутренних линиях и снижение цен на авиаперевозки принесет положительный эффект [4].

Государственное регулирование экономики, обеспечение экономической безопасности имеющих право на получение набора социальных услуг. Содействию занятости населения отведена малая роль в составлении плана, отсутствует конкретика. Сочетание разумного государственного регулирования с личной ответственностью, вниманием к нравственным ценностям – одновременно простая и сложная задача. Как отмечают многие специалисты, подготовленный антикризисный план не способен устранить все проблемы, но есть возможность смягчить кризис. Абсолютно точно в данный документ будут вноситься поправки, у обеих палат Федерального собрания имеются свои.

Во время кризисной ситуации государство должно поддерживать бизнес, потому что предпринимателям тяжело выжить в таких условиях. Выбранный курс Правительства РФ по снижению налоговой нагрузки принесет свои плоды. Необходимо создать условия для упрощенной регистрации новых организаций с возможным образованием «одного окна», как принято в свобод-

ных экономических зонах (СЭЗ). Ведь намного удобнее, когда все в одном месте, минимум документов и минимум затраченного времени, но максимум результата. Понижение ключевой ставки Банка России для выдачи кредитов под более реальный процент, например, под 8%. В середине декабря 2014 г. ставка рефинансирования подскочила с 10,5 до 17%, но в феврале 2015 г. ее снизили до 15%. Между тем и данный показатель для многих по-прежнему является неподъемным грузом.

Свободные экономические зоны (СЭЗ) или особые экономические зоны (ОЭЗ) как одна из мер по обеспечению устойчивого развития экономики. Россия выбрала курс создания СЭЗ. На данный момент в РФ существует 29 ОЭЗ, с 1 января 2015 года вступил в силу закон о создании новой зоны в Крыму и Севастополе на 25 лет. Регистрация началась с февраля, на данный момент люди вникают в систему льгот и других различных преференций. Закон о СЭЗ – особый режим предпринимательства, при котором существуют принципы свободной таможенной зоны. Кроме того, на 10 лет устанавливается нулевая ставка налога на прибыль в части, подлежащий зачислению в федеральный бюджет. А налог, зачисляемый в бюджет республики, в течение первых трех лет устанавливается в размере 2%. Наконец, для участников экономической зоны установлена нулевая ставка по налогу на прибыль.

Библиографический список

1. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2014 г. № 477-ФЗ // Российская газета. – 31.12.2014. – № 299.
2. О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. : распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р // Российская газета. Государственное регулирование экономики, обеспечение экономической безопасности. – 2015. – № 19.

3. Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: постановление Правительства РФ от 11.12.2014 г. № 1352 // Собрание законодательства РФ. – 22.12.2014. – № 51. – ст. 7438.
4. Об утверждении индекса роста потребительских цен за 2014 год для установления стоимости одного пенсионного коэффициента с 1 февраля 2015 г.: постановление Правительства РФ от 23.01.2015 г. № 39 // Российская газета. – 02.02.2015. – № 19.
5. Официальный сайт правительства РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru>.
6. Субхангулов Р. Р., Черногор И. А. К вопросу об обеспечении продовольственной безопасности: проблемы и перспективы импортозамещения // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 11. – С. 199–202.
7. Черногор И. А. Обеспечение экономической безопасности в современных условиях // Risks and safety in rapidly changing world: materials of the III international scientific conference on May 10–11, 2015. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – С. 71–74.
2. О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.: распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р // Rossiyskaya gazeta. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki, obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2015. – № 19.
3. Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: постановление Правительства РФ от 11.12.2014 г. № 1352 // Sобрание zakonodatelstva RF. – 22.12.2014. – № 51. – st. 7438.
4. Об утверждении индекса роста потребительских цен за 2014 год для установления стоимости одного пенсионного коэффициента с 1 февраля 2015 г.: постановление Правительства РФ от 23.01.2015 г. № 39 // Rossiyskaya gazeta. – 02.02.2015. – № 19.
5. Ofitsialnyiy sayt pravitelstva RF [Elektronnyiy resurs]. – URL: <http://government.ru>.
6. Subhangulov R. R., Chernogor I. A. K voprosu ob obespechenii prodovolstvennoy bezopasnosti: problemy i perspektivy importozamesheniya // Innovatsii i investitsii. – 2014. – № 11. – S. 199–202.
7. Chernogor I. A. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti v sovremennyih usloviyah // Risks and safety in rapidly changing world: materials of the III international scientific conference on May 10–11, 2015. – Prague: Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ», 2015. – S. 71–74.

Bibliograficheskiy spisok

1. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2014 г. № 477-FZ // Rossiyskaya gazeta. – 31.12.2014. – № 299.

© Черногор И. А., 2015

Filozofické vědy

УДК 60.026:[811.93:004.738]

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ ВО ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЕ

Г. П. Кузьмина

*Доктор философских наук, профессор,
Чувашский государственный педагогический
университет имени И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

THE INFORMATION LANGUAGE AS THE MEAN OF COMMUNICATION IN WORLDWIDE WEB

G. P. Kuzmina

*Doctor of philosophical sciences, professor,
Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russia*

Summary. Worldwide web plays an important part in the life of modern people as well as the society. It is impossible to live without the Internet, the task of which is to help a person to feel identity through the Internet communication – who are nowadays called users of the net. That is why it is highly important to create an information language of communication for the users which will become WEB LANGUAGE. This kind of language is appropriate for using in digital habitat which is set up by current IT technologies.

Keywords: language of information; Worldwide Web; communication; system of information; image.

Данная статья посвящена возможностям человека самостоятельно организовывать персональное место встреч и общения в среде Web. Для этого следует определить информационный язык конечного пользователя. Понятно, что он должен быть достаточно простым и ясным для обычных людей. Этот язык предназначен для применения в цифровой среде, которую создали современные информационные технологии, а представить себе эту среду весьма непросто. Всемирная паутина стала знаковым явлением современности, и её тема остаётся весьма актуальной, что неудивительно: сейчас практически невозможно прожить вне Интер-

нета – нравится нам это или нет. Более того, само понятие «информационное общество» во многом обязано той роли, которую играет Интернет в жизни современного общества. Конечно, тут следовало бы поговорить о мире высоких IT-технологий, которые олицетворяет Интернет; или о мире виртуальностей, которые поработают отдельные инфантильные людские души «информационного» общества.

Есть множество тем, связанных с влиянием Всемирной паутины на человека и общество в целом. Главнейшей задачей во все времена является создание определенных условий для выявления способностей людей. Притягательная

сила Интернета как раз и должна проявляться в возможности полнее реализовать человеческую индивидуальность в процессе коммуникативной деятельности интернет-пользователей. Но часто именно духовной культуры бывает недостаточно для посетителей социальных сайтов. Развитие человека в культуре неизбежно приводит к воплощению освоенных им культурных достижений, в его повседневных действиях, во всех личностных самовыражениях. Другими словами, в делах культуры достигнутым можно считать только то, что входит в быт и привычки людей. Именно в повседневной жизни, а не просто в усвоенных знаниях выражается культурность человека. На наш взгляд, «важно помнить о том, что культура человека будущего будет основываться в первую очередь на информационной культуре, которую может заложить персонифицированная гипертекстовая система» [3, с. 151].

Нельзя не считаться и с тем фактом, что больше четверти населения земного шара каждый день явно посещает web-сайты, причём Всемирная паутина давно, хотя не столь очевидно, проникла в обыденную жизнь. Простой пример зависимости быта от Интернета – это мобильная телефонная связь, так в ней человеческая речь в современных условиях часто проходит через множество компьютеров узлов-серверов Всемирной паутины: от микрофона одной трубки до динамика другой (и обратно, разумеется), о чём мы часто не задумываемся. Освоение достижений культуры требуется человеку не только для квалифицированного и умелого выполнения повседневных трудовых обязанностей, но и необходимо для выявления его внутренних возможностей.

Важно понимать, что Всемирная паутина – это, прежде всего, великое множество компьютеров и повседневное взаимодействие их программного обеспечения. Надо учитывать и то, что сами компьютеры от своего появления

в мире прошли огромный путь изменения и улучшения. Начнём с того, что первые вычислительные машины появились в виде аналоговых машин, так называемых аналоговых компьютеров. Аналоговый компьютер – это компьютер, представляющий числовые данные с помощью аналоговых физических переменных, таких как скорость, длина или напряжение (в отличие от цифрового представления). Например, на вход аналоговой вычислительной машины поставляется непрерывный поток информации в виде электрического потенциала. Когда появилась кибернетика и дала меру информации [1], стали применяться цифровые вычислительные машины – как раз то, что сегодня мы называем компьютером. Цифровые компьютеры обрабатывают дискретную информацию, а за минимальную единицу её обычно принимают «бит». Таким образом, современные компьютеры предназначены для обработки дискретной информации; иначе говоря, компьютеры нужны для обработки структурированных документов. Структурный подход в сфере программирования использовал ещё Э. Дейкстра [2]. Таким образом, компьютер – это вычислительная машина для обработки структурированной информации, причём информация должна иметь цифровую природу.

Первыми документами, пригодными для обработки ЭВМ, стали перфокарты и перфоленты. Они должны были отражать в цифровой форме нужную информацию обычной письменной речи. Знаки/символы предложений письменной речи (обычно в виде формул математических функций) кодировались на основе двоичной системы, и каждому биту соответствовал физический прорез в бумажном носителе, и именно перфокарты/перфоленты стали первыми машиночитаемыми документами. Постепенно мощность компьютеров всё больше увеличивалась. Скорость современных машинных

вычислений позволяет обрабатывать и быстро передавать не только обычные тексты, но и звуковые (аудио-) и визуальные (видео-) образы. Если в прошлом веке говорилось в основном о бумажных текстовых документах, то в этом столетии на первый план вышли электронные документы. Очень удобно, что теперь можно общаться, передавая друг другу с помощью компьютеров практически все нужные образы. Однако образы эти должны иметь цифровую природу (всё сводится к битам), а компьютеры применяют только к структурированной дискретной информации – к документам. Поэтому мы с полным правом будем рассматривать Всемирную паутину как информационную систему обработки документов, а любой человек тоже с полным правом может воспользоваться услугами этой глобальной системы.

В современных условиях практически каждый человек, вольно или невольно, становится конечным пользователем системы Web. Однако представить себе эту глобальную информационную систему целиком нелегко. Известно, что Всемирная паутина является конгломератом разнообразных компьютеров, каналов и программ. Другими словами, сама Сеть состоит из множества информационных систем, и она в своей работе основывается на множестве международных стандартов, технологий и языков (как информационных, так и естественных). Очевидно, самостоятельно разобраться с Интернетом практически невозможно, не случайно Всемирную паутину называют целым миром, который сознание человека не в состоянии адекватно воспринять и дать оценку сложностям техники и методам работы этой глобальной системы.

Будучи информационной системой, Web основывается на принципе гипертекста (тут следует отметить, что Web относится к верхнему уровню глобальной сети коммуникации компьютеров). Про-

ще говоря, Web – это система обработки документов, которые имеют форму страниц разметки гипертекста, так называемых web-страниц. Чтобы избежать некоторой неясности в толковании понятий, мы предлагаем рассматривать Всемирную паутину как мощный компьютер (вместе с его программным обеспечением), причём к этому компьютеру может подключиться любой пользователь, благо возможностей у обычных людей подключиться к Интернету много. По сути, это соответствует действительности: например, домашние компьютеры и другая бытовая цифровая техника сегодня почти обязательно становятся терминалами Всемирной паутины, причём обработка всё более и более передаётся узлам этой сети (как будто Всемирная паутина работает как цельный компьютер).

Поскольку обычному пользователю Интернета техническая начинка компьютера (чипы, шины и т. п.) не слишком интересна, постольку нет необходимости рассматривать техническое обеспечение Всемирной паутины. Приятно, что этот условный компьютер с брендом WWW всегда включён и готов к использованию, причём он имеет воистину неограниченные возможности: принимать команды разных языков, вечно хранить нужную информацию (при этом размер массивов информации фактически можно не учитывать) и возвращать человеку разнообразные результаты обработки (вычислений) информации. Важно иметь в виду, что этот всепланетный компьютер изначально задумывался с целью обслуживания массового пользователя, так что «доставка на дом» цифровой информации гарантируется (известно, что основной целью Всемирной паутины как системы является коммуникация, «информационный транспорт»).

Иными словами, любая цифровая техника всегда существует в качестве компьютера: в этой технике обязательно есть процессор, память, устройства вво-

да/вывода информации и программы. Даже автомобиль последних лет производства может рассматриваться как спецкомпьютер на колёсах, с двигателем и рулём; но тут главное, что современный автомобиль весьма часто находится в прямой связи с всеобщим компьютером под названием Всемирная паутина. К примеру, бортовой навигатор получает из Интернета карты и прокладывает нужный маршрут поездки, а сообщения автоматической охраны машины сразу передаются заинтересованным лицам по интернет-каналам.

Таким образом, если считать Web неким суперкомпьютером, то бытовая техника, которая оперативно использует в своей работе информацию Всемирной паутины, существует в качестве периферийного устройства и служит терминалом системы Web. Проще говоря, даже мощный персональный компьютер на фоне всемирной вычислительной машины с брендом Web оказывается всего лишь небольшим терминалом – вопрос в масштабе.

Терминал (англ. terminal) – это конечная часть некоей системы, которая обеспечивает связь системы с внешней средой. Для того чтобы человек, конечный пользователь информационной системы, мог самостоятельно прибегать к её услугам, терминал должен иметь функцию компьютерной консоли. Консолью компьютера называется комплект устройств интерактивного ввода-вывода, присоединённых непосредственно к компьютеру (дисплей, клавиатура, мышь и др.). В применении к программному обеспечению консолью часто называют явно выделенный комплекс программ, который обеспечивает связь пользователя с программным продуктом на его базовом («системном») уровне. Обычно программная консоль стандартно поддерживает строку ввода заданий системе (неких команд). Очевидно, что терминал информационной системы должен обеспечивать пользо-

вательский интерфейс. Пользовательский интерфейс (UI – userinterface) – это такая разновидность интерфейса, в которой одна сторона представлена человеком (пользователем), другая – машиной (устройством). Пользовательский интерфейс представляет собой совокупность средств и методов, при помощи которых пользователь взаимодействует с различными, прежде всего сложными, машинами, устройствами и аппаратурой. Чаще всего термин «пользовательский интерфейс» применяется по отношению к компьютерным программам. Также широко известны другие примеры пользовательского интерфейса, а именно:

- меню на экране телевизора и пульт дистанционного управления;
- дисплей электронных автомагнитолы или часов и кнопки переключателей для настройки;
- приборная панель автомобиля или самолёта и рычаги управления.

Конечно, интерфейс «человек – компьютер» понятие вполне условное, так сегодня мы даём задания компьютеру не в виде физических машинных команд, но сразу вызывая нужные прикладные задачи, которые обычно соответствуют программным комплексам. Понятно, что компьютерный пользовательский интерфейс нужен для задания информационной системе и получения какого-то результата в интерактивном режиме. Первые цифровые компьютеры не имели даже консоли: все команды компьютеру сразу задавались в форме машинных слов (а слово включало машинную операцию и операнды – «данные»). Потом появились оперативные системы (ОС), которые включали программное обеспечение консоли. Так появились первые пользовательские интерфейсы (первым известным языком пользовательского интерфейса стал язык заданий JCL фирмы IBM, и этот язык сыграл огромную роль в создании первых больших информационных

систем типа АСУ). И так, пользовательский интерфейс нужен для определения заданий компьютеру, но только в том случае, когда на компьютер установлена, как минимум, оперативная система. Точнее говоря, пользовательский интерфейс нужен для передачи задания не компьютеру (компьютерам), но для задания-запроса к системе (тут – всегда информационной). Надо заметить, что результат действия компьютера (системы) может появиться и вне рамок пользовательского интерфейса – скажем, в виде управляющего действия над механизмом (например, поворот руля автомобиля меняет курс машины, но угол движения вовсе не отражается в этом примерном «пользовательском интерфейсе»). В результате пользовательский интерфейс «человек – компьютер» сводится к заданию компьютеру, а компьютер возвращает пользователю некий ответ – в общем случае, этот ответ может быть любым (разумеется, в рамках некой системы). Обычно этот ответ включает отметку получения и выполнения задания. Интерфейс пользователя может включать (использовать) информационный язык консоли. В таком языке можно определить задание компьютеру (системе), задавая определённые входные/выходные потоки данных и т. д. Когда мы предложили сравнить всю Всемирную паутину со сверхмощным компьютером вместе с его программным обеспечением, то тогда же мы выбрали форму пользовательского интерфейса, а именно «web-страницу» (страницу разметки гипертекста). Однако именно в этот момент мы резко уменьшили возможности Всемирной паутины как компьютера, который включает и поддерживает разнообразные системы (и в дальнейшем может включать и поддерживать новые системы). Дело в том, что пользовательский интерфейс системы Web имеет в базе специфический язык, а именно язык HTML, который

не может служить языком заданий ни системе, ни компьютеру. Известно, что и сама система Web, и её пользовательский интерфейс прямо основываются на ссылках. Понятно, что ссылка может появиться и нормально работать только в том случае, когда существует объект, на который указывает ссылка.

В случае Web принята система специальных ссылок, называемых гиперссылками, что обозначает наличие некоего гипертекста. Известный российский ученый М. М. Субботин отмечал, что гипертекст – это такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты [5].

Модный сегодня термин «гипертекст» также обозначает существование обычного текста. В «Словаре культуры XX века» В. П. Руднев приводит в качестве простейшего примера гипертекста энциклопедию или словарь, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря [4]. Понятно, что «гиперссылки гипертекста» вполне бессмысленная штука, так как «пространство гипертекста» (или «пространство гиперссылок») не может существовать без обычного текста. Иначе говоря, чтобы дать задание гипертекстовой системе, нужно явно определить, прежде всего, сам текст (разумеется, тут мы говорим об электронной форме текста, который может включать аудио- и видеоэлементы), а создание нового электронного текста сегодня находится «вне компетенции» Web.

Итак, система Web в своём пользовательском интерфейсе предлагает применять только готовые страницы разметки гипертекста, одновременно не предлагая возможность давать задание системе на создание нужного гипертекста. А попросту говоря, современное состояние Web не позволяет конечным

пользователям, обычным людям, самостоятельно создавать собственные, персональные гипертексты. При этом повсеместно декларируется гипертекстовая основа Web.

Каково же современное состояние Всемирной паутины? Для обычных людей этот «мир виртуальности», в сущности, является автоматом (вроде игрового, газетного и даже отчасти банкового); правда, весьма сложным и с теми важнейшими отличиями, что информационные услуги доставляются «на дом», причём «мой дом – где я». Главное же заключается в обслуживании «народных масс» (так называемого конечного «массового пользователя»). Иначе говоря, некто создаёт информационные услуги и закладывает их в автомат под названием Web, а население служит покупателем-потребителем информации. Понятно, что сегодня обычным людям по различным причинам практически невозможно создать свой персональный гипертекст (точнее, гипертекстовую систему). И прежде всего из-за небольшого недостатка: современный стандартный пользовательский web-интерфейс, в сущности, не поддерживает важнейшую функцию консоли – давать задания системе. Проще говоря, сегодня запрограммировать даже совсем простую задачу непосредственно в Web так же сложно, как и машинными словами на первых, ещё ламповых, ЭВМ.

Информационный взрыв породил за последние десятилетия иллюзию всезнайства, подогретую потоком разнородной информации, а также способствовал появлению полуобразованности, отличительной чертой которой является: поверхностное овладение знаниями, которые перестают быть самооценностью; нацеленность на потребление материальных и духовных благ. В то же время возникают серьезные проблемы в связи с постоянным увеличением объема информации, требующие своего решения. Во-первых,

потребности переработки информации не совпадают с возможностями ее усвоения; во-вторых, намечается дисбаланс в сторону получения только количества информации, а не ее качества; в-третьих, возникает недостаточное понимание ценности получаемой информации; в-четвёртых, поиск и переработка большого количества информации не находит своего разрешения. Все это свидетельствует о том, что Всемирная паутина пока еще не использовала в полном объеме своего потенциала. А человеку важно выразить себя и реализовать. Для этого ему необходимо общение с другими людьми, которых он чаще находит не вокруг себя, а в бескрайних просторах Интернета.

Библиографический список

1. Винер Н. Кибернетика. – М. : Наука, 1983. – 341 с.
2. Дейкстра Э. Дисциплина программирования. – М. : Мир, 1978. – 275 с.
3. Кузьмина Г. П., Булавко А. Ю., Сидоров И. А. Императивы организации компьютерного пространства на пути к персональной гипертекстовой системе // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары. – 2012. – № 2. – С. 142–151. – (Гуманитарные науки).
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
5. Субботин М. М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 36–45.

Bibliograficheskiy spisok

1. Viner N. Kibernetika. – M. : Nauka, 1983. – 341 s.
2. Deykstra E. Distsiplina programmirovaniya. – M. : Mir, 1978. – 275 s.
3. Kuzmina G. P., Bulavko A. Yu., Sidorov I. A. Imperativy organizatsii kompyuternogo prostranstva na puti k personalnoy gipertekstovoy sisteme // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – Cheboksary, 2012. – № 2. – S. 142–151. – (Gumanitarnye nauki).
4. Rudnev V. P. Slovar kul'turyi XX veka. – M. : Agraf, 1999. – 384 s.
5. Subbotin M M. Teoriya i praktika nelineynogo pisma (vzglyad skvoz prizmu «grammatologii» Zh. Derrida) // Voprosy filosofii. – 1993. – № 3. – S. 36–45.

© Кузьмина Г. П., 2015

Filologické vědy

УДК 811'161.2'282.2[(477.44)+(477.65)+(477.74)]:635.65

ЗЕРНОБОБОВЫЕ КУЛЬТУРЫ В ПОДОЛЬСКИХ ГОВОРАХ СРЕДНЕНАДБУЖСКОГО АРЕАЛА

С. С. Полищук

*Аспирант,
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова,
г. Одесса, Украина*

GRAIN LEGUME CROPS IN THE PODILLIAN DIALECTS OF THE MIDDLE BUG AREA

S. S. Polishuk

*Postgraduate student,
Odessa National University
named after I. I. Mechnikov,
Odessa, Ukraine*

Summary. Lexemes to define grain legume crops, their parts and varieties in the Eastern Podillian dialects of the Middle Bug Area are characterized in the article. Records and notes done in Berezovka and Chemerpol (Gaivoron district Kirovograd region); Peschanay and Uhojany (Baltskiy district Odessa region); Iosipovka, Kamennoe, Conceba, Osichki, Savran (Savran district Odessa region) are the source of the practical material. Lexemes to define grain legume crops, their parts and varieties in the Eastern Podillian dialects of the Middle Bug Area were fixed and analyzed during the research. Fixed names are connected with literary equivalents although they differ in phonetics, vocabulary and semantics.

Keywords: lexeme; name; sememe; grain legume crop; dialect; Middle Bug.

Задания современной диалектологии реализуются в решении ряда актуальных проблем, среди которых главное место принадлежит фиксации и описанию лексики украинских говоров, составляющей ключевую базу национального языка. Одной из характерных особенностей диалектной лексики является разнообразие слов, касающихся специальных отраслей хозяйства [1, с. 191]. В частности солидный практический материал для анализа украинского диалектного континуума составляет сельскохозяйственная лексика растениеводства [5, с. 72].

На основе фактического материала лексико-семантической группы, охватывающей названия реальных растениеводства, проведено исследование говоров Восточной Слобожанщины (Ю. В. Абрамян), Закарпатья (И. А. Дзензелевский), Вольни (А. А. Козачук), между речья Днестра и Дуная (Е. А. Даки), Донетчины (М. С. Кушмет), Правобережного Полесья (Н. В. Никончук), Чернобыльской зоны (М. Н. Ткачук), Центральной Слобожанщины (Р. Л. Сердега), подольско-среднеподнепровского пограничья (Т. Н. Тищенко) и др. Ученые проявляют незаурядный

интерес к массиву указанной лексики в диалектной системе украинского языка. Однако в этом аспекте остаются неисследованными говоры Среднего Надбужья, невзирая на их весомую роль в украинском диалектном континууме, что определяет общую направленность научной публикации, а также ее **актуальность**.

Цель статьи – лексико-семантический анализ названий зернобобовых культур, их частей и сортов, распространённых в восточноподольской группе говоров средненадбужского ареала. Достижение поставленной цели предопределяет необходимость решения таких **задач**: зафиксировать и ввести в научное обращение лексемы для обозначения наименований зернобобовых культур, их частей и сортов в определенной группе говоров; осуществить лексико-семантический анализ соответствующих единиц диалектной лексики.

Объект изучения – названия зернобобовых культур, их частей и сортов, зафиксированные в восточноподольской группе говоров юго-западного наречия украинского языка, **предмет** исследования – лексико-семантические особенности этих номинаций. Источниками фактического материала послужили полевые записи, осуществленные в населенных пунктах Березовка и Чемерполь Гайворонского района Кировоградской области; Песчаная и Ухожаны Балтского района Одесской области; Йосиповка, Каменное, Концеба, Осычки, Саврань Савранского района Одесской области.

В украинских диалектах неравномерно представлены разные отрасли специальной лексики. Это предопределено характером экономики того или иного края и уровнем его общественно-экономического развития в течение длительного периода [1, с. 191]. О вариации названий зернобобовых культур, их частей и сортов, распространённых в говорах средненадбужского ареала, можем говорить, учитывая культиви-

рование этих растений на всей территории Украины [10].

Бобовые известны еще из мелового периода, в частности их остатки найдены в эоценовых отложениях Среднего Приднепровья и в сарматских отложениях Причерноморья [9, т. 1, с. 497]. Описываемые культуры делятся на зерновые бобовые и кормовые бобовые (травы). В Украине к первой группе относят горох, чечевицу, фасоль, боб, конский боб, сою, люпин и менее распространённые нут, арахис, чину. Вторую группу формируют двухгодичные (люцерна, клевер, эспарцет, донник) и однолетние (вика, сераделла) кормовые бобовые травы [3, т. 1, с. 141].

Для реализации семемы «общее название растений семейства бобовых» во всех обследованных населенных пунктах функционирует слово *б^об^ов^уї*, соответствующее нормам украинской литературной речи: **бобовый** – в знач. *суц. бобовые*. Семейство двудольных, раздельнолепестных растений [8, т. 1, с. 206]. Реже указанная семема представлена реализацией лексемы *б^об^і* (с. Песчаная, с. Ухожаны; с. Концеба, пгт Саврань). Проведём параллели с литературным языком, где **боб** (ед. ч.), **бобы** (мн. ч.):

- 1) однолетнее огородное растение, что имеет в стручках питательные плоды;
- 2) плоды этого растения;
- 3) мелкий плод, стручок некоторых огородных и полевых культур семейства бобовых [8, т. 1, с. 172].

Первое значение указывает на перенос видового названия огородного растения **боб** во множественном числе на родовое название **бобовые**. Подтверждением этого есть замечание: [б^об^і / це о^д·д[’]·é·л[’]не j·e такé ve^н·л^іке / j·ак фас^о·л[’]·а зд^ор^о·в^а //] (с. Чемерполь). Вторая и третья семемы лексемы **боб** указывают на отождествление номинации частей бобовых растений (плодов, стручков) с общим названием всех культур этого семейства.

Этимология слова **боб** (бот.) «*Vicia faba L.*» (что является мотивирующим для лексемы **бобовые в** значении прилагательного): рос., блр. боб, болг., макед. диал. боб ‘фасоль’, прасл. **bobъ* [4, т. 1, с. 189] – свидетельствует о его праславянском происхождении и расширении значения в диалектах определенных языков. Само же однолетнее растение **боб** на территории Среднего Надбужья известно, но не распространено: жители отдают предпочтение культивированию фасоли, гороха и сои. Одно из значений лексемы *стручкóv’i* (с. Березовка) актуализируется в семеме ‘общее название растений семейства бобовых’, поскольку **боб** – плод бобовых растений, своей формой похож на стручок. **Стручок** – долгий и узкий плод большинства растений семейства крестоцветных, который преим. раскрывается на две половинки, содержащие семена [9, т. 9, с. 796]. В некоторых источниках встречаем замечание, что **боб** неправильно называют **стручкóм** [9, т. 1, с. 437] или что слова **бобовые** и **стручкóвые** взаимозаменяемы [3, т. 1, с. 141]. Вместе с тем структура лексического значения слова **боб** содержит сему ‘стручок’, что указывает на прозрачную мотивацию обозначения рассматриваемой семемы лексемой **стручкóвые**.

Фасоль «*Phaseolus L.*» – огородное травянистое однолетнее растение семейства бобовых [8, т. 4, с. 132]. В Европу, а именно в Испанию, оно было привезено в XVI ст., в Украину – в XVII–XVIII ст. из Запада, в частности через Польшу [2, с. 120]. В пределах Среднего Надбужья культивирование этого растения хорошо известно. Однако территории посевов небольшие, поскольку сеют фасоль преимущественно на приусадебных участках (огородах). В речи жителей средненадбужского ареала имеются разные вариации названий этого богатого на белки растения. Вместо известной во всех об-

следованных населенных пунктах лексемы *квасó·л’·а*, использование которой считается нормой украинской литературной речи, в большинстве исследуемых говоров функционирует ее диалектный эквивалент *фасó·л’·а*. Украинское диалектное слово *фасóля* имеет эквиваленты и в других славянских языках: рос. *фасóль*, блр. *фасóля*, пол. *fasola*, болг. *фасóл*. Название указанной бобовой культуры заимствовано через польское посредничество из средневерхненемецкого языка, где слово *fasól* происходит от лат. *phaseolus* «фасоль», которое сводится к греческому *φάσηλος* с тем же значением [4, т. 2, с. 416]. Речь людей старшего поколения сохраняет и слово *квасó·л’·а* (с. Песчаная), где **хв** – результат замещения иноязычного **f**. Поскольку в украинском литературном языке иноязычное **f** не замещается через **хв**, то литературную форму *квасó·л’·а* можно объяснить как такую, что появилась с *квасó·л’·а* в результате диссимилиации (по способу образования) фрикативного **x** во взрывной **k** [2, с. 120–121].

Семема ‘одно зерно фасоли’ реализуется в таких словах: *квасó·л’·а* (с. Осычки, пгт. Саврань); *квасóли́на* (с. Осычки); *фасó·л’·а* (с. Чемерполь; с. Песчаная; с. Каменное, с. Концеба, с. Осычки); *фасó·л’ка* (уменьш.-ласк. к *фасó·л’·а*) (с. Йосиповка, с. Осычки); *фасóли́на* (с. Березовка, с. Чемерполь; с. Песчаная, с. Ухожаны; с. Концеба, с. Осычки, пгт. Саврань); *фасóли́на* (с. Чемерполь); *б’іб* – [здорóва *фасó·л’·а* //] (с. Песчаная).

Активное культивирование фасоли жителями Среднего Надбужья способствовало фиксации ряду интересных названий для обозначения сортов этой культуры. По форме растения различают фасоль кустовую – с прямостоящим невьющимся стеблем; высоковьющиеся сорта, что вьются около подпор; полувьющиеся сорта [9, т. 5, с. 84].

Прежде всего рассмотрим номинации, в которых нашла свою реализацию семема 'фасоль с невьющимся стеблем': *ни^эй^э·ушча* (с. Чемерполь; с. Песчаная, с. Ухожаны; с. Концеба, с. Осычки); *к^оушч^ооуá* (с. Чемерполь; с. Песчаная; пгт Саврань); *к^оуст^ооуá* (с. Чемерполь; с. Концеба); *п^иша* (с. Березовка, с. Чемерполь); *ср^э·д^н·а* (пгт Саврань); *ни^эз^кор^обсла* (пгт Саврань). Кое-кто из информантов раскрывает упомянутое значение, используя сложноподчинённые предложения, где главная часть является односоставным номинативным предложением, а придаточная – указывает на признак предмета (отвечает на вопрос *какая?*): *квас^о·л^а·а / ш^оо ни^эви^не^ц·а* (с. Каменное, с. Осычки); *фас^о·л^а·а / ш^оо ни^эви^не^ц·а* (с. Чемерполь; с. Каменное, с. Осычки); *квас^о·л^а·а / ш^оо ни^эй^э·ц^а·а*; *фас^о·л^а·а / ш^оо ни^эй^э·ц^а·а* (с. Осычки).

Семема 'фасоль с вьющимся стеблем' в говорах средненадбужского ареала репрезентирована таким образом: *й^й·ушча* (с. Чемерполь; с. Песчаная, с. Ухожаны; с. Каменное, с. Концеба, с. Осычки, пгт Саврань) и *к^оушч^ооуá* (с. Березовка), а также с помощью таких сложноподчинённых предложений как: *квас^о·л^а·а / ш^оо ви^не^ц·а* (с. Осычки); *фас^о·л^а·а / ш^оо ви^не^ц·а* (с. Чемерполь; с. Каменное, с. Осычки); *квас^о·л^а·а / ш^оо й^й·ц^а·а* (с. Осычки); *фас^о·л^а·а / ш^оо й^й·ц^а·а* (с. Чемерполь; с. Осычки). Иногда фасоль с невьющимся стеблем и фасоль с вьющимся стеблем не различают: [фас^о·л^а·а i^э·с^о //] (с. Березовка, с. Чемерполь). Действительно, эти разновидности фасоли тяжело отличить один от другого, особенно ориентируясь на зерна растений: [j·а на^базáр^и / j·ак^к·упл^а·á·j·ý / т^о·п^и·тá·j·у / це^э·й^й·ушча / чи^и·ни^э·й^й·ушча квас^о·л^а // ни^э·й^й·ушча / ни^э·й^й·ушча / би^р·it // а^т·о^д·í·woná·тá·кá·в^и·г^н·а·л^а·с^а / п^о·п^л·о^т·í·ви^не^ц·а //] (с. Осычки). Вместе с тем информанты отмечают: [фас^о·л^а·а зд^ор^о·оуá

ви^не^ц·а / ц^а·а кр^о·упна // а^ц·а зи^{ли}·н^е·н^{ка}·ни^э·ви^не^ц·а // а^б·í·ла·т^о·же·ви^не^ц·а·л^о·убá // i·з^п·ат^н·о^м·ви^не^ц·а //] (с. Каменное); [й^й·ушча / це^{тá}·б^í·ла / тá·кá·б^о·мб^о·оуá / зд^ор^о·оуá·тá·кá·о^б // т^о·сá·д^а·т^п·о^п·í·д·п^л·о^т·í / woná·п^о·п^л·о^т·í·ви^не^ц·а // це^б·о·мб^о·оуá / кá·чи·ств^и·н^а // д^о·у·же·зд^ор^о·оуá·i·д^о·у·же·й^б·о·ршч^и·д^о·б^рá //] (с. Йосиповка); [й^й·ушча фас^о·л^а / тá·кá / ш^о·ви^не^ц·а // о^с·о^б·и·н^о·ц^а·б^í·ла·в^е·л^и·кá // тá·í·сá·д^а·т^к·у·к^у·р^о·у^д·з^о·у·i·п^р·о·ки·дá·j·ут·j^о·о^б // б^о·j^а·ц^е·í·г^о·д·т^о·же·р^о·би·у·п^о·к^у·к^у·р^о·у^д·з^и / к^и·н^о·у·тá·к·о^б / а^в·он^о·п^о·вил^о·с^а / тá·í·л^и·ш·п^р·о·í·ш^о·б^у / рá·з·рá·з·стр^о·ч·к^и·п^о·з^р·и·вá·у //] (с. Чемерполь).

Следует обратить внимание на слово *в^еться*, [в^е·т^с·а], [й^й·э·ц^а], в котором имеется долгий звук как реализация двух разных фонем, стоящих рядом. В произношении некоторых информантов долгота не была ощутимой ([й^й·э·ц^а]), так как продолжительность долгого звука в устной речи зависит в значительной степени от стиля речи или задания, реализующегося человеком. В процессе диктовки долгота акцентирована, более ощутима, в обыкновенной речи действует процесс стяжения, что не влияет на смысл высказывания [7, с. 61].

Ряд названий для обозначения сортов фасоли, зафиксированных в речи жителей Среднего Надбужья, продолжают лексемы, образовавшиеся с помощью ассоциаций, вызванных разными предметами действительности: *б^о·мб^о·оуá* (с. Йосиповка), что есть разговорным вариантом названия сорта «Днепровская бомба»; *мá·тр^о·б^и·кá* (с. Ухожаны; с. Осычки); *мá·тр^о·б^и·кá* (с. Чемерполь); *п^и·о^н·э^р·кá* (с. Чемерполь; с. Осычки); *чи^р·в^о·нá·шá·п^о·ч·кá* (пгт. Саврань); *к^рá·с·нá·шá·п^о·ч·кá* (с. Березовка; с. Концеба, с. Осычки); *б^í·ла·сá·хá·р·нá* (с. Чемерполь); *сá·хá·р·нá* (с. Концеба, с. Осычки); *спá·р·ж^о·оуá* (с. Осычки); *спá·р·ж^и·вá* (с. Концеба).

Носители исследуемых говоров номинируют сорта фасоли в зависимости от цвета зерна: *б'їла* (с. Березовка, с. Чемерполь; с. Каменное, с. Концеба, с. Осычки); *б'їл'н'ка* (ласск. к б'їла) (с. Чемерполь; с. Песчаная; с. Осычки, пгт Саврань); *ж'оўт'н'ка* (с. Чемерполь); *зил'н'н'ка* (с. Каменное); *красна* (с. Осычки); *ч'ірвон'а* (с. Березовка); *ч'ірвон'об'обка* (с. Осычки); *син'а* (с. Осычки); *с'їра* (с. Березовка); *ч'орна* (с. Концеба); *р'абá* (с. Осычки); *рабá* (с. Чемерполь; с. Осычки); *раб'н'ка* (с. Чемерполь; с. Песчаная; с. Концеба, с. Осычки). Названия сортов фасоли соотносят с временем созревания растения: *рá'н':а* (пгт Саврань); *ск'ор'осп'елка* (с. Осычки); *о'с'їн':а* (с. Осычки); *п'їз'н'а* (пгт Саврань). В зависимости от размеров плода различается *зд'ор'ова* (с. Чемерполь), *ви'лика* (с. Каменное), *кр'упна* (с. Чемерполь) и *мал'н'ка* (с. Чемерполь) фасоль. По качеству выделяются – *кач'истви'н:а* (с. Йосиповка) и *д'обра* (с. Йосиповка) фасоль.

Горох – 1) полевое и огородное травяное растение семейства бобовых с круглыми семенами (горошинами) и 2) семена этого растения, что используются для питания [8, т. 2, с. 137]. Слово **горох** (бот.) «*Pisum L.*» праславянского происхождения: **gorxъ* < **gorъь*. В родственных языках оно функционирует как: рос. *горóх*, блр. *гарóх*, болгар. *грав*, макед. *грав* «фасоль» [4, т. 1, с. 572]. Народам средиземноморских стран, в частности Испании, Италии, Австрии, Югославии, горох был известен в V тыс. до н. э. В странах Нового мира история гороха связана с именем Христофора Колумба, который поселил его на острове Изабелла (1493 г.). В Украине горох появился приблизительно около 500 лет до н. э., о чем свидетельствуют раскопки, проведённые вблизи города Харькова. Сегодня в нашей стране сосредоточены значительные посевные площади этой бобовой

культуры [10]. На территории Среднего Надбужья, что находится в Степной и частично Лесостепной зонах, культивирование гороха хорошо известно. Речь жителей Восточного Подолья для обозначения «*Pisum L.*» сохраняют лексемы *г'ор'обх* (все обследованные населённые пункты) и *г'ор'обш'ок* (уменьш. до г'ор'обх) (с. Йосиповка), что соответствует литературной норме. Семема 'одно зерно гороха' реализуется в словах *г'ор'обх* (с. Чемерполь; с. Песчаная; с. Концеба; с. Осычки); *г'ор'обш'ина* (с. Песчаная; с. Каменное, с. Концеба); *г'ор'ош'їна* (с. Березовка, с. Чемерполь; с. Песчаная, с. Ухожаны; с. Концеба, с. Осычки, пгт Саврань); *г'ор'ош'їнка* (уменьш. до г'ор'ош'їна) (с. Осычки, пгт Саврань). Сорта не различают.

Нут – 1) однолетнее культурное растение семейства бобовых, выращиваемое на зерно для питания и на корм скоту; 2) зерно этого растения [8, т. 5, с. 456]. Наиболее ранние находки семени нута в Турции датируют VI тыс. до н. э. В Индии его начали культивировать IV тыс. лет назад. В наше время нут выращивают в Турции, странах Северной Америки, Индии и др. Ученые Одесского селекционно-генетического института вместе с сельхозпроизводителями центральной и южной Украины работают над увеличением урожайности нута в нашей стране [6]. В то же время жители Среднего Надбужья указывают: [у^м'ене да́же j'е де'с' у^вуз'ол'обчк'у цеї наw'ут // ше^д'ехт'о ї ни^знá'j'ут / ш'о^ц'е наw'ут //] (с. Йосиповка); [на'ут д'уже д'обриї зе'л'енїї j'їсти j'ог'об // бáбка к'олис' садїла //]; [наг'ут у^нас не^ви'р'обшч'у'j'у'т' //] (с. Чемерполь); [н'ут знá'j'у // j'ог'об зáраз ўже ни^мá //]; [ни^ч'о'ў так'ог'о //] (с. Осычки) и др. В общем, «*Cicer L.*» в говорах средненадбужского ареала известен как: *н'ут* (с. Осычки); *наw'ут* (с. Березовка, с. Чемерполь; с. Йосиповка, с. Каменное, с. Концеба, с. Осычки, пгт Саврань); *гарнаw'ут* (с. Каменное);

наг^оут (с. Чемерполь) и на^иут (с. Чемерполь; с. Песчаная, с. Ухожаны; с. Концеба). Сорта не различают.

Соя – травяное однолетнее растение семейства бобовых, семена которого используют для изготовления продовольственных продуктов и в технике [8, т. 9, с. 479]. В странах Южно-Восточной Азии (Китай, Корея, Индия, Япония) она была известна как земледельческая культура за IV тыс. лет до н. э. В Европе появилась в конце XVIII ст. Теперь в Украине распространено культивирование славянского подвида этого растения [10]. Жители всех обследованных населённых пунктов бобовое растение «*Glucine L.*» номинируют лексемой с^об^ја, соответствующей литературной норме.

В говорах Среднего Надбужья были зафиксированы и некоторые менее распространённые в исследуемом ареале бобовые культуры: а^ра^х’іс (с. Концеба) и с^оч^е’виц^ј’а (с. Чемерполь), она же ч^іч^і’ица (с. Концеба).

Плод бобовых растений в исследуемых говорах называют стр^оуч^об^к (все обследованные населённые пункты), кое-кто – стр^оуч^об^к (с. Березовка, с. Чемерполь; с. Песчаная; с. Осычки). Интересно, что для обозначения указанной семемы ни в одном говоре не была зафиксирована лексема б^іб.

Боб, из которого вынули зерно, называют стр^оуч^об^к (с. Осычки); п^оуст^ій стр^оуч^об^к (с. Ухожаны; с. Осычки); стр^оуч^об^к (с. Чемерполь; с. Песчаная); обте^рэбле^ний стр^оуч^об^к (с. Чемерполь); бад^іл[’]:’а (с. Чемерполь); л^оушп^айка (с. Осычки); л^оушп^ін[’]а (с. Чемерполь; пгт Саврань); к^оуж^оура (с. Концеба, с. Осычки); ст^ворка (с. Осычки); ш^оул^оуп^інка (с. Осычки); ш^оул^оух^а (с. Чемерполь; с. Осычки); шкарал^оуна (с. Концеба; пгт Саврань); ш^оуш^вайка (с. Концеба); фас^олин[’]:’а (с. Чемерполь).

Стебли и листья культур семейства бобовых часто номинируют в зависи-

мости от названия самого растения: фасоль – фас^олин[’]:’а (с. Березовка; с. Каменное, с. Осычки) и фонетический вариант х^вас^олин[’]:’а (с. Песчаная); горох – г^ор^об^хл[’]анка (с. Чемерполь; с. Ухожаны; с. Осычки, пгт Саврань), г^ор^охлин[’]:’а (с. Песчаная; с. Концеба) и реже – г^ор^оошин[’]:’а (пгт Саврань); нут – на^ут^ін[’]:’а (с. Концеба). Отметим, что во всех обследованных населённых пунктах указанное значение является реализацией лексемы бад^іл[’]:’а, которая обозначает отходы разных сельскохозяйственных культур: [бад^іл[’]:’а / це от^об л^оушп^ін[’]а і^іт^ік^ор^ін[’]ц^і’і //]; [ш^оо / к^аже / п^оо[’]с^і’ј’али? фас^об[’]л^о’у // а^і’ј’ак уб^рали / фас^об[’]л^о’у в^ід^ін[’]:’али / а^і’бад^іл[’]:’а ост^ал^о’с[’]а //] (с. Чемерполь).

Таким образом, во время исследования зафиксированы и проанализированы лексемы для обозначения названий зернобобовых культур, их частей и сортов, функционирующих в восточноподольской группе говоров средненадбужского ареала. Фактический материал даёт возможность сделать вывод, что зафиксированные названия тесно связаны с литературными эквивалентами, хоть и имеют явные фонетические и лексико-семантические различия.

В дальнейшем планируем продолжить изучение украинских говоров Среднего Надбужья на материале лексико-семантических групп слов для обозначения овощно-баштанных культур, их частей и сортов.

Библиографический список

1. Бевзенко С. П. Українська діалектологія : навч. посіб. – К. : Вища шк., 1980. – 246 с.
2. Дзендзелівський Й. О. Назви сільськогосподарських культур у говорах Закарпаття // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest : Academiai Kiado, 1960. – Т. VI. – S. 113–143.
3. Енциклопедія українознавства / гол. ред. В. М. Кубійович. – Львів : Молоде життя, 1933. – Т. 1. – 400 с.

4. Етимологічний словник української мови : в 7 т. – К. : Наук. думка, 1982, 1985. – Т. 1, 2.
5. Полищук С. С. Лінгвістичні аспекти вивчення українських говорів на матеріалі сільськогосподарської лексики // Наукові записки. Серія «Філологічні науки». – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2015. – Кн. 1. – С. 72–77.
6. Польовий Р. Нутове майбутнє // Агробізнес сьогодні. – 2010. – грудень. – № 24 (199). URL : <http://www.agro-business.com.ua/agronomiia-siogodni/170-nutove-maibutnie.html> (дата перегляду : 23.06.2015).
7. Сучасна українська літературна мова. Фонетика. Фонологія. Орфоєпія. Графіка : навч. посіб. / за ред. М. М. Фащенко. – Одеса : Астропринт, 2010. – 212 с.
8. Словник української мови : в 11 т. – К. : Наук. думка, 1970, 1971, 1973, 1974, 1978. – Т. 1, 2, 4, 5, 9.
9. Українська радянська енциклопедія : в 12 т. / гол. ред. М. П. Бажан. – (2-ге вид.). – К. : Поліграфкнига, 1977, 1980. – Т. 1, 5.
10. Характеристика сільськогосподарських культур та технологія їх вирощування. Зернові бобові культури // Кафедра агрометеорології та агрометпрогнозів Одеського державного екологічного університету. URL : http://agrometeo.od.ua/articles.php?article_id=86 (дата перегляду : 12.06.2015).
- Slavica Academie Scientiarum Hungaricae. – Budapest : Academiai Kiado, 1960. – Т. VI. – S. 113–143.
3. Entsiklopediya ukrayinoznavstva / gol. red. V. M. Kublyovich. – Lviv : Molode zhittya, 1933. – Т. 1. – 400 s.
4. Etimologichniy slovník ukrayinskoyi movi : v 7 t. – K. : Nauk. dumka, 1982, 1985. – Т. 1, 2.
5. Polischuk S. S. Lingvistichni aspekti vivchennya ukrayinskih govoriv na materialil silskogospodarskoyi leksiki // Naukovi zapiski. Seriya «Filologichni nauki». – Nizhin : NDU Im. M. Gogolya, 2015. – Kн. 1. – S. 72–77.
6. Poloviy R. Nutove maybutne // Agrobiznes siodni. – 2010. – gruden. – № 24 (199). URL : <http://www.agro-business.com.ua/agronomiia-siogodni/170-nutove-maibutnie.html> (data pereglyadu : 23.06.2015).
7. Suchasna ukrayinska literaturna mova. Fonetika. Fonologiya. Orfoepiya. Grafika : navch. posib. / za red. M. M. Faschenko. – Odesa : Astroprint, 2010. – 212 s.
8. Slovník ukrayinskoyi movi : v 11 t. – K. : Nauk. dumka, 1970, 1971, 1973, 1974, 1978. – Т. 1, 2, 4, 5, 9.
9. Ukrayinska radyanska entsiklopediya : v 12 t. / gol. red. M. P. Bazhan. – (2-ge vid.). – K. : Poligrafkniga, 1977, 1980. – Т. 1, 5.
10. Harakteristika silskogospodarskih kultur ta tehnologiya yih viroschuvannya. Zernovi bobovi kulturi // Kafedra agrometeorologiyi ta agrometprognoziv Odeskogo derzhavnogo ekologichnogo universitetu. URL : http://agrometeo.od.ua/articles.php?article_id=86 (data pereglyadu : 12.06.2015).

Bibliograficheskiy spisok

1. Bevzenko S. P. Ukrayinska dialektologiya : navch. posib. – K. : Vischa shk., 1980. – 246 s.
2. Dzendzelivskiy Y. O. Nazvi silskogospodarskih kultur u govoraх Zakarpattya // Studia

© Полищук С. С., 2015

УДК 81:574 + 811.161.1'373.42 + 316.64

**ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОГО ДИСКУРСИВНОГО ЛАНДШАФТА
НА САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА**

Т. С. Вершинина
О. Л. Кочева

*Кандидат филологических наук, доцент,
старший преподаватель,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия*

**IMPACT OF URBAN DISCOURSE LANDSCAPE
ON THE SOCIAL WELL-BEING OF THE URBAN RESIDENTS**

T. S. Vershinina
O. L. Kocheva

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
senior teacher,
The Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

Summary. The article raises a problem of urban institutional naming and analyzes the pilot study results aimed at correlating the degree of individuals' associated perception of the ergonyms with the inner world. The authors suggest a nominotypical classification relating to individual emotional impact and illustrate the quantitative results of lexico-semantic processing of the urban names. The linguistic-ecological aspects of the urban discourse landscape are treated from the position of their influence on social well-being of the urban residents. Prospects for future research dealing with national language marginalization as a characteristic of modern urban linguistic culture are introduced.

Keywords: linguistic ecology; ergonyms; institutional naming; urban linguistic culture; urban discourse landscape; social well-being; urban residents.

Отдельному человеку трудно сохранить свое «я» в сложном информационном потоке, который воздействует в том числе и на его эмоциональную сферу. Социальное самочувствие, к базовым составляющим которого и относится эмоциональная сфера, является одним из ведущих дескрипторов успешности развития территории в социальном плане и, соответственно, качества жизни ее населения.

На современном этапе развития научного знания социальное самочувствие исследуется в основном социальными науками, использующими два подхода, один из которых учитывает интегральный показатель, отражаю-

щий субъективное восприятие благополучия [1], а другой направлен на измерение отношений индивида с окружающей средой, иными словами – реализации жизненных стратегий индивида [5; 6]. Как правило, более широкое распространение получает второй подход, например, в зарубежных исследованиях при изучении социального самочувствия в рамках проекта Европейского Городского Аудита, проводившегося в форме опроса 41 000 жителей стран-членов ЕС [12].

Исследование внешних факторов, не зависящих от личности, направлено на аспекты экономики, экологии и климата, наиболее существенными

из которых можно признать такие, как социальная мобильность, качество медицинских услуг и т. п. Среди внутренних факторов выделяются в основном возрастные и гендерные показатели, а также социальный статус, неосознаваемые детерминанты поведения респондента и некоторые другие, например, место жительства. Среди исследований, в которых применяется данный подход, можно отметить теории Н. В. Паниной, Е. И. Головахи, А. П. Горбачика [3]. В нашей работе указанные теории значимы в связи с тем, что в них обращено внимание на социальное самочувствие в качестве эмоционально-оценочного отношения человека к своему внешнему окружению, в нашем случае – жителя мегаполиса к городскому пространству.

Анализ существующих подходов к исследованию самочувствия жителей городов показывает, что, как правило, внимание направлено на изучение именно социального аспекта благополучия, вследствие чего эти исследования лежат в русле традиционно изучаемых социальных факторов, таких как уровень доходов, качество здравоохранения, преступность, безработица, коррупция, рост цен, вопросы досуга и т. д.

Однако, по нашему мнению, и к внешним, и к внутренним факторам, оказывающим воздействие на социальное самочувствие населения и влияющим на отношения индивида с окружающей средой, следует отнести городской дискурсивный ландшафт, образованный институциональными номинациями. Сюда мы относим в первую очередь названия предприятий различного социального назначения (магазины, кафе, рестораны, аптеки и другие учреждения современного города) [2], традиционно называемые в российской науке эргонимами; в чешской же лингвистике в этой связи используется несколько терминов, в том числе институционы, фирменные названия [9], коммерческие названия и хозяйствен-

ные хремотонимы [11]. В данной работе мы будем придерживаться термина институционы, поскольку наше исследование носит междисциплинарный характер и результаты его будут полезны широкому кругу научной общественности и градообразующим структурам.

Городская жизнь сама по себе является сложным механизмом, во многом меняющим, иногда перемалывающим людские судьбы. Отдельному человеку трудно сохранить свое «я» в непросто́м городском пространстве и не затеряться в уличном информационном потоке, который воздействует на него со всех сторон, в том числе и эмоционально. Будучи существом социальным, он желал бы войти в контакт с этим потоком, однако может столкнуться с неприятием себя со стороны городского «монстра», выраженным уже на стадии первого впечатления, полученного от прочтения названий уличных вывесок. Вопреки готовому вступить в дискуссию с улицей человеку, она, несмотря на кажущуюся рекламную улыбку и дружелюбное зазывание, не спешит облегчить его первые шаги знакомства с мегаполисом.

Любой дискурс, в том числе ландшафтный, каким является также и городское пространство, наполненное объектами коммерческой деятельности, должен быть по природе диалогичным, но уже первое прочтение названий вывесок настораживает своей явной монологичностью, как будто данные наименования появились стихийно. Именно эта непродуманность в номинациях зачастую оказывает негативное воздействие на психологическое состояние и поведение человека.

В лингвистике с 1960-х годов проводятся исследования эргонимов в основном с точки зрения семантики, происхождения и структуры. Проводились также и междисциплинарные исследования социолингвистического характера. При этом исследования, направленные на изучение институционов как

фактора окружающей среды, выраженного вербальными средствами и оказывающего воздействие на человека, не получили широкого распространения. Между тем в настоящее время все большее внимание ученых привлекает такое направление лингвистики, как лингвоэкология, которая, исследуя экологичность языковых систем, на наш взгляд, должна также выработать механизмы адаптации институционалов к городскому дискурсивному ландшафту с точки зрения комфортного и здорового восприятия их жителями мегаполиса, которые и так, в силу специфики данного урбанистического образования, находятся в зоне постоянного психологического дискомфорта.

В рамках дискурсивного ландшафта одним из аспектов лингвоэкологии, вызывающих тревогу ученых, является деградация современного языка, о которой писал Э. Хауген, основоположник лингвоэкологии [10]. Благодаря введенному им понятию «экология языка», мы имеем возможность рассуждать о рисках негативного воздействия окружающей среды на язык человека. Т. В. Жеребило описывает понятие «лингвоэкология» с разных позиций [4, с. 182], нас интересует аспект адаптивных стратегий языков и экологических языковых систем, а также факторы, обеспечивающие эмоциональное воздействие рекламных номинаций на жителя мегаполиса.

Выбор того или иного рекламного названия свидетельствует о преобладающей концептуальной картине языкового сообщества, которая не только отражает речевую культуру горожан, но и формирует взгляды современной молодежи. В нашем исследовании, проведенном в группе респондентов 19–23 лет, была предпринята попытка определить экологичность институциональных номинаций, выраженных названиями магазинов, кафе, коммерческих компаний и других общественных мест, по реакции адресатов.

В ходе исследования нами были отобраны несколько центральных улиц одного из российских мегаполисов (Екатеринбурга), на которых методом сплошной выборки были собраны названия указанных ранее объектов. Респондентам было предложено определить по названию объекта его назначение, а также описать свое ощущение от данного названия, указав ассоциации, выраженные вербально и соотношенные с их внутренним миром и отраженной в нем окружающей действительностью. Также респонденты должны были определить узнаваемость профиля организации по институциональному. В опросе участвовали 103 респондента, им было предложено 66 названий хозяйственных объектов. Ответы были распределены на три группы, условно отнесенные к положительным, нейтральным и негативным ассоциациям (таблица).

Распределение институционалов по группам ассоциаций, %

Положительные	Нейтральные	Негативные
45	40	15

Анализ контента, полученного в ходе исследования, показал, что к положительным респонденты отнесли следующие институционалы: «Опора и движение», «Золотое пенсне», «Люкс», «Столет», «Букет», «Восточная сказка», «Идиллия», «Добряк», «Лапа Точки», «Новосел», «Капитошка». В русском языке приведенные понятия дают ассоциативный ряд, связанный с чем-то стабильным, добротным, уютным, милым и сладким (сладкой жизнью). Диссонансом здесь выступили институционалы «Морской стим», «Марс», «Неман», «Сёмка», «Карусель», «Добряк», «Ева», «Де Геннин», «Фазтон», «Tolstoy», «Луна», «Чеширский кот»,

«Штолле», «Айленд», «ТРАНСЛИТ», «Курико», поскольку при определении профиля организации, выраженного приведенными понятиями, респонденты не могли определить связь между институционализмом и родом деятельности, порой демонстрируя искаженное представление о функциях предприятий с такой номинацией.

Институционализмы, не вызвавшие негативной или позитивной реакции, были отнесены к нейтральной группе, среди них можно назвать, например, такие: «Мария», «Радиоточка», «Ваш размер», «Айболит», «Живое слово», «Рыбачок», «Зима», «Экономкласс», «Точка зрения», «Деревенское подворье», «Кулинарь», «Брусника», «Жизнь». Профиль организаций респондентами был определен безошибочно. Отсутствие эмоциональной окраски использованных понятий определило и нейтральный характер отражения институционализмов в сознании респондентов.

К институционализмам, вызвавшим отрицательные ассоциации, были отнесены: «Мыльная опера», «Маяк», «Зима», «Норман», «Луна». Семантика приведенных понятий подсказала респондентам ассоциации, связанные с одиночеством, холодом, пьянством, темнотой. Единично были отмечены связанные с названными институционализмами такие ассоциации, как война, слезы, непостоянство, зеленый гоблин и т. п. Профиль организаций с данными номинациями определялся правильно в 55% случаев, в 45% респонденты ошибались.

В качестве положительного результата нашего исследования можно отметить достаточно высокую частотность позитивных ассоциаций, что вполне объяснимо, поскольку номинаторы стремились дать конкретному предприятию наиболее приятное и радующее глаз и слух название либо пользовались достаточно традиционным, привычным и распространенным институционализмом. Однако настораживает тот

факт, что у респондентов возникают отрицательные ассоциации по поводу наименований, что, вероятно, связано с какими-либо личными переживаниями или жизненным и лингвистическим опытом. В то же время, как показало наше исследование, иногда негативные ассоциации возникают не на весь спектр институционализмов, а на отдельные понятия. Например: название фирмы «Марс» 3% опрошенных ассоциировали с жаром, 1% – с войной; название салона красоты «Мыльная опера» у 1% из опрошенных вызвало ассоциацию со слезами, а 3% указали, что затрудняются с ответом.

Подводя итоги, считаем необходимым заметить, что в городском дискурсивном ландшафте не последнюю роль играют и иностранные слова, к которым номинаторы прибегают с целью придания названию фирмы гламурности, лоска, престижности. Данное обстоятельство обусловлено всепроникающей глобализацией, оставившей свой «англоязычный след» на институционализмах. Среди опрошенных нами людей никто не смог правильно определить в названиях «PILKI-NAIL» и «Айленд» студию маникюра и сеть салонов мебели. Трудно отрицать тот факт, что язык – это динамичная конструкция, и его норма должна гибко рассматриваться относительно коммуникативной ситуации. Однако неправильно выбранные слова в качестве институционализмов, а также рекламных названий не только противоречат этико-речевым нормам национального языка и успешной реализации дискурса, но и снижают комфортность речевой коммуникации, а значит, негативно влияют как на городской дискурсивный ландшафт, так и на самочувствие жителей мегаполиса.

Изучение институционализмов как части городского дискурсивного ландшафта очерчивает круг проблем, расширяющих рамки дальнейших исследований, связанных с такими аспектами

городской лингвокультуры, как маргинализация национального языка, проблемы внутриличностного языкового конфликта [7] (основанного на утрате базовых параметров национальной идентичности), приводящие к языковым конфликтам [8]. Последние возникают вследствие противостояния номинатора и адресата (отдельной личности) относительно нового, в том числе иноязычного, т. е. чуждого, названия. Изучение зоны риска возникновения языкового конфликта и путей выхода из него является перспективным не только для лингвоэкологии, но и ономастики, так как дает представление об особенностях речевого поведения номинатора и потенциального адресата.

Библиографический список

1. Айвязан С. А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 11. – С. 1–38.
2. Алистанова Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема : дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2011. – 179 с.
3. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия : тест ИИСС // Социология : 4М. – 1998. – № 10. – С. 45–72.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Орлова Л. А. Социальное самочувствие учителей Московской области // Социологические исследования. – 1998. – № 8. – С. 88–94.
6. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 50–55.
7. Сквородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение. – 2000. – Вып. 3. – С. 70–78.
8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М. : Гнозис, 2008б. – 416 с.
9. Čechova M. Současne změny ve firemních názvech // Naše řeč 77. – 1994. – P. 169–178.
10. Haugen E. The Ecology of Language // A. Fill, P. Mühlhäusler. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – London, New York, 2001. – P. 57–66.
11. Knappova M. Obchodní jmeno jako fenomen onomaziologický a sociologický // Slovo a slovesnost LVI. – 1995a. – P. 276–284.
12. Quality of life in cities. Perception survey in 79 European cities. European Union, 2013. Doi: 10.2776/79403 (дата обращения : 10.04.2015).

Bibliograficheskiy spisok

1. Ayvyazan S. A. Analiz sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya sub'ektov Rossiyskoy Federatsii // Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii. – 2002. – № 11. – S. 1–38.
2. Alistanova F. F. Ergonimiyi sovremennogo russkogo yazyika kak mikrosistema : dis. ... kand. filol. nauk. – Mahachkala, 2011. – 179 s.
3. Golovaha E. I., Panina N. V., Gorbachik A. P. Izmerenie sotsialnogo samochuvstviya : test IISS // Sotsiologiya : 4M. – 1998. – № 10. – S. 45–72.
4. Zherebilo T. V. Slovar lingvisticheskikh terminov. – 5-e izd., ispr. i dop. – Nazran : OOO «Piligrim», 2010. – 486 s.
5. Orlova L. A. Sotsialnoe samochuvstvie uchiteley Moskovskoy oblasti // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1998. – № 8. – S. 88–94.
6. Petrova L. E. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2000. – № 6. – S. 50–55.
7. Skovorodnikov A. P. K stanovleniyu sistemy lingvoekologicheskoy terminologii // Rechevoe obschenie. – 2000. – Vyip. 3. – S. 70–78.
8. Shahovskiy V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy. – M. : Gnozis, 2008b. – 416 s.
9. Čechova M. Současne zmeny ve firemních názvech // Nashe rech 77. – 1994. – R. 169–178.
10. Haugen E. The Ecology of Language // A. Fill, P. Mühlhausler. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – London, New York, 2001. – P. 57–66.
11. Knappova M. Obchodní jmeno jako fenomen onomaziologický a sociologický // Slovo a slovesnost LVI. – 1995a. – R. 276–284.
12. Quality of life in cities. Perception survey in 79 European cities. European Union, 2013. Doi: 10.2776/79403 (data obrascheniya : 10.04.2015).

© Вершинина Т. С., Кочева О. Л., 2015

СОБСТВЕННО ЭМФАТИЧЕСКОЕ «САМ»

Н. А. Корепина *Кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский национальный
исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия*

PROPERLY EMPHATIC «(ONE)SELF»

N. A. Korepina *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia*

Summary. This article observes the properly emphatic word «(One)self» as the core means of the functional and semantic category of Self in the Russian language. In the present article the properly emphatic word «(One)self» is analyzed in the emphatic context. The emphatic intonation is discussed in the sentences of various types. It is stated that the intonation serves as a prototypical indicator of the emphatic rheme in a narrative sentence. The sentences with the emphatic «(One)self» have two types of realization: in the narrative sentence the word «(One)self» is unstressed, whereas in an exclamation sentence it is stressed. The analysis shows that in the interrogative and narrative sentences the interpretation of the word «(One)self» is explained not only with the interpretation of the emphasis but also with the definition of the communicative contrast.

Keywords: the properly emphatic word «(One)self»; the functional and semantic category of Self; the emphatic context; the emphatic intonation.

Настоящая статья посвящена изучению употребления слова «сам» в эмфатическом контексте. В нашей работе слово «сам» обладает ядерными характеристиками функционально-семантической категории самости в русском языке [6; 7]. Принято считать, что слово «сам» часто встречается в текстах, выполняя разнообразные текстовые функции, и имеет немалое число значений. Более того, в литературе данная группа контекстов прекрасно описана [4; 5; 10; 13; 14]. Это употребление предполагает существование некоторой иерархии, в которой X занимает высокое положение. Значение предложения состоит в том, что деятельность X-а не соответствует его высокому положению. Интонация служит прототипическим показателем эмфатической ремы в повество-

вательном предложении, но в беглой речи при наличии эмфатического слова, такого как «сам», она может «стягиваться» до простого падения, как в примерах: «Сам Дмитрий Rogozin в интервью «Итогам» отметил, что процесс кадрового укрепления партии власти продолжится» [2].

Предложения с эмфатическим «сам» имеют два типа реализации: в повествовательном предложении с «безударным» «сам» и в восклицательном предложении, при котором на «сам» фиксируется акцент: «Единственный, кто не замечал всей этой кутерьмы, был сам Травкин» [3]. В случае с бинарным эмфатическим акцентом – на «сам» и на X (X-я) – мы имеем дело с другим типом речевого акта, а именно с восклицанием: «Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!» [9].

Рассмотрим эмфатическое «сам» в вопросе с эмфатической интонацией: «Не заблуждался ли сам Джордж?!» [8]; «Я сам к нему давно ль от нежности отрёкся?!» [1].

Рассмотрим также пример, который не содержит эмфатической интонации: «Впрочем, если бы завтра Багрецов объявил себя доктором философии или маршалом авиации, Глебов поверил бы ему, не задумываясь. Был ли он сам когда-нибудь врачом? Утрачен был не только автоматизм суждений, но и автоматизм наблюдений» [11]. В данном примере перед нами просто интонация «да-нет»-вопроса, между тем в нем так же, как и в вышеприведенных примерах, содержится идея об иерархии, в которой Дмитрий Rogozin, Tравкин, Вася, я, Джордж, он, занимают вершинное положение. В чем различие между иерархиями ценностей при эмфатическом и контрастивном употреблении? Как кажется, эксплицитный или подразумеваемый контекст вопроса включает своего рода продолжение: Был ли он сам когда-нибудь врачом? Или его жена / мать / отец / начальник? Здесь значение иерархии возникает в контексте: Глебов как главное действующее лицо противопоставлен тем, кто может прийти ему на замену в ситуации S, – жене или начальнику.

В эмфатическом же контексте существование иерархии ценностей поддерживается эмфатической интонацией, которая тоже предполагает существование некоторой шкалы. Эта шкала не исчезает даже при опущении «сам» [12]. В вышеприведенных примерах со словами сам Дмитрий Rogozin, сам Tравкин расцениваются как высокие гости: он (Дмитрий Rogozin, Tравкин) – главный по отношению к своим заместителям и помощникам. Таким образом, перед нами две шкалы: эмфатическая (шкала степени вероятности участия Дмитрия Rogozina,

Tравкина) и шкала, связанная со словом «сам» (главный vs. периферийный участник ситуации). Иерархия, связанная со словом «сам» и поднимающая Дмитрия Rogozina, Tравкина на вершину общественной лестницы, согласуется со шкалой вероятности участия Tравкина, выступления Дмитрия Rogozina перед журналистами и т. п., задаваемой эмфатическим выделением: в соответствии с обеими шкалами участие Tравкина, а также выступление Дмитрия Rogozina расцениваются как исключительные события.

Таким образом, мы видим, что у толкования слова «сам» есть пересечение с толкованием эмфазы. Это компонент «X расположен у крайнего полюса некоторой шкалы». Следовательно, эмфатическое употребление – это характерный контекст для слова «сам», подчеркивающий «самость» действий, участие именно конкретной личности в той или иной ситуации. Попутно заметим, что толкование «сам» пересекается не только с определением эмфазы, но и с определением коммуникативного контраста. Это компоненты: «X рассматривается на фоне множества подобных ему У-в и ведет себя так же, как и они, или, наоборот, отлично от них» и «точка зрения, выраженная в текущем предложении, соотносена с точкой зрения предыдущего говорящего» [12, с. 289]. Поэтому мы можем сделать вывод, что для «сам» весьма характерно не только эмфатическое, но и контрастное употребление. Однако уместно заключить, что эмфатическое «сам» характеризуется особой эмфатической интонацией, которая создает абсолютную иерархию ценностей говорящего. Эта иерархия существует в мире говорящего постоянно и не связана непосредственно с сообщаемой ситуацией, а, на наш взгляд, зависит от его личностных свойств и самостных характеристик.

Библиографический список

1. Грибоедов А. С. Горе от ума. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 15.11.2007).
2. Жеребенков Е. Учитесь властвовать... // «Итоги», 2003.03.04. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 08.07.2005).
3. Казакевич Э. Г. Звезда. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 08.07.2007).
4. Кибрик А. Е., Богданова Е. А. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 28–47.
5. Кибрик А. Е. Русистика. Славистика. Индоевропейистика. – М. : Индрик, 1996. – 766 с.
6. Корепина Н. А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Иркутск, 2009. – 17 с.
7. Корепина Н. А. К вопросу о функционально-семантической категории самости, средствах ее выражения в языке и ее структурной организации // Вестник ИрГТУ. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. – № 7 (47). – С. 317–321.
8. Кристи А. Сверкающий цианид // Романы. – Иркутск : Изд-во «Символ», 1992. – С. 65.
9. Островский А. Н. Гроза. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 18.07.2005).
10. Урысон Е. В. Теоретическая лингвистика и лексикография : опыты системного описания лексики. – М. : Русские словари, 1995. – С. 82–125.
11. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения : 18.07.2005).
12. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 281–303.
13. Baker C. L. Contrast, Discourse Prominence, and Intensification, with Special Reference to Locally Free Reflexives in British English // Language. Vol. 71. – 1995. – № 1. – Pp. 63–101.
14. König E. Towards a Typology of Intensifiers (emphatic reflexives) // XVIth International Congress of Linguistics : Plenary sessions texts. – Berlin : Freie Universität Berlin, 1997. URL : <http://www.philologie.fuberlin.de/~gast/home/hopdf/iz.pdf> (дата обращения : 10.07.2005).

Bibliograficheskiy spisok

1. Griboedov A. S. Gore ot uma. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrascheniya : 15.11.2007).
2. Zherebenkov E. Uchites vlastvovat... // «Itogi», 2003.03.04. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrascheniya : 08.07.2005).
3. Kazakevich E. G. Zvezda. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrascheniya : 08.07.2007).
4. Kibrik A. E., Bogdanova E. A. SAM kak operator korreksii ozhidaniy adresata // Voprosy yazykoznaniya. – 1995. – № 3. – S. 28–47.
5. Kibrik A. E. Rusistika. Slavistika. Indoevropеistika. – M. : Indrik, 1996.
6. Korepina N. A. Yazykovaya realizatsiya funktsionalno-semanticheskoy kategorii samosti : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Irkutsk, 2009. – 17 p.
7. Korepina N. A. K voprosu o funktsionalno-semanticheskoy kategorii samosti, sredstvakh ee vyirazheniya v yazyike i ee strukturnoy organizatsii // Vestnik IrGTU. – Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2010. – № 7 (47). – S. 317–321.
8. Kristi A. Sverkayuschiy tsianid // Romanyi. – Irkutsk : Izd-vo «Simvol», 1992. – S. 65.
9. Ostrovskiy A. N. Groza. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrascheniya : 18.07.2005).
10. Uryison E. V. Teoreticheskaya lingvistika i leksikografiya : opyityi sistemnogo opisaniya leksiki. – M. : Russkie slovori, 1995. – S. 82–125.
11. Shalamov V. T. Kolyimskie rasskazyi. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrascheniya : 18.07.2005).
12. Yanko T. E. Kommunikativnyie strategii russkoy rechi. – M. : Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2001. – S. 281–303.
13. Baker C. L. Contrast, Discourse Prominence, and Intensification, with Special Reference to Locally Free Reflexives in British English // Language. Vol. 71. – 1995. – № 1. – Pp. 63–101.
14. König E. Towards a Typology of Intensifiers (emphatic reflexives) // XVIth International Congress of Linguistics : Plenary sessions texts. – Berlin : Freie Universität Berlin, 1997. URL : <http://www.philologie.fuberlin.de/~gast/home/hopdf/iz.pdf> (data obrascheniya : 10.07.2005).

© Корепина Н. А., 2015

**ТИПЫ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ
В ИСТОРИИ СТАРОТЮРКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

К. Ш. Омонов

*Кандидат филологических наук, доцент,
Ташкентский государственный
институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан*

**TYPES OF BUSINESS DOCUMENTS IN THE HISTORY
OF OLD-TURKISH LITERATURE LANGUAGE**

K. Sh. Omonov

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. In this article a formal text which had been used in Turkish nations' history was analyzed as a linguistic event. All the analyzing documents' names were taken from the manuscripts created in the middle Ages. The names of documents registered in manuscripts gives us an opportunity to know that it was formed as an independent type of formal text. The investigations show that more than 10 documents work places.

Keywords: Turkish people; old Turkish language; formal text; middle ages; government work places; management practice; types of documentation; manuscripts.

Изучение истории тюркского официально-делового стиля предполагает постановку и решение ряда взаимосвязанных вопросов. К их числу относятся такие, как функциональное расслоение раннесредневековых тюркских языков; формирование норматива делового письма; структура текста делового письма, предопределяемая структурой референтной ситуации, лежащей в его основе; типология документов, обусловленная как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими (жанровыми и стилевыми) особенностями данных текстов. В этом плане следует отметить комплекс нерешенных пока проблем, в частности: лексико-грамматические, синтаксические, стилевые особенности текстов делового письма, их социолингвистический и прагматический потенциал, когнитивные возможности.

В данной статье ставится вопрос об исторически сложившихся государственных и правовых тюркских деловых документах XI–XV вв., связанных с особенностями общественно-языковой практики того времени [7].

С этой точки зрения в рамках государственных и правовых деловых документов XI–XV вв. можно противопоставить два основных типа документов: деловые письма, идущие от правителя государства и связанные с регулированием межгосударственных и внутригосударственных отношений; и деловые документы, направленные на реализацию правовых норм между гражданами. К первым относятся *Yarlıĝ* (грамота, приказ), *Niřān* (грамота, акт), *Bitim* (договор), *Bildürgülük* (дипломатическая переписка), *Vořuĝ* (разрешительный документ). К числу вторых принадлежат *Bitig* (документ, акт, справка), *Vař bitig*

(основной документ), *Āin bitig* (подлинный документ), *Āin baš bitig* (основной подлинный документ), *Bodun bitigi* (общинный документ), *Vičgas bitig* (письменное согласие), *Yumuš* (посредническое послание), *Tutsuğ* (завещание). Как показывают наблюдения, эти документы различаются не только типом, но и характером реализуемых отношений между сторонами (равноправные / неравноправные), а также предметом договора и исторической эпохой.

К деловым документам, регулирующим прежде всего межгосударственные и внутригосударственные отношения, относится *Yarlığ* (грамота) – один из самых ранних типов. Он включает в себя письма, обращения, приказы кагана [3]. В истории делопроизводства тюркских народов термин *Yarlığ* использовался как в узком значении («тип делового документа»), так и в расширенном (под этим термином понимались все официальные тексты и документы, имеющие отношение к правителю). Исследователи выделяют следующие разновидности расширенного значения:

- указы правителя (законы, постановления и распоряжения);
- грамоты, дающие какие-либо права и льготы («тархонлик» – документ об освобождении от суда и налогов; «сюргал» – грамота, которой награждали за заслуги перед государством);
- документ о назначении на какую-либо должность;
- документ, обеспечивающий безопасность послов и торговцев;
- документ о сдаче в аренду учреждений, принадлежащих государству;
- письма, направляемые зависимым государствам;
- договоры, заключаемые между равноправными сторонами [8, с. 243–244].

Наряду с понятием *Yarlığ* в XIV–XV вв. в государственных и судебных учреждениях используется и термин *Nišan* – «акт, документ». В частности, в документе от 1422 года Шохруха

Мирзо этот термин встречается в конструкции: «*Pak nišan bermiş erdik*» – «Мы выдали настоящий документ». На оборотной стороне этого документа есть пояснение, указывающее на толкование термина *Nišan* как названия документа. При этом указаны имя владельца и факт получения им документа: «*Nišanni Ismail aldī*» – «Документ получил Исмаил» [7].

Приблизительно VII в. датируется и такой тип делового документа, как *Bitim* – «письменный договор». Одним из первых найденных образцов был древний тюркский письменный памятник, обнаруженный в архиве Деваштич [1, с. 65–75]. В государственном и юридическом делопроизводстве термином *Bitim* обозначали «письменный договор», «примирение в письменной форме», «дипломатическое соглашение». Слово образовано от глагола *bit-* посредством присоединения аффикса *-m*: *bit-i- bit-i-m*.

Один из древнейших типов деловых документов – *Bildürgülük* – «дипломатическая переписка с соседним государством», цель которой – сообщить, что к власти пришел новый каган [4, с. 98–99].

К этой группе деловых документов можно причислить и *Boşuğ* – «разрешительный документ», выдаваемый правителем государства послам. Корень этого слова *boş* имеет значение «свободный, вольный». Как пишет Махмуд Кашгарский, документы, в которых говорилось о дарении и благодарности правителя послам, назывались точно так же. Позже этот термин приобрел значение «подарок», «угощение», предназначенное для родственников, приехавших издалека: *boşuğ aşı* – «разрешительная еда» [2, с. 352].

К документам, регулирующим правовые отношения между гражданами, относится *Bitig* – «документ, акт, справка». Следует отметить, что в XI–XII вв. образование терминов, обозначающих

деловые документы, шло преимущественно по пути расширения значения нейтральных слов [5, с. 127]. Например, слово *bitig* (*bit-i- bit-i-g*) в обиходной речи обозначало любой письменный текст, а в официально-деловом стиле – «документ, акт, справка». Доказательств этого много. В качестве примера можно привести рукопись, хранящуюся в Берлинском фонде под № U 5239, в которой есть такая строка, ср.: *bu bitigni men Buyan Tämür öz iligin bitiyü tegintim* – «этот документ написал собственноручно я, сам Буян Темир» [9]. Именно здесь слово *bitig* использовано в качестве термина, называющего документ, и впоследствии стало наименованием порядка десяти видов деловых текстов (*baş bitig*, *çin bitig*, *çin baş bitig*, *idiş bitig*, *oñ bitig*, *vuçuñ bitig*, *yantut bitig*, *ata bitigi*, *bodun bitig*, *ötüg bitig*, *biçğas bitig*, *birt bitig*), активно использовавшихся в XI–XIV вв. в государственном и судебном делопроизводстве тюркских государств. Так, *Baş bitig* – «основной, подлинный документ», гарантирующий лицу право владения чем-либо (имуществом, землёй, водой, рабами или слугами), являться собственником / правовой личностью. При продаже собственности составляется новый документ, который остается в распоряжении покупателя. В одном из документов из Берлинского фонда есть запись, объясняющая суть этого правового термина. На оборотной стороне рукописи, хранящейся под № U 5240, написано следующее: *Pukiñ atliğ er qarabaşniñ baş bitigi ol* – «Подлинной купчей слуги под именем Пукинг является именно этот документ» [9]. Этот вид документа входил в основном в виды деловых документов, связанных с оформлением получения-передачи, купли-продажи между людьми. Наряду с этим использовались и термины *Çin bitig* – «подлинный документ» и *Çin baş bitig* – «основной подлинный документ». В частности, в рукописи под № U 5295 читаем: *S(ä)ndäki*

idiş bitigni birip manga çin baş bitig qilip idğil – «Отдай свой временный, приготовь и отправь мне подлинный главный документ».

Как свидетельствуют письменные источники, в рассматриваемый период истории тюркских языков одной из ячеек управления обществом была эл, будун, эл-будун – община, имевшая право обращаться от имени ее членов к властям с просьбами о понижении суммы тех или иных налогов, с жалобами на незаконные действия собственников. Документы, составленные в таких случаях, именовались *Bodun bitigi* – «общинный документ». Кроме того, на основе этого документа могли оформлять и договор о купле-продаже чего-либо, определять размеры прибыли, получаемой при этом сторонами.

К деловым документам, регулирующим правовые отношения между гражданами государства, относится *Biçğas bitig* – «письменное согласие, клятва», его вариант – *baçığ*. В Диване Махмуда Кашгарского приведен стихотворный отрывок, посвященный этому термину [2]. Сюда же можно отнести *Yumuş* – «посредничество между двумя и более лицами» в обмене информацией, интерпретируемое как «посредническое послание» [3, с. 19], и *Tutsuğ* – «завещание». В Диване Махмуда Кашгарского дается следующий формуляр, связанный с этим термином: *Män añar tutsuğ tutuzdım* – «Я передал ему завещание» [2, с. 429].

Рассмотренные типы документов являются не только подтверждением того, что делопроизводство в этот период истории тюрков было достаточно развито, но и того, что официально-деловой стиль старотюркского литературного языка обнаруживает явные черты синкретизма. Это говорит и о том, что процесс стилевой дифференциации еще не завершен.

Разумеется, поставленная в статье проблема сформулирована в самом общем виде. Она скорее очерчена, нежели

рассмотрена. Названы основные типы деловых документов, их общие характеристики, причем перечень явно неполный. Решение этой проблемы требует комплексного подхода и изучения всего массива письменных памятников рассматриваемого периода. Одно совершенно очевидно: на протяжении XI–XV вв. идет процесс формирования старотюркского литературного языка, связанного с его стилистической дифференциацией и становлением официально-делового стиля, с формированием и упрочением делового норматива языка.

Библиографический список

1. Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда // Эпиграфика Востока, V. – М.–Л., 1951.
2. Кошғарий Махмуд. Девону лугатит турк. – Ташкент, 1960. – Том I.
3. Кошғарий Махмуд. Девону лугатит турк. – Ташкент, 1963. – Том III.
4. Махмудов Қ., Содиқов Қ. XI–XV асрнинг туркий ёзувидаги ёдгорликлар. – Ташкент, 1994.
5. Омонов К. Об одном нормативе делового письма в старотюркском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. – 2013. – Вып. 14.
6. Омонов Қ. Туркий расмий услуб тарихида девон – маҳкамачилик идораларида қўлланган ҳужжат турлари. – Ташкент, 2014.
7. Омонов Қ. Шохруҳ Мирзо нишонинг ўқилишига доир янги қайдлар // Ташкент Ислон университетининг илмий-таҳлилий бюллетени. – Ташкент, 2005.
8. Усманов М. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. – М. : Наука, 1979. – С. 218–244.
9. Turfanf Orschung. Academie der Wissenschaften [Электронный ресурс]. – URL : http://turfan.bbaw.de/dta/u/dta_u_index.htm.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bernshtam A. N. Drevnetyurkskiy dokument iz Sogda // Epigrafika Vostoka, V. – M.–L., 1951.
2. Koshgariy Mahmud. Devonu lugatit turk. – Toshkent, 1960. – Tom I.
3. Koshgariy Mahmud. Devonu lugatit turk. – Toshkent, 1963. – Tom III.
4. Mahmudov K., Sodikov K. XI–XV asrning turkiy ezuvdagi edgorliklar. – Toshkent, 1994.
5. Omonov K. Ob odnom normative delovogo pisma v starotyurkskom yazyike // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Politicheskie nauki. Vostokovedenie. – 2013. – Vyip. 14.
6. Omonov K. Turkiy rasmiy uslub tarihida devon – mahkamachilik idoralarida kullangan huzhjat turlari. – Toshkent, 2014.
7. Omonov K. Shohruh Mirzo nishoning ukilishiga doir yangi kaydlar // Toshkent Islom universitetining ilmiy-tahliliy byulleteni. – Toshkent, 2005.
8. Usmanov M. Termin «yarlyk» i voprosy klassifikatsii ofitsialnyih aktov hanstv Dzhuchieva Ulusa / Aktovoe istochnikovedenie. – M. : Nauka, 1979. – S. 218–244.
9. Turfanf Orschung. Academie der Wissenschaften [Elektronnyiy resurs]. – URL : http://turfan.bbaw.de/dta/u/dta_u_index.htm.

© Омонов К. III., 2015

На территории этого небольшого современного города размещаются объекты промышленности и транспорта. В связи со сложными орографическими особенностями город имеет высокую плотность жилой застройки, зеленые зоны отдыха, спортивные сооружения и многое другое.

В ходе исследования уровня шумового загрязнения городской среды нами использовался цифровой шумомер «Testo-815» [1]. Замеры производились на оживленных участках улиц города в различное время суток. Данные замеров представлены в таблице.

Средний уровень шума по городу Горно-Алтайску

Точка замера	Средний уровень шума, дБА		
	8:00–10:00	12:00–14:00	16:00–18:00
ост. «Парк Победы»	73,4	70,7	68,2
ост. «Жилмассив»	77,1	75,9	71,7
ост. «ЦУМ»	85,6	80,5	77,6
ост. «ГТФ»	71,4	72	71,6
ост. «Старый Центр»	80,4	79,1	79,8
ост. «Ткацкая»	83,5	82,9	82,4
ост. «Площадь имени Ленина»	82,7	81,7	80,8
ост. «Вокзал»	84,2	84,7	80,6
ул. Чорос-Гуркина – ул. Головина	94,4	93,9	89,3
ул. Чорос-Гуркина – ул. Социалистическая	83,7	82,8	79,9
ТЦ «Ткацкий 2»	76,3	75,6	72,1

Максимальные превышения уровня шума регистрировались в центральных районах города: «ЦУМ», «Ткацкая», «Площадь имени Ленина» и «Автовокзал», а также на пересечении улиц Чорос-Гуркина – Социалистическая и Чорос-Гуркина – Головина. Высокие показатели шумового загрязнения связаны с высокой концентрацией автомобильного транспорта, так как проспект Коммунистический и улица Чорос-Гуркина являются центральными улицами и основными транспортными артериями города. Минимальные значения шумового загрязнения наблюдались на территории жилой застройки по улицам Алтайская, Чорос-Гуркина, Строителей, Ку-

чияка, проспекте Коммунистическом (район «Жилмассив»), улице Промышленной, а также в местах отдыха населения (Мемориальный комплекс «Парк Победы», Парк отдыха имени Г. И. Чорос-Гуркина, Городской парк имени В. И. Ленина) и в зоне частной жилой застройки (таблица).

Распределение шумового загрязнения не равномерно не только по территории города, но и в течение суток. Средний уровень шума по городу за весь период наблюдения с 10:00 до 18:00 составляет 80 дБА. Так, максимум звуковой нагрузки (82 дБА) на окружающую среду приходится на период времени с 8:00 до 10:00. В период с 12:00 до 14:00 отмечается незначительное

снижение шума до 80 дБА, а в период с 16:00 до 18:00 инструментальные замеры показывают снижение уровня шума до 78 дБА. Такие показатели значительно превышают установленную норму в 55 дБА и являются пагубными для здоровья человека, негативно сказываются на экологии города.

Как было нами выявлено, шумовая обстановка в Горно-Алтайске далека от комфортной. Постоянно находясь под шумовым воздействием, человек, сам того не замечая, зачастую получает дополнительный фактор риска для развития стресса и снижения иммунитета. Для уменьшения негативного влияния шума мы предлагаем следующие способы снижения звукового загрязнения городской среды.

Так, минимизация шумового загрязнения в городе Горно-Алтайске может осуществляться по следующим основным направлениям:

- нейтрализация источника шума при помощи инженерно-технических методов и организационно-административных способов;

- по пути распространения шума в городской среде от источника до защищаемого объекта – градостроительными методами и строительно-акустическими методами;

- создание шумозащиты – конструктивно-строительными методами повышения звукоизолирующих качеств ограждающих конструкций зданий и сооружений и планировочными методами [5].

Основные мероприятия по борьбе с шумом в городе Горно-Алтайске можно разделить на две группы: архитектурно-планировочные и строительно-акустические.

В генеральном плане по развитию города Горно-Алтайска должны резервироваться и проектироваться зоны общественно-деловой застройки и территории общего пользования. Примером такого проектирования может стать

планирование и строительство нового микрорайона в соседнем с Горно-Алтайском селе Майма. На данный момент в селе Майма идет строительство нового микрорайона «Алгаир 2», при котором учтены архитектурно-планировочные и строительно-акустические мероприятия по снижению шума.

Снижение городского шума возможно за счет уменьшения шумности транспортных средств. Принципиальные технические решения малозумного транспорта – электромобили, паромобили, автомобили с усовершенствованными двигателями, высокоэффективными глушителями, дожигателями и нейтрализаторами выхлопных газов [6].

При проектировании городов в целях защиты от шума необходимо осуществлять четкое разделение территории по функциональному назначению: на селитебную, промышленную (производственную), коммунально-складскую и внешнего транспорта [2]. Для улучшения сложившегося функционального зонирования города Горно-Алтайска генеральным планом предусматриваются следующие мероприятия.

- Вынос вредного производства с территории города (асфальтобетонного производства, пилорам и т. д.), перепрофилирование предприятий на меньший класс вредности производства (завод железобетонных изделий), перевод коммунально-складских объектов, расположенных в жилой застройке, в общественно-деловую зону.

- Установление ориентировочных размеров санитарно-защитных зон предприятий.

- Запрещение жилищного строительства в санитарно-защитных зонах и перенос существующего жилья из этих зон.

- Организация санитарно-защитных зон за счет ограничения территорий предприятий.

• Реконструкция улицы Бийской, где предлагается замена жилой застройки, расположенной в санитарно-защитной зоне предприятий и объездной дороги, на объекты дорожного сервиса.

При проектировании системы внешнего транспорта необходимо предусматривать в городах объездные дороги; размещать сортировочные станции за пределами городов; создавать надлежащих размеров санитарно-защитные зоны от границ аэропортов, заводских аэродромов до границ жилой застройки [5]. В настоящее время в сторону села Турочак и озера Телецкое проезд производится через город и прилегающее к нему село Кызыл-Озёк. Этот фактор не только негативно сказывается на интенсивности городского движения, но и отрицательно влияет на шумовой фон города и прилегающего села. Существует проект дороги, который позволил бы решить описанную выше проблему.

При разработке архитектурно-планировочной структуры жилых районов следует использовать следующие способы защиты от шума: удаление жилой застройки от источников шума; установка между источниками шума и жилой застройкой шумозащитных экранов; применение рациональных с точки зрения защиты от шума композиционных приемов группировки жилых зданий [3; 4; 6].

Снижению шума может способствовать рациональная организация движения транспорта (организация одностороннего движения); уменьшение интенсивности движения, замена шумных транспортных средств менее шумными; исключение сквозного движения по внутриквартальным территориям; применение менее шумных типов дорожного покрытия, вертикального озеленения, звукопоглощающих облицовок фасадов зданий и сооружений, звукоизолирующих тройных стеклопакетов [5; 6].

В настоящее время большинство противозумных мероприятий не производится и требования допустимого уровня шума в городах не соблюдаются. Количество автомобилей растет с каждым годом, а требования к планировке города не всегда соответствуют нормативам.

Самыми распространенными способами борьбы с шумом остаются использование вертикального озеленения, звукоизолирующих материалов и установка жителями домов, прилегающих к транспортным магистралям, трехслойных стеклопакетов. Но на данный момент в Горно-Алтайске наблюдается снижение зеленых насаждений. Такая тенденция связана с тем, что в городе очень сложная планировочная структура и нынешние дороги города не рассчитаны на современное автомобильное движение, большинство зеленых насаждений переводится под территорию расширения дорог, строительства парковок и стоянок.

Шумовое загрязнение в Горно-Алтайске – очень значительный фактор, влияющий на экологию города и состояние здоровья людей, проживающих в нём. Максимальные превышения уровня шума регистрируются в большинстве районов города. Нынешняя планировка города с пиком строительства в 70-х годах прошлого века и его расположение в сложных орографических условиях не позволяют в полной мере применить архитектурно-планировочные и строительно-акустические способы устранения и уменьшения звукового загрязнения. Также очень негативно влияет на состояние города уменьшение площади зеленых насаждений. Из вышесказанного можно сделать вывод, что шумовое загрязнение интенсивно стало усиливаться в последние 10–15 лет, и принимаемые меры в недостаточной степени устраняют и уменьшают шумовое загрязнение.

Библиографический список

1. Testo AG – портативные и стационарные измерительные приборы. URL: <http://www.testo.ru/ru/home/products/productdetails.jsp?productNo=0563+8155>.
2. Буралев Ю. В. Безопасность жизнедеятельности на транспорте : учебник. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2007. – 288 с.
3. Девисиллов В. Шум и вибрация : источники опасности // ОБЖ. Основы безопасности жизни. – 2005. – № 8. – С. 58–63.
4. Карагодина И. Л. Борьба с шумом и вибрацией в городах. – М. : Медицина, 1979. – 160 с.
5. Карагодина И. Л., Осипов Г. Л., Шишкин И. А. Городские, коммунально-жилищные шумы и борьба с ними. – М. : Медицина, 1983. – 168 с.
6. Новиков А. Н. Экологический мониторинг воздействия автотранспорта на акустическую среду города // Ремонт, восстановление, модернизация. – 2006. – № 6. – С. 33–34.

Bibliograficheskiy spisok

1. Testo AG – portativnyie i statsionarnyye izmeritelnyie priboryi. URL: <http://www.testo.ru/ru/home/products/productdetails.jsp?productNo=0563+8155>.
2. Buralev Yu. V. Bezopasnost zhiznedeyatelnosti na transporte : uchebnik. – 2-e izd., ster. – M. : Akademiya, 2007. – 288 s.
3. Devisilov V. Shum i vibratsiya : istochniki opasnosti // OBZh. Osnovy bezopasnosti zhizni. – 2005. – № 8. – S. 58–63.
4. Karagodina I. L. Borba s shumom i vibratsiey v gorodah. – M. : Meditsina, 1979. – 160 s.
5. Karagodina I. L., Osipov G. L., Shishkin I. A. Gorodskie, kommunalno-zhilischnyie shumyi i borba s nimi. – M. : Meditsina, 1983. – 168.
6. Novikov A. N. Ekologicheskii monitoring vozdeystviya avtotransporta na akusticheskuyu sredu goroda // Remont, vosstanovlenie, modernizatsiya. – 2006. – № 6. – S. 33–34.

© Никольченко Ю. Н., Журавлева О. В.,
Сухова М. Г., 2015

Právní vědy

УДК 340.12: 316.48

ПЕРЕГОВОРЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Г. В. Брыжинская
Т. Ю. Галыгина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

NEGOTIATION IS EFFECTIVE WAY TO RESOLVE DISPUTES

G. V. Bryzhinskaya
T. U. Galigina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
student,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Summary. The article gives a general description of the negotiation process. It reveals the nature of the negotiations as an alternative form of dispute resolution and conflict. The functions and subjects of the negotiation process are allocated. The distribution function of the negotiation process contributes to the formation of a closed system. Notes that participation of civil society groups has a positive impact on the concluded agreement, revealed the nature of the negotiating process. Describes why the talks are an effective way to resolve the dispute, noted the importance of prevention. It is clarified that the negotiations are unregulated by law procedure that extends the boundaries in dispute resolution.

Keywords: negotiations; dispute; conflict; the actors of the negotiation process; functions.

В процессе человеческого взаимодействия отношения приобретают различный характер – от мира до противоборства. Чтобы не допустить большой разницы в интересах сторон спора, им следует прибегнуть к эффективным способам урегулирования разногласий. Одним из таких являются переговоры. К ним обычно прибегают в течение всей жизни. Предметом переговоров могут быть различные жизненные ситуации – от семейных проблем до межгосударственных конфликтов. Именно переговоры являются эффективным и в то же время простым средством в достижении

договоренности, так как позволяют сторонам непосредственно, т. е. с глазу на глаз, разрешить спорную ситуацию на ранних этапах конфликта, что, соответственно, исключит вероятность использования судебного разрешения спора. Но не всегда противоборствующие субъекты желают прибегнуть к процедуре переговоров. Это обусловлено тем, что они (стороны) имеют недостаточное представление о данной процедуре и не владеют навыками ее ведения.

Т. В. Худойкина определяет переговоры как процесс принятия совместного решения двумя или более сторонами

о дальнейшем их поведении [4, с. 37]. Как правило, переговоры заключаются в равноправии сторон и ведутся на основе общих интересов. В теории высказывается мнение о том, что нецелесообразно отказываться от переговоров, так как стороны, разрешая конфликт в судебном порядке, не смогут свободно договориться, чего можно было бы достичь в переговорном процессе.

Переговорный процесс – это ведение диалога по поиску компромисса в спорной ситуации. Здесь стороны имеют возможность найти золотую середину в их разных позициях и завершить конфликтную ситуацию разрешением возникших противоречий и достижением единого мнения. В переговорном процессе стороны рассматривают друг друга не как противника, а как союзника. Действительно, если противоборствующие субъекты будут относиться друг к другу как к противнику, то каждый из них будет стремиться выиграть спор и получить наибольшую выгоду в конфликте, тем самым переговорный процесс не будет иметь никакой силы. В таком случае это будет не переговорный процесс, а «ринг», где стороны борются за призовое место.

Интересы противоборствующих субъектов не всегда совпадают, поэтому целью переговорного процесса является их учёт и сбалансированность. Если интересы сторон и совпадают, и расходятся в равной мере, то, скорее всего, переговорщики ждёт успех.

В теории сложились общие характеристики для всех переговорных ситуаций: присутствие двух или более сторон; конфликт интересов, ресурсов, ценностей; предположение сторон о возможности использовать какую-то форму влияния, чтобы получить более выгодное решение; ожидание взаимных уступок [3, с. 37].

В зарубежной литературе отмечается, что участие групп гражданского общества эффективно повлияет на

дальнейшее разрешение споров, также данные группы могут оказать положительное воздействие на заключаемые впоследствии соглашения. Да, действительно, наличие гражданской позиции общественных структур позволяет с наименьшими неблагоприятными последствиями достичь взаимовыгодных условий соглашения в переговорном процессе.

Кроме того, переговоры выполняют следующие функции: коммуникативную, регулирующую, контролирующую и др. Таким образом, переговорный процесс представляет собой систему, имеющую в своём составе элементы, которые образуют её единство. Коммуникативная функция состоит в непосредственном обсуждении сторонами возникших противоречий. Регулирующая функция представляет собой разрешение конфликта средствами сторон. Контролирующая функция заключается в предупреждении возникновения новых конфликтов. В теории отмечается, что профилактика переговоров состоит в том, чтобы предупреждать возникновение новых споров [2, с. 114].

По общему правилу субъекты переговорного процесса делятся на две группы. С конфликтологической точки зрения выделяются такие субъекты, как личность, группа, государство. С юридической точки зрения – физические и юридические лица в целом, государство, социальные общности, которые находятся в противоборстве. Помимо конфликтующих сторон в переговорном процессе могут быть посредник и арбитр. В соответствии с теорией, данные лица являются участниками процесса.

Переговоры относятся к нерегламентированным законом процедурам урегулирования споров и конфликтов [1, с. 66], в связи с этим участникам предоставляется широкая возможность для осуществления и разрешения возникших разногласий. Чтобы решить

спор по существу без участия иных сторон переговорного процесса, необходимо на его начальных этапах искать компромисс, так называемую золотую середину договорённости, стараться уступать интересам противоположной стороны и стремиться к продуктивным результатам.

Таким образом, переговоры являются простым и, в то же время, эффективным средством в урегулировании конфликта интересов сторон, способствуют достижению общих целей субъектов и разрешению возникших противоречий.

Библиографический список

1. Брыжинская Г. В., Худойкина Т. В. Переговорный процесс : психолого-правовой анализ // *Paradigmata poznani*. – 2015. – № 1. – С. 65–67.
2. Васягина М. М. Классификация мер профилактики юридических конфликтов // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. – 2010. – № 1 (7). – С. 113–115.
3. Кайгородов Б. В., Русанова О. А., Варфоломеева Е. А. Переговоры, посредничество и работа с конфликтами : учебное пособие. –

Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011.

4. Худойкина Т. В., Лёвин В. Ф., Брыжинский А. А. Теоретико-правовой анализ, история, современное состояние и перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в России. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 192 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bryzhinskaya G. V., Hudoykina T. V. The negotiation process : Psychological and legal analysis // *Paradigmata poznani*. – 2015. – № 1. – P. 65–67.
2. Vasyagina M. M. Classification of prevention of legal conflicts // *Bulletin of Samara Humanitarian Academy. A series of "Right"*. – 2010. – № 1 (7). – P. 113–115.
3. Kaigorodov B. V., Rusanova O. A., Varfolomeeva E. A. The negotiations, mediation and the work with conflicts: study guide. – Astrahan : Idatelskiy dom "Astrakhan University", 2011.
4. Hudoykina T. V., Levin V. F., Bryzhinsky A. A. Theoretical and legal analysis, the history, current state and prospects of development of alternative resolution of legal disputes and conflicting in Russia. – Saransk : Publishing house of the Mordovian University, 2005. – 192 p.

© Брыжинская Г. В., Галыгина Т. Ю., 2015

УДК 341.9

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Т. В. Худойкина
М. А. Колесникова

*Доктор юридических наук, профессор,
студент,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

**INSTITUTION OF MEDIATION IN RUSSIA
AND THE PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION**

T. V. Khudoikina
M. A. Kolesnikova

*Doctor of Legal Sciences, professor,
student,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Summary. This article is devoted to one of the alternative forms of resolution conflicts and disputes – mediation. Authors identifies and describes the characteristics of mediation process in the Russian Federation. The article observes the concept of mediation and formulates a general definition of mediation. Particular attention is focused on the problems of implementing mediation procedure in the Russian Federation, which was identified in legal regulation of mediation. Also, this article groups factors, which affects the inefficiency of the use of mediation. Authors offer solution to some problems of mediation procedure in the Russian Federation.

Keywords: mediation; mediation procedure; conflict; dispute; problems.

Правовые споры и конфликты зарождаются в разных областях и сферах нашей жизнедеятельности и могут разрешаться различными способами. В сложных современных условиях наиболее актуальными являются альтернативные (негосударственные) процедуры урегулирования противоречий и противоборств (переговорный процесс, посредничество (медиация), претензионный порядок, третейский суд, мировое соглашение).

По нашему мнению, если конфликтующие стороны путем непосредственных переговоров между собой не могут достигнуть определённого соглашения, то наиболее эффективным вариантом разрешения споров и конфликтов в таком случае является институт медиации, получивший совсем недавно своё легальное закрепление. С целью

снижения нагрузки на судебную систему и осуществления деятельности медиаторов на профессиональной основе в Российской Федерации 27 июля 2010 г. был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Медиация – сложное и многоаспектное явление, поэтому нуждается в комплексном исследовании, которое должно основываться на «системном определении медиации с философских, социологических, правовых и иных позиций» [3, с. 44]. Многими учеными признается социальная полезность посредничества. Данный институт рассматривается в качестве общественно ориентированного, признанного минимизировать проблемные отношения и научить общество мирно вести переговоры.

Медиация (посредничество) – это и правовое явление, сочетающее в себе частно-публичные начала.

Посредничество следует понимать как примирительную процедуру, заключающуюся в урегулировании спора либо конфликта между сторонами с участием третьего лица (посредника) с целью выработки взаимоприемлемого соглашения сторон.

В процессе посредничества, как правило, рассматриваются споры, возникшие в трудовой, семейной, гражданской, предпринимательской и иной экономической области. Соглашение о медиации при использовании данной процедуры заключается в письменной форме. Процессуальная составляющая в нём отсутствует.

Правовой анализ данного института позволяет указать на наличие проблемных моментов в законодательном регулировании процедуры медиации и в практике её применения:

1) в законодательстве не предусмотрен общий порядок проведения медиации;

2) решение, принятое по результатам проведения данной процедуры исполняется добровольно;

3) не определена форма согласия сторон на публичное заявление медиатора по существу спора;

4) не закреплен порядок отвода и замены медиатора другим лицом в ходе осуществления медиативной процедуры;

5) отсутствуют требования к наличию профессионального (именно юридического) образования медиаторов;

6) курсы, на которых получают дополнительное образование по вопросу применения процедуры медиации, занимают очень мало времени (являются краткосрочными);

7) отсутствуют необходимые требования к организациям, оказывающим услуги по медиации;

8) не проработана система гарантий независимости посредников.

В научной литературе условно группируются проблемы, входящие в основу недостаточной эффективности применения медиации (посредничества): во-первых, это человеческий фактор (проблемы, связанные с определением физических лиц, способных выступать в роли медиаторов); во-вторых, это профессиональный фактор (проблемы, связанные с недоверием к лицам, предлагающим услуги в качестве посредников); в-третьих, это информационный фактор (недостаток информационного обеспечения и реализации принципов гласности, законности, доступности и др.) [1, с. 5].

В рамках гражданско-правового общества применение альтернативных способов разрешения споров и конфликтов необходимо как для субъектов гражданского оборота, как и для государства в целом [2, с. 24]. Институт медиации как стабилизатор современных общественных отношений способен значительно повлиять на всё правовое и социальное пространство России. Однако для более результативного применения данного института нужно решить накопившиеся проблемы. Для этого следует:

1) оперативно заполнить пробелы в действующем законодательстве;

2) сформировать информационный портал, на котором будет размещено содержание нормативных правовых актов, регламентирующих порядок внесудебного рассмотрения дел, информация о лучших медиаторах, видеозаписи с уже разрешенными делами;

3) вести обязательное нотариальное удостоверение соглашений, заключенных в процессе процедуры медиации;

4) создать единую систему обучения медиации, которая должна будет обеспечить доступность такого обучения за счет расширения учреждений, осуществляющих как подготовку практикующих медиаторов, так и подготовку

учебных программ, учебно-методического материала рекомендательного характера.

Остается надеяться, что за медиацией перспективное будущее нашей страны. Данная примирительная процедура должна стать «первой помощью» в разрешении споров и конфликтов, возникающих в различных сферах жизнедеятельности личности, общества, государства.

Библиографический список

1. Антипов А. Н. Медиация : проблемы становления и развития // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 4–6.
2. Баранов В. М., Худойкина Т. В. Теория юридического конфликта : философские и социолого-правовые аспекты // Юрист-Правоведъ. – 2000. – № 1. – С. 18–28.
3. Минкина Н. И. Медиация : обзор подходов в исследовании и правовая основа // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4 (11). – С. 43–46.

Bibliografickij spisok

1. Antipov A. N. Mediacya problemy stanovleniya i razvitiya // Rossijskij sud'ya. – 2014. – № 10 – S. 4–6.
2. Baranov V. K., Khudoikina T. V. Teoriya yuridicheskogo konflikta : filosofskie i social'no-pravovye aspekty // Yurist-Pravoved. – 2000. – № 1. – S. 24–25.
3. Minkina N. I. Mediacya : obzor podxodov v issledovanii i pravovaya osnova // Evrazijskaya advokatura. – 2014. – № 4 (11). – S. 43–46.

© Худойкина Т. В., Колесникова М. А., 2015

УДК 347.4

**МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ
В УРЕГУЛИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА**

Т. В. Худойкина
А. С. Кочнев

*Доктор юридических наук, профессор,
студент,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

SETTLEMENT FOR RESOLUTION OF LEGAL CONFLICTS

T. V. Khudoikina
A. S. Kochnev

*Doctor of Legal Sciences, professor,
student,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Summary. This article is devoted to features of settlement, stresses advantages and disadvantages of settlement in civil litigation. The authors examine kind of settlements and their characteristics. Also this paper observes legal regulation of settlement in Russian Code of Civil Procedure and Code of Arbitration Procedure. The authors research process of conclusion of a settlement in civil and arbitration litigation, procedure of its affirmation by judge and legal consequences. The article stresses problems of use settlement for resolution of legal conflicts in Russia. The authors offer a solution to some of these problems.

Keywords: settlement; settlement in civil litigation; legal conflicts; alternative dispute resolution.

Любой юридический конфликт – это всегда противоречие между людьми, а не между нормами или институтами права [5, с. 29]. Наиболее приемлемым результатом разрешения любого социального конфликта является достижение согласия, мира между противоборствующими сторонами. Примирение сторон в форме мирового соглашения является одним из важнейших способов урегулирования разногласий, возникающих в правовой сфере.

Закрепление реального принципа состязательности сторон в гражданском и арбитражном процессе в ходе совершенствования процессуального законодательства России значительно расширяет возможность заключения мирового соглашения

между сторонами практически любого юридического конфликта. При этом данный способ не стал какой-то новеллой для российского процессуального законодательства, поскольку урегулирование споров путем заключения мирового соглашения (или, как его иначе называли в разные эпохи, мировой, мировой сделки, миролюбного соглашения, мировой записи, полюбовной сказки) было наиболее древним правовым обычаем, широко известным в Русском государстве [2, с. 113].

Практически все исследователи выделяют внесудебные и судебные мировые соглашения. При этом внесудебным мировым соглашением будет являться гражданско-правовой договор (сделка), заключенный

между сторонами в результате разрешения материально-правового спора (конфликта) на согласованных сторонами условиях. Каких-либо особенностей по сравнению с обычным гражданско-правовым договором во внесудебном мировом соглашении выделить нельзя. Гораздо большим своеобразием и сложной правовой природой отличается судебное мировое соглашение. В прецедентной системе права мировому соглашению тоже придается большое значение, поскольку его заключение позволяет конфликтующим сторонам прийти к взаимовыгодному соглашению, избежав тем самым значительных судебных издержек [7, с. 1266].

Вопрос о юридической природе судебного мирового соглашения является дискуссионным. С одной стороны, мировое соглашение – юридический факт процессуального права, оно приравнивается по своим свойствам к судебному решению, однако имеет иную природу и влечет правовые последствия в процессуальной сфере и одновременно в материальной сфере [3, с. 31]. Главным процессуальным последствием мирового соглашения в процессуальной сфере является прекращение производства по делу.

С другой стороны, в материальной сфере мировое соглашение изменяет, дополняет содержание ранее возникшего между сторонами юридического конфликта материального правоотношения. При этом могут изменяться условия гражданско-правового обязательства путем введения изменений и дополнений, касающихся количественной или качественной стороны исполнения [1, с. 17]. В материальной сфере мировое соглашение представляет собой гражданско-правовой договор. Свообразие мирового соглашения заключается в разрешении юридического конфликта на основе

взаимных уступок сторон, когда каждая из сторон отказывается от дальнейшего продолжения спора, получая ответное предоставление.

Положительные стороны судебного мирового соглашения (по сравнению с судебным решением) очевидны. При заключении мирового соглашения участники спорного правоотношения разрешают спор на основе своего свободного волеизъявления, «без давления извне», достигая компромисса с учетом взаимных интересов, идя на взаимные уступки, модифицируя обязательства и тем самым достигая всех целей и задач примирения [4, с. 26]. К позитивным сторонам мирового соглашения следует отнести сокращение судебных расходов, самостоятельность сторон при заключении соглашения, конфиденциальность всех процедур.

Основным негативным моментом, связанным с регламентацией судебного мирового соглашения, является отсутствие норм законодательства, регулирующих его заключение. В Арбитражно-процессуальном кодексе РФ имеется отдельная глава 15 «Мировое соглашение. Примирительные процедуры», в которой закреплены самые общие положения, касающиеся формы и содержания мирового соглашения, порядка утверждения судом мирового соглашения и его исполнения. У сторон арбитражного процесса, таким образом, имеется возможность руководствоваться нормами права при решении вопросов о заключении мирового соглашения.

Но в Гражданском процессуальном кодексе РФ отсутствует какое-либо обособление норм о мировом соглашении, да и самих норм о мировом соглашении в тексте данного законодательного акта практически нет. Только в ст. 173 ГПК РФ содержатся положения об утверждении условий

мирового соглашения. Это однозначно свидетельствует о необходимости совершенствования ГПК РФ посредством систематизирования норм о мировом соглашении. Учитывая важность судебного мирового соглашения для гражданского процесса, выглядит совершенно обоснованным включение в ГПК РФ отдельной главы о мировом соглашении, как это уже сделано законодателем в АПК РФ.

Исходя из норм законодательства, судебной практики и теоретических положений, можно выделить определенные требования к мировому соглашению в гражданском процессе. Содержание мирового соглашения должно соответствовать закону и не нарушать права других лиц, в нем должны быть ясно изложены возникающие права и обязанности сторон. Мировое соглашение должно заключаться добровольно, без какого-либо принуждения или давления, являясь результатом действительно свободно волеизъявления сторон.

Необходимым условием для судебного мирового соглашения является утверждение его судом, которое оформляется в форме определения. Данное определение одновременно прекращает и производство по делу. Для утверждения мирового соглашения необходим ряд последовательных действий суда: разъяснение сторонам последствий заключения мирового соглашения и принятия его судом; проверка условий заключения мирового соглашения на предмет непротиворечия закону; установление всех заинтересованных лиц, чьи права и законные интересы могут затрагиваться мировым соглашением; проверка исполнимости условий мирового соглашения [6, с. 22].

Мировое соглашение исполняется добровольно его сторонами в сроки и на условиях, которые предусмотре-

ны в самом соглашении. В случае неисполнения условий указанные в соглашении обязательства могут быть обращены к принудительному исполнению по общим правилам исполнительного производства, поскольку сторона мирового соглашения может ходатайствовать о выдаче исполнительного листа.

Кроме необходимости систематизации норм гражданского законодательства Российской Федерации о мировом соглашении следует законодательно закрепить меры по стимулированию сторон к заключению ими мирового соглашения, среди которых возможно установить сокращение размера государственной пошлины (либо ее возврат) по делам, в которых стороны заключили мировое соглашение.

Мировое соглашение значительно расширяет возможности сторон в добровольном урегулировании юридических конфликтов и очень часто становится первым шагом на пути реального примирения противоборствующих сторон. Развитие этого института является одной из задач совершенствования гражданского процессуального законодательства Российской Федерации.

Библиографический список

1. Абдрашитов А. М. Мировое соглашение как юридический факт и как фактический состав // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 2. – С. 15–18.
2. Давыденко Д. Л. Традиции примирительных процедур в России // Третейский суд. – 2003. – № 1. – С. 113–119.
3. Дерюшкина Т. А. К вопросу об юридических фактах в гражданских процессуальных правоотношениях // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2013. – № 1. – С. 31–33.
4. Захарьячева И. К вопросу об определении места мирового соглашения в системе примирительных процедур (в контексте арбитражного процесса) // Арбитражный

- и гражданский процесс. – 2006. – № 1. – С. 25–28.
5. Кузбагаров А. Н. Причины возникновения юридического конфликта и примирение конфликтующих как способ их разрешения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 3. – С. 27–31.
 6. Русинова Р. Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
 7. Weinstein J. B. Comments on Owen M. Fiss, *Against Settlement (1984)* // *Fordham Law Review*. – 2009. – № 78. – P. 1265–1272.
 3. Deryushkina T. A. K voprosu ob yuridicheskikh faktah v grazhdanskih protsessualnykh pravootnosheniyah // *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo»*. – 2013. – № 1. – S. 31–33.
 4. Zaharyascheva I. K voprosu ob opredelenii mesta mirovogo soglasheniya v sisteme primiritelnykh protsedur (v kontekste arbitrazhnogo protsessa) // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. – 2006. – № 1. – S. 25–28.
 5. Kuzbagarov A. N. Prichinyi vozniknoveniya yuridicheskogo konflikta i primirenje konfliktuyuschih kak sposob ih razresheniya // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. – 2006. – № 3. – S. 27–31.
 6. Rusinova R. R. Rasporyaditelnyie prava storon v grazhdanskom protsesse: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2003. – 24 s.
 7. Weinstein J. B. Comments on Owen M. Fiss, *Against Settlement (1984)* // *Fordham Law Review*. – 2009. – № 78. – P. 1265–1272.

Bibliograficheskiy spisok

1. Abdrashitov A. M. Mirovye soglasheniya kak yuridicheskiy fakt i kak fakticheskiy sostav // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. – 2005. – № 2. – S. 15–18.
2. Davyidenko D. L. Traditsii primiritelnykh protsedur v Rossii // *Treteyskiy sud*. – 2003. – № 1. – S. 113–119.

© Худойкина Т. В., Кочнев А. С., 2015

Pedagogické vědy

UDC 378

REFORMATION OF THE HIGHER EDUCATIONAL SYSTEM OF KAZAKHSTAN

B. Kh. Mussabayeva

*Candidate of Chemical Sciences,
assistant professor,*

M. O. Mussabayeva

*master,
Semey State University
named after Shakarim, Semey, Kazakhstan*

Summary. The purpose of this article is to investigate the correspondence of the educational policy of Kazakhstan to the international standards of education by analyzing the process of higher education reformation throughout the history of independent Kazakhstan. The main stages of education reform in Kazakhstan in the period of independence is list. Much attention is paid to the analysis of the role of the «Bolashak» University in the process of internationalization of education programs. The activities in the field of education aimed at accession to the Bologna Declaration are detailed.

Keywords: Kazakhstan; higher education; transformation; internationalization.

The start of reforms

Kazakhstan is a young country focusing on the development of a market economy and inevitably becoming affected by the process of globalization. In the beginning of the 1990s, Kazakhstan was in a deep economic crisis, therefore, the government, following the example of western countries, decided to reform the educational system in order to meet the requirements of a developing market economy [1, p. 12–14]. However, the process of adaptation to the western educational system was complicated by the Soviet framework of education, which was automatically inherited by Kazakhstan after the collapse of the Soviet Union [2, p. 594–603]. Understanding that education is the catalyst of economic development and the main object of investments, the government started a campaign for the systematic transformation of education.

According to A. Mambetkazyiev [7, p. 6–9], the process of reforming might be divided into four main stages:

- 1) formation of the legal framework of higher education (1991–1994);
- 2) changing the content of the higher educational system (1995–1998);
- 3) enhancing the academic independence of higher educational institutions (1999–2000);
- 4) systematic development of professional education (the present stage was established in 2001).

The first ten years of independence are characterized by a series of reforms connected with the transformation of higher education as a response to the changing economic situation. Firstly, with the acceptance of the market economy, the government needed to change the structure of higher education. This measure is explained by the necessity to develop market labour. This meant that education could not be restricted by any specific sector, it was supposed to be free [4, p. 76–87]. Secondly, the government changed the content of higher education by introducing

new subjects and special ties with which the Soviet system was unfamiliar, such as business, management and market economy. At the same time subjects related to the Soviet ideology were excluded from the new curriculum [4, p. 76–87]. Thirdly, the lack of international sources and information moved the government to make reforms towards the international cooperation, which allowed the process of policy travelling to start. As a consequence, there was a need to connect scientific institutions with universities in order to conduct research for educational institutions and provide students with updated information [13, p. 277–291].

In brief, the education reforms which were made by the government during the first decade of independence focused primarily on the requirements of a market economy. This means that the concept of education became market labour-oriented. However, the level of governmental control over educational institutions remains high, which means that the main feature of western education – autonomy of educational institutions was not implemented in any full sense.

Internationalization

The process of internationalization was started in 1993 when the first international scholarship “Bolashak” (“future”) was established [11, p. 41–55]. Realizing that there was a lack of specialists with “western” education, the government of Kazakhstan decided to support gifted young people by sponsoring their education at the best universities in the world. At the moment, there are more than ten thousand students that received an education at 200 universities in 33 countries [9, p. 34–55]. The main purpose of this programme is the preparation of highly qualified professionals who will contribute their knowledge and experience to the development of Kazakhstan. In addition, students have a unique opportunity to acquire different cultures and traditions and learn diversified curriculums from all over the world [2, p. 594–603]. In 2005, the number of

scholarships was significantly increased from 100 per year to 1697. At the same time, additional contract clauses were implemented in order to diminish the threat of “brain drain” [9, p. 34–55]. According to statistics from the Center for International Programs [3, p. 40–45], the vast majority of scholars were specialized in social and economic sciences, while other sectors, especially innovation and technology were not popular among students. Therefore, the administration of “Bolashak” scholarship introduced a list of 13 priority specializations which are in high demand in the economy of Kazakhstan. Another change was made in 2011, when Nazarbayev University – the first world-class university in Kazakhstan was opened. Since that time, only post-graduate students could apply for a “Bolashak» scholarship, while undergraduate students had an opportunity to be taught according to the international standards at Nazarbayev University [2, p. 594–603].

Understanding the importance of the higher educational system in the building of a free market economy, the government of Kazakhstan decided to redesign the concept and structure of higher education by adopting the European system. The process of transition to the western system started in 2004 after the adoption of the State Program on Development of Education in the Republic of Kazakhstan for 2005–2010 [2, p. 594–603]. The main purpose of this shift was the introduction of the three-stage model of higher education which is recognized in the majority of world countries. Joining the Bologna Process in 2010 was an important step on the way to implementing the European model of education. Kazakhstan is the first Central Asian country which entered the European Educational Area [9, p. 34–55]. One of the main reforms under the Bologna Process was the adoption of a credit system of higher education. This reformation entirely changed the content of higher education, in particular, the main focus was shifted from the process

of education to the outcome. This meant providing more academic flexibility and autonomy to the participants of the educational process [12, p. 4–13].

By signing the Bologna Declaration, Kazakhstan pursued the following aims:

- to make educational programs internationally recognized;
- to provide students with a big range of educational programs;
- to approve a consecutive character of programs for all levels of higher education;
- to connect educational programs with the labour market [8, p. 156–171].

However, there were some challenges faced by the government during the adoption of the western concept of higher education. First of all, the implementation of new levels of higher education such as the bachelor's degree, master's degree and post-graduate PhD was accompanied by misunderstanding because of the old degrees inherited from the Soviet system of education. In particular, the participating in academic mobility was restricted by the absence of the international equivalent system. So, the five year Soviet diploma of a specialist in some countries equates with a master degree, while in other countries it is equivalent to a bachelor's degree [8, p. 156–171].

Another barrier was caused by the unpreparedness of teaching staff to change the methods of teaching and assessment in line with the new standards. Generally, this was caused by the sharp changes in the programme curriculum [4, p. 76–87]. As a result, the methods of teaching were often affected by the Soviet standards, which do not meet the requirements of the Bologna Process. The realization of academic mobility was also complicated by the low language preparation of teachers and students. The majority of educators do not speak foreign languages. Moreover, on average, teachers at Kazakhstan's universities are supposed to give about 700 hours of courses annually, which considerably limits their research

activity and as a consequence prevents international mobility [14, p. 1473–1478].

As a result, many universities have adopted only the external attributes of credit-based western universities, while items such as academic mobility and students' choice of optional subjects remain uncovered [6, p. 15–19].

Accreditation

The process of integration in a world educational community requires a new system of quality assurance. It is worth mentioning that before signing the Bologna Declaration, the process of licensing of higher educational institutions was guided by the Ministry of Education and Science. Institutions were attested every five years [11, p. 41–55]. In 2006, the National Centre for Educational Quality Assessment (NCEQA) was established. The purpose of NCEQA is the evaluation of the quality of education at all levels [9, p. 34–55]. The former type of attestation was conducted by the government and required to meet the minimum criteria, therefore educational institutions looked for additional international attestations. However, none of them provide all-inclusive attestation. In contrast, the concept of accreditation was created on the basis of the best western practices and the main focus was made on objective self-evaluation and the internal actions of universities [9, p. 34–55]. Although, the national standard for institutional accreditation was approved, many universities focus on international accreditation and disregard the institutional one. As a result, universities could be accredited internationally, without recognition on a national level [11, p. 41–55]. According to OECD review [9, p. 34–55], the coexistence of several accreditation systems leads to confusion regarding their purposes. Therefore, it would be more effective to decentralize the existing quality standard and to move towards stakeholder oriented quality assurance.

What is more, relying on international experience, the quality assurance should be entrusted to independent agencies and the government should be restricted by managing only these agencies [5, p. 134–146].

Although, the modification of the higher educational system of Kazakhstan is happening according to the Bologna Declaration principles, it seems that the relationships between policy-makers and higher educational institutions are unbalanced. It might be caused by the post-Soviet legacy, which is shown by the imposed character of reformation [10, p. 9–11]. Therefore, as soon as the government provides universities with autonomy, they will be more likely to adopt the European vision of higher education. However, what is more important for the national policy of Kazakhstan is to “agree on the importance and priority of raising efficiency, it is not necessary to agree on the mechanism for bringing it about” [4, p. 76–87]. In other words, the acceptance of international reforms should be applied by the government considering local peculiarities and priorities.

Bibliography

1. Abazov R., Ibrayeva G. Can Kazakhstan`s Education Reforms Dodge the Global Economic Meltdown? // *Central Asia-Caucasus Analyst*. – 2009. – № 11 (1). – P. 12–14.
2. Bekishev K. Trends in Development of the Educational System in the Republic of Kazakhstan // *Russian Journal of General Chemistry*. – 2013. – № 83 (3). – P. 594–603.
3. Centre for I. P. Report on Presidential Bolashak Scholarships Awarded in 2005 // Astana: Centre for International Programs. – 2006.
4. Heyneman S. P. A Comment on the Changes in Higher Education in the Post-Soviet Union // *European Education*. – 2010. – № 42 (1). – P. 76–87.
5. Heyneman S. P., De Young A. J. *The Challenges of Education in Central Asia*. Firsted. – Greenwich : Information Age Publishing, 2004.
6. Kasenova B., Boretzky A. Management of the Higher Education System of Kazakhstan : Current Status and Effectiveness of the Reform // *World Applied Sciences Journal*. – 2013. – № 26 (1). – P. 15–19.
7. Mambetkazyev A. The modern vision of higher education in the Republic of Kazakhstan // *The Kazakh-American Free University Academic Journal*. – 2011. – Vol. 3. – P. 6–9.
8. Monowar M., Baimukhamedova A. International briefing 29 : training and development in Kazakhstan // *International Journal of Training and Development*. – 2013. – № 17 (2). – P. 156–171.
9. OECD. *Reviews of National Policies for Education : Higher Education in Kazakhstan*. S. I. – OECD, 2007.
10. Ohanyan A. Westernization in the Post-Soviet World : Risks and Benefits // *International Higher Education : The Boston College Center for International Higher Education*. – 2011. – Vol. 63. – P. 9–11.
11. Pak N. Integration of the Republic of Kazakhstan into Global Educational Scenario : from Reforms in Education to Quality Assurance Enhancement and World Ranking // *The Global Management Journal*. – 2010. – № 2 (2). – P. 41–55.
12. Tassimova A. Reforms of the Education System of Kazakhstan within the limits of the International Program sand Projects : Problem sand Prospects // *Journal of International Scientific Publications : Educational Alternatives*. – 2011. – № 9 (1). – P. 4–13.
13. Tolyzbek A. Public Policies in the Higher Education in Kazakhstan. History and Society in Central and Inner Asia // *Toronto Studies in Central and Inner Asia (University of Toronto)*. – Toronto, 2007. – P. 277–291.
14. Yergebekov M., Temirbekova Z. The Bologna process and problems in higher education system of Kazakhstan // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 47. – P. 1473–1478.

© *Mussabayeva B. Kh., Mussabayeva M. O., 2015*

УДК 02:303.436.2:069

**ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ И АРХИВОВ**

С. А. Шемаев

*Аспирант,
Харьковская государственная
академия культуры,
г. Харьков, Украина*

**TRENDS OF CONVERGENCE EDUCATIONAL TRAINING PROGRAMS
FOR LIBRARIES, MUSEUMS AND ARCHIVES**

S. A. Shemaev

*Postgraduate student,
Kharkiv State Academy of Culture,
Kharkiv, Ukraine*

Summary. This article describes international experience about LAM (Library, Archive, and Museum) education. The convergence of educational programs as a factor in strengthening interaction between libraries, archives and museums in the modern system is substantiated. The main trends of convergence of educational programs are: formation of information and communication skills; orientation to interdisciplinary approaches; training of librarians and archivists on a single cognitive and organizational platform; training of specialists of library, archival and museum work as an integral system. The problems and preferences related to updating training courses are determined. Entrepreneurship as perspective direction of LAM education convergence is proposed.

Keywords: cooperation of LAM; education; convergence; collaboration; interaction.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий меняет условия взаимодействия библиотек, музеев, архивов. В современной системе социальных коммуникаций происходит усиление процессов интеграции информационно-ресурсной составляющей библиотек, музеев, архивов на всех уровнях их функционирования: международном, национальном, региональном; трансформируется и дополняется набор их функций; происходит сближение и взаимопроникновение методов и форм работы. Об этом свидетельствует активизация процессов кооперации по формированию общего электронного ресурса, направленного на обеспечение доступности культурного наследия, хранящегося в библиотечных, музейных и архивных фондах. Реализация их совместных проектов

получила значительное развитие в разных странах мира.

Несмотря на это, на сегодняшний день явно не хватает координации и понимания выгоды от сотрудничества, партнерства, кооперации трех социокоммуникационных структур. Важнейшим фактором усиления взаимодействия библиотек, музеев и архивов является модернизация образования, направленная на формирование соответствующей профессиональной компетентности специалистов библиотечно-музейно-архивной сферы на основе взаимосвязанности образовательных программ.

В последнее время активизируются вопросы содержания и форм взаимосвязанного образования на конференциях разных уровней и в специальных изданиях [4; 5; 10]. Одни авторы предлагают разрабатывать модельные

образовательные программы, посвященные теме долговременного сохранения цифрового наследия, их апробировать и распространять [3; 8]. Другие акцентируют внимание на существующем опыте подготовки кадров для библиотек, музеев и архивов [6]. Третьи обосновывают целесообразность междисциплинарного подхода к процессу обучения [1; 9]. Возникает необходимость обобщения взглядов и опыта обновления образовательного процесса в университетах, которые осуществляют подготовку библиотекарей, музейщиков и архивистов.

Целью статьи является освещение основных тенденций сближения подготовки кадров для библиотек, музеев и архивов в современных условиях.

Усиление сотрудничества между библиотечными, музейными и архивными учреждениями зависит от осуществления соответствующих изменений в образовании. Зарубежные авторы отмечают, что общим препятствием для эффективного сотрудничества библиотек, музеев и архивов является существенная разница в учебном процессе [5; 8]. Библиотечное образование направлено в последнее время на развитие информационно-коммуникативных навыков. Ключевым элементом библиотечных учебных программ во многих странах стал информационный менеджмент, все больше внимания уделяется изучению современных технологий [1; 4; 8].

Следует также отметить, что в последние годы содержание библиотечных образовательных программ ориентируется на междисциплинарные подходы с целью подготовки кадров, способных решать сложные задачи взаимодействия и интеграции, продуктивно работать не только в библиотеках, но и в других социокоммуникационных структурах. На этом акцентирует внимание украинская исследовательница А. А. Соляник [1].

В частности, она отмечает, что интегрированные учебные модули способствуют осмыслению библиотек, музеев и архивов как единой институциональной системы, формирующей, сохраняющей и распространяющей культурное наследие в обществе.

В отличие от библиотечной, подготовка специалистов для архивов и музеев в большинстве стран основывается на углубленном изучении истории без учета современного информационно-коммуникационного аспекта [8], что подчеркивает их различия. В связи с этим большинство учебных заведений Европы и Северной Америки признают необходимость давать студентам знания и навыки, облегчающие эффективную совместную работу.

Распространенным явлением становится обучение библиотекарей и архивистов на единой когнитивной и организационной платформе. Многие университеты формируют общее ядро дисциплин для подготовки кадров для библиотек и архивов [3–5; 8]. Например, в Университете права и прикладных искусств (Мюнхен) на факультете библиотековедения и архивоведения применяется мультидисциплинарный подход, направленный на формирование понимания важности и целесообразности сотрудничества между библиотеками и архивами в условиях развития электронных коммуникаций.

Особую актуальность приобретают проблемы объединения программ подготовки специалистов для библиотек, музеев и архивов в едином образовательном поле. Так, представитель Хорватии на 71-й сессии ИФЛА (2005) отметил, что конвергенция библиотек, архивов и музеев в электронном веке должна получить отражение и в сфере профессионального образования, поскольку профессионалы нуждаются в определенном круге общих знаний и навыков [5].

В настоящее время такой опыт сближения образовательных программ имеется в некоторых университетах. Например, на факультете информатики Загребского университета Хорватии с середины 80-х годов XX века организована подготовка специалистов библиотечного, архивного и музейного дела на уровне бакалавриата как целостная система. Первые четыре семестра все студенты изучают одинаковые курсы и только потом выбирают специализацию в одной из трех сфер. Кроме этого, студенты проходят производственную практику последовательно в библиотеках, музеях и архивах. Такой подход способствует ознакомлению с деятельностью разных учреждений, их общими функциями и задачами.

Новые аспекты в подготовке кадров предлагают программы LAMP (Library, Archive, Museum Practice) [6]. Данные программы синтезируют информацию из разных дисциплин и направлены на решение следующих стратегических целей:

- усиление привлекательности бакалавриата и последипломного образования;

- формирование интеллектуальной и аналитической основы мышления для специализированных навыков в библиотечном и архивном деле, делопроизводстве, общественной истории и музееведении;

- содействие успешной деятельности кадров на протяжении всей жизни в постоянно меняющемся мире.

Заслуживает внимания то, что программы LAMP ориентированы на деятельность библиотек, музеев и архивов в цифровом пространстве. Они предлагают многочисленные возможности взаимодействия с профессиональными организациями культуры, участия в общественных, межрегиональных, международных программах и разработках. В то же время зарубежными авторами отмечаются проблемы в оформлении

связей между учебными программами. Среди них:

- формирование компетенций технологического, культурологического и социально-коммуникационного характера;

- гармоничность номенклатуры обучающих программ к будущей специфике библиотек, музеев, архивов;

- необходимость сохранения традиционных профессиональных навыков и развития новых умений в контексте постоянных перемен.

Особый интерес представляет анализ отношения выпускников библиотечных, музейных и архивных последипломных программ к изменениям в образовании, который был проведен исследователями Колледжа коммуникации и информации Государственного университета штата Флориды [4]. В процессе исследования были выявлены университеты, аккредитованные Американской библиотечной ассоциацией (ALA), которые имеют архивные и музейные программы. Из 25 университетов США, в которых осуществляется библиотечное образование, 13 имеют музейную подготовку и 17 – архивную. Также было установлено, что в 14 учреждениях студенты библиотечной сферы принимают участие в архивных программах, что свидетельствует об их связанности, в то время как исследования в сфере музееведения проводятся отдельно. Кроме этого, важным является установление американскими авторами того факта, что большинство реципиентов отметило роль сотрудничества во время учебы как уникальную возможность для обмена результатами исследований и установления более тесных связей между представителями разных социальных институтов.

Сравнение подготовки кадров для библиотек и музеев в ведущих украинских университетах культуры свидетельствует

об их значительной разнице. В программах библиотечных специальностей отсутствуют учебные курсы по музейному делу, а в структуре дисциплин, которые изучают будущие работники музейной сферы, нет дисциплин библиотековедческого профиля. Исключением является Харьковская государственная академия культуры, в которой студенты библиотечных и музейной специальностей изучают такие общие курсы, как «Экспертиза памятков культуры», «История книги». Это можно рассматривать в качестве основания для дальнейшего сближения библиотечного, музейного и архивного образовательного процесса в рамках высшего учебного заведения.

Среди перспективных направлений взаимосвязанности библиотечного, музейного и архивного образования можно выделить конструирование программ, включающих обучение студентов предпринимательству. Ведущие ученые в сфере социальных коммуникаций рассматривают предпринимательство как часть стратегической концепции социальной деятельности, процесс создания новых возможностей жизнедеятельности, обобщенный метод, а также как возможность слияния повседневной практики и предпринимательства, что обеспечит гармоничное взаимопроникновение и развитие имеющихся культур деятельности, носителями которой являются субъекты совместной деятельности [2]. Как утверждают авторы, основные области преподавания и обучения социально-культурного предпринимательства позволяют реализовать модель сотрудничества, ментально-когнитивное сближение различных социальных институтов, что обеспечит общее понимание целей, содержания и форм организации совместной деятельности. Определяющим моментом в данном направлении модернизации образования следует рассматривать положение о том, что предпринимательство от-

вечает состоянию взаимосвязанности и взаимодействия библиотек, музеев и архивов как институтов культурного наследия.

Несомненно, к преимуществам связанности подготовки кадров для библиотек, музеев и архивов следует отнести:

- формирование знаний и навыков в различных дисциплинах;
- содействие решению сложных проблем на основе совместных усилий;
- углубление понимания цели, содержания, направленности форм взаимодействия между тремя институтами в условиях динамического развития электронных коммуникаций;
- выделение скрытых отношений и закономерностей;
- определение экономической эффективности потенциального сотрудничества между тремя типами социально-коммуникационных пространств;
- изучение библиотек, музеев и архивов как целостной сложной динамичной системы.

Последнее связано с тем, что системообразующим основанием является взаимодействие, которое характеризуется разнообразием связей, каналов, отношений, средств их выражения, интересами и потребностями членов общества и вызывает, с одной стороны, внедрение взаимосвязанной подготовки кадров, а с другой – требует отражения на всех уровнях образования: в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре.

Таким образом, конвергенция подготовки кадров для библиотек, музеев и архивов обозначена на современном этапе как перспектива профессиональной образовательной среды и важнейший фактор усиления взаимодействия.

Библиографический список

1. Соляник А. А. Культуроцентрическая модель модернизации высшего библиотечно-информационного образования // Вісник ХДАК. – 2013. – Вип. 40. – С. 31–41.

2. Эльбешаузен Х. Прикладные аспекты использования теорий деятельности и коммуникаций в сфере образования // Соціальні комунікації : результати досліджень 2014. – К. : КНУКІМ, 2015. – С. 7–59.
 3. Ambacher J. E. Masterarbeit im Rahmen des postgradualen Fernstudiums Master of Arts (Library and Information Science). – Hamburg, 2010. – 77 p.
 4. Coleman L.-E. LAM at Universities : Convergence in Graduate Education // ASIST. – 2014. – November 1–4.
 5. Faletar S. Can archivists, librarians, museologists and IT specialists join hands to do a better job? URL: http://www.ifla.org/IV/ifla71/papers/o88e-Faletar_Bosancic.pdf.
 6. Library, Archive and Museum Practices (LAMP) : A New Interdisciplinary Major at Western Washington University. URL: www.ischool.pitt.edu/lis/courses.
 7. Medaile A. Co-Teaching Relationships among Librarians and Other Information Professionals // Collaborative Librarianship. – 2013. – № 4. – P. 132–148.
 8. Novia J. Library, Archival and Museum (LAM) Collaboration : Driving Forces and Recent Trends // The J. of the New Members Round Table. – 2012. – Vol. 3. – № 1. – P. 1–10.
 9. Reinitzer S. Vernetzungsinitiative Media. Alp fur Bibliotheken, Archive und Museen (BAM) // Bibliothek. – 2005. – № 3. – S. 344–353.
 10. Trant J. Emerging Convergence? Thoughts on Museums, Archives, Libraries and Professional Training // Museum and Management and Curatorship. – 2009. – № 24. – P. 369–386.
- Bibliograficheskiy spisok**
1. Solyanik A. A. Kulturotsentricheskaya model modernizatsii vysshego bibliotechno-informatsionnogo obrazovaniya // Visnik HDAK. – 2013. – Vip. 40. – S. 31–41.
 2. Elbeshauzen H. Prikladnyie aspektyi ispolzovaniya teoriy deyatelnosti i kommunikatsiy v sfere obrazovaniya // Sotsialni komunikatsiyi : rezultati doslidzhen 2014. – K. : KNUKIM, 2015. – S. 7–59.
 3. Ambacher J. E. Masterarbeit im Rahmen des postgradualen Fernstudiums Master of Arts (Library and Information Science). – Hamburg, 2010. – 77 r.
 4. Coleman L.-E. LAM at Universities : Convergence in Graduate Education // ASIST. – 2014. – November 1–4.
 5. Faletar S. Can archivists, librarians, museologists and IT specialists join hands to do a better job? URL: http://www.ifla.org/IV/ifla71/papers/o88e-Faletar_Bosancic.pdf.
 6. Library, Archive and Museum Practices (LAMP) : A New Interdisciplinary Major at Western Washington University. URL: www.ischool.pitt.edu/lis/courses.
 7. Medaile A. Co-Teaching Relationships among Librarians and Other Information Professionals // Collaborative Librarianship. – 2013. – № 4. – P. 132–148.
 8. Novia J. Library, Archival and Museum (LAM) Collaboration : Driving Forces and Recent Trends // The J. of the New Members Round Table. – 2012. – Vol. 3. – № 1. – P. 1–10.
 9. Reinitzer S. Vernetzungsinitiative Media. Alp fur Bibliotheken, Archive und Museen (BAM) // Bibliothek. – 2005. – № 3. – S. 344–353.
 10. Trant J. Emerging Convergence? Thoughts on Museums, Archives, Libraries and Professional Training // Museum and Management and Curatorship. – 2009. – № 24. – P. 369–386.

© Шемаев С. А., 2015

**ПРОБЛЕМНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ
КАК ОДИН ИЗ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

И. Н. Табуева

*Аспирант,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия*

**PROBLEM-SOLVING TEACHING AS ONE OF THE ACTIVE METHODS
OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING
IN NOT LANGUAGE HIGH INSTITUTION**

I. N. Tabueva

*Postgraduate student,
Povolzhskiy State University
of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia*

Summary. The article raises the question of application of the problem-solving method of teaching a foreign language. The definition and description of the problem-solving method of teaching of students in not language high Institution is given, author formed goals and objectives of this method. We described conditions of success of a problem-solving method. The main stages of this kind of work with students are described and shown all the types of problem tasks: communicative-problem tasks, spiritual and cognitive tasks, linguistics tasks. The role of the tutor during the using of the problem-solving method in the process of learning of a foreign language is defined. The problem-solving method of teaching is considered as an effective way of training students of a foreign language in not language high Institution.

Keywords: problem-solving teaching method; problem tasks; communicative competence; educational process; critical thinking; independent work; problem character.

Развитие иноязычных коммуникативных навыков у студентов неязыковых специальностей – одна из первостепенных и приоритетных задач, стоящих перед вузом. Процесс обучения иностранному языку должен ориентироваться на формирование и совершенствование коммуникативных компетенций, активизацию мыслительных процессов у студентов, что в будущем будет способствовать их эффективной работе по специальности.

Умения и навыки устного и письменного общения на иностранном языке, логично и аргументированно выстроенные диалогические и монологические высказывания, знание грам-

матических форм и владение профессионально-ориентированной лексикой определяют уровень сформированности языковых компетенций у студентов неязыковых специальностей.

Проблемный метод обучения – один из активных методов обучения иностранному языку в вузе, основу которого составляет дидактический принцип, а именно проблемная ситуация: создание проблемной ситуации, постановка проблемных вопросов, заданий и задач, направленных на самостоятельную поисковую деятельность студентов. Проблемное обучение – это совокупность методов обучения, целью которых является активизация познавательного

интереса обучающихся и, как следствие, активизация познавательной деятельности [2].

В процессе решения учебных проблемных ситуаций или заданий студентам предлагается самостоятельно в группе или индивидуально найти ответы, исходя из своих интеллектуальных возможностей, используя свой творческий потенциал и жизненный опыт. Учебные проблемные ситуации преимущественно максимально приближены к жизненным реалиям, что способствует развитию и совершенствованию исследовательских навыков и умений у студентов неязыковых специальностей. Это поможет будущим специалистам самостоятельно находить пути решения проблем в своей профессиональной сфере. Еще одним преимуществом данного метода обучения иностранному языку является то, что преподаватель может применять его на разных ступенях образовательного процесса, согласуясь с уровнем сформированности знаний и навыков студентов.

Проблемный метод обучения причислен к нетрадиционным формам обучения иностранному языку в неязыковом вузе. К его преимуществам относятся:

1) актуализация самостоятельной работы студентов: поиск и вычленение необходимой информации из различных источников, в том числе из сети Интернет;

2) побуждение студентов к сопоставлению, анализу, апробации и систематизации полученной информации и знаний, умений и навыков;

3) активизация познавательной деятельности студентов в рамках дисциплины «Иностранный язык»;

4) развитие творческого потенциала, критического мышления и духовной культуры студентов;

5) самостоятельный поиск и разработка способов и путей решения профессионально значимых проблем;

6) формирование и развитие коммуникативной компетенции, навыков речевого поведения, владение вербальным и невербальным общением;

7) способность работы в коллективе, умение отстаивать свою точку зрения и выслушать противоположную.

Процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе следует строить поэтапно, учитывая уровень сформированности знаний, умений и навыков владения иностранным языком студентами. Этому же принципу стоит придерживаться в процессе применения проблемного метода обучения. Данный метод включает реализацию трех этапов.

1 этап. Формулировка проблемной ситуации. Проблемная ситуация может быть искусственно определена преподавателем или спонтанно создана студентами во время аудиторной или внеаудиторной самостоятельной работы. В процессе обучения иностранному языку могут возникнуть противоречия, которые преподаватель предлагает самостоятельно разрешить студентам.

2 этап. Определив задачу, студенты приступают к ее осмыслению и решению, что включает в себя поиск информации по заданной ситуации и самоконтроль ее решения. В процессе поиска выхода из проблемной ситуации студенты пошагово выполняют действия, направленные на получение положительного результата своей работы: анализируют проблемную ситуацию, обобщают, сопоставляют и систематизируют полученную информацию и факты. Студенты, дифференцированно или индивидуально, излагают свою точку зрения и обсуждают найденные пути решения одной и той же обозначенной проблемы.

3 этап. Умозаключение, результат деятельности студентов. На данном этапе происходит непосредственное решение задач и даются ответы студентов на предложенную проблемную

ситуацию. Помимо этого, обязательным элементом является высказывание обучающимися своего мнения о подготовке и выполнении данного вида работы. Преподаватель и студенты дают оценку проделанной работе каждого участника, его роли в поиске путей и выбора решения. Студентам необходимо дать возможность высказаться, чтобы преподаватель знал о плюсах работы или о том, с какими трудностями столкнулись студенты (грамматическими, фонетическими, трудностями с поиском информации, психологическими и т. д.).

Для определения видов проблемных заданий в своей работе мы основываемся на классификации Е. В. Ковалевской, которая выделяет три основных вида проблемных заданий: коммуникативно-проблемные задания, духовно-познавательные проблемные задания и лингвистические проблемные задания [3; 4]. Объединяющим элементом проблемных заданий является то, что их следует начинать со слов «докажи», «аргументируй», «сформулируй», «исследуй», «объясни», «определи», «обоснуй», что предполагает групповой или индивидуальный поиск решений поставленной задачи.

1. *Коммуникативно-проблемные задания* предполагают использование известных языковых средств для выявления неизвестных способов формулирования мысли. Для данных заданий характерна преграда на пути к цели [1, с. 99].

2. *Духовно-познавательные проблемные задания.* Данный вид заданий направлен на раскрытие и формирование у студентов ценностей, способствующих развитию культуры мышления и культуры общения на иностранном языке, через призму материалов и текстов воспитательного характера. Задача преподавателя – подготовить материал или тексты, содержащие проблемы-ценности (духовные и познавательные). Работая с предложенным материалом, студенты учатся сравнивать, анализи-

ровать и обобщать полученную информацию, что способствует формированию духовной культуры мышления.

3. *Лингвистические проблемные задания.* Задания, основанные на языковом материале и содержащие следующие элементы: требование, условие и предмет. Под языковым материалом мы подразумеваем стилистику и семантику изучаемого языка, а именно грамматические формы, языковой стиль, употребление профессионально-ориентированной лексики, состав слова, словообразование и т. д.

Учебные проблемные задания для студентов неязыковых вузов следует выбирать в соответствии с уровнем сформированности их знаний, умений и навыков, а материал должен отвечать тематике, которую студенты осваивают на данном этапе обучения. Тема, выбранная для учебных проблемных заданий, должна быть актуальна и интересна для учащихся, это поможет преподавателю мотивировать их к такому роду заданий.

Особое внимание следует обратить на задачи и роль преподавателя в процессе использования данного метода. Задача, стоящая перед преподавателем, заключается в организации учебного процесса, передаче накопленных знаний и умений студентам, привитии им навыков самостоятельной работы, создании мотивационной базы для изучения иностранного языка. В связи с тем, что иностранный язык является непрофилирующим предметом, учащийся не всегда охотно вовлекается в процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Преподавателю необходимо побуждать студентов к активной познавательной деятельности, мотивировать их к изучению иностранного языка.

В ходе данного вида работы преподаватель выступает в роли помощника и консультанта, помогает студентам найти оптимальное решение учебного проблемного задания. Для этого преподавателю важно грамотно организовать

работу студентов, указать на список необходимой литературы и рассказать об этапах подготовки. Применение проблемного метода обучения должно быть уместно в процессе изучения студентами иностранного языка. Преподаватель заранее планирует, на каком этапе обучения иностранному языку он будет вводить проблемные задания.

Важно, чтобы каждый студент, вне зависимости от того, индивидуальная это работа или дифференцированная, был вовлечен в решение проблемного задания и мог реализовать свои познавательно-коммуникативные потребности, повысить уровень владения иностранным языком. Включая разные виды проблемных заданий, используя в том числе воспитательные возможности данного метода, преподаватель помогает студентам совершенствовать языковой потенциал, как в групповой форме взаимодействия, так и в личностной.

Особое внимание во время подготовки к реализации проблемного метода обучения преподавателю следует обратить на систематизацию и классификацию текстов, материалов, упражнений и вопросов.

Формирование навыков и умений работы с проблемными заданиями и применение проблемного метода обучения – важный компонент процесса преподавания иностранного языка. Проблемное обучение на занятиях по иностранному языку позволяет эффективно задействовать все виды речевой деятельности, помогает развитию иноязычной коммуникативной компетенции [4, с. 23]. Как показывает практика, проблемный метод обучения способствует созданию положительной атмосферы, что приводит к снятию языковых

барьеров у студентов неязыковых вузов, и они охотнее вовлекаются в процесс обучения иностранному языку.

Библиографический список

1. Белякова Е. А. Проблемные задания как прием обучения иностранному языку студентов вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – Т. 55. – Вып. 1. – С. 97–100.
2. Горбатова Т. Н. Использование методов проблемного обучения иностранному языку в рамках языковой подготовки в неязыковом вузе // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 1040–1042.
3. Ковалевская Е. В. Проблемность в преподавании иностранных языков: современное состояние и перспективы // Экспериментальная учебная авторская программа. – М., 2010. – С. 4.
4. Розанова Я. В. Использование метода проблемного обучения на занятиях по иностранному языку в вузах технического профиля // Педагогический журнал. – 2012. – Т. 6. – Вып. 5. – С. 18–30.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belyakova E. A. Problemnyie zadaniya kak priem obucheniya inostrannomu yazyku studentov vuza // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2011. – T. 55. – Vyip. 1. – S. 97–100.
2. Gorbatova T. N. Ispolzovanie metodov problemnogo obucheniya inostrannomu yazyku v ramkah yazykovoy podgotovki v neyazykovom vuze // Molodoy ucheniy. – 2015. – № 9. – S. 1040–1042.
3. Kovalevskaya E. V. Problemnost v prepodavanii inostrannyih yazykov : sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Eksperimentalnaya uchebnaya avtorskaya programma. – M., 2010. – S. 4.
4. Rozanova Ya. V. Ispolzovanie metoda problemnogo obucheniya na zanyatiyah po inostrannomu yazyku v vuzah tehničeskogo profilya // Pedagogicheskiy zhurnal. – 2012. – T. 6. – Vyip. 5. – S. 18–30.

© Табуева И. Н., 2015

УДК 37.018.71

**«ЛИШЕННЫЕ ДЕТСТВА»: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ****Л. Э. Панкратова***Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия***«DEPRIVED CHILDHOOD»: NEW TRENDS IN EDUCATIONAL PRACTICE****L. E. Pankratova***Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Russian State Professional-Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia*

Summary. The article discusses the new trends in the education of the child in the family. The author shows the dynamics of changes in ideas about childhood as a social and cultural phenomenon. Is of particular scientific and practical interest – what has changed today, in the twenty-first century attitude to the child, the child and parenting. Analyzes the phenomenon of “organization” of childhood. Discusses some installation and stereotypes about the child’s upbringing in the family, typical for modern parents. The author analyzes the implications of new educational practices and the phenomenon of “crisis” of childhood in contemporary culture.

Keywords: childhood; children subculture; child; educational practices; education in the family.

Феномен детства в современной науке становится одним из популярных предметов исследования. В многочисленных антропологических, исторических, психолого-педагогических изысканиях по этой теме было обнаружено, что отношение к детству и ребенку исторически менялось и было обусловлено различными социокультурными, экономическими и другими факторами. Если на ранних этапах развития человеческого общества отношение к ребенку варьировалось от инфантицидного (Л. Демоз), предполагающего возможность уничтожения детей, как слабых, неприспособленных существ, до игнорирования их, непризнания в ребенке самостоятельных и самоценных существ, то начиная с эпохи Просвещения происходит своеобразное «прозрение»: общество «увидело» ребенка, признало

его, но как объект социализации и воспитания.

Наиболее характерным подходом в отношении воспитания детей явился подход Дж. Локка, согласно которому душа ребенка – это чистая доска, что «напишет» на ней воспитатель, таков и будет ребенок. В дальнейшем отношение к нему существенно меняется, происходит трансформация представлений о детстве. Это отражается и в теоретических подходах и определениях к периоду детства. Современную позицию можно озвучить определением И. С. Кона: «мир детства <...> это автономная социокультурная реальность, своеобразная субкультура, обладающая своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [1, с. 422]. Меняется, как пишет С. Н. Щеглова, и социальный статус ребенка: от непризнания детей

членами общества, считающимися зависимыми, подчиненными людьми с отсроченными правами (они лишь будущие члены общества), до признания того, что дети – равноправные члены общества [4, с. 24]. Трансформируется и педагогическая парадигма: ребенок является субъектом воспитания, а не только объектом, считали представители гуманистической педагогики и психологии В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталов и другие. Пропагандируется «помогающий» стиль отношения к детям, партнерство во взаимодействии с ними.

Но реальная практика воспитания в семье часто не успевает за всеми этими динамическими изменениями. Большинство родителей при воспитании своих детей опираются на собственный опыт, собственные представления о целях и задачах воспитания. Зачастую они не имеют педагогического образования, и идеи Конвенции ООН о правах ребенка, современные психолого-педагогические концепции им не знакомы. Закономерно, что реальная практика воспитания в семье «запаздывает» по сравнению с современными научными исследованиями.

Общей тенденцией в отношении современной семьи является то, что она является «детоцентристской». В семье, как правило, один ребенок, и все усилия родителей сосредоточены на нем. Ребенок является целью и смыслом жизни родителей. Они преисполнены желанием дать ребенку «все лучшее». Но, что это «лучшее», каждый понимает по-своему. Частично такая же проблема обозначена в Конвенции ООН о правах ребенка. В ней провозглашается принцип «наилучших интересов ребенка». Кто и как их определяет – четкой методики не существует. Это позволяет говорить об определенном «ювенальном терроре» в действиях, например, норвежской службы органов опеки и попечительства «Барне-

варн», изымающих детей из неблагополучных, с их точки зрения, семей для передачи в более благополучные и обеспеченные семьи. Таким образом, положительные тенденции в изменении социального статуса ребенка в современном обществе дополняются негативными проявлениями в реализации этого статуса на практике. В семейном воспитании гипертрофированное чувство родительского долга привело к гиперопеке в отношении с детьми, навязыванию им своего мнения, лишению их самостоятельности.

Современные российские родители находятся в плену педагогических иллюзий Дж. Локка. Они убеждены, что чем больше вложишь в ребенка, тем более развитым интеллектуально, физически и духовно он будет. Воспитательную практику переполняют идеи «раннего развития». Открываются соответствующие школы раннего развития, куда принимаются дети буквально с одиннадцати месяцев (ведь потом будет уже поздно!). Зачастую обеспеченные неработающие мамы весь свой день распределяют так, чтобы возить ребенка по различным кружкам, секциям, школам. Популярно обучение иностранным языкам начиная с двухлетнего возраста. Врач-невролог Е. Меланченко пишет, что большие интеллектуальные нагрузки у современных детей приводят к неврологическим нарушениям, так как организм ребенка не готов к ним. «Дело в том, что мозг ребенка созревает постепенно. Сначала созревают нервные центры, отвечающие за дыхание и пищеварение, потом – за движение и только потом – за эмоциональный контроль, волю и чтение. Если принудительно нарушить эту последовательность, если начать развивать центры чтения до того, как созреют предыдущие, становление ребенка может отклониться от нормы. Чрезмерное интеллектуальное напряжение вызывает приток крови к коре головного мозга.

При этом обедняется кровоснабжение центров, отвечающих за дыхание, пищеварение, сердцебиение, в результате чего возникают спазмы сосудов – и, соответственно, ребенок получает целый букет заболеваний. Причины спазмов в детском возрасте также связаны и с психологическим напряжением, которое очень и очень часто возникает у тех, кого раньше времени сажают за парты» [2]. Характерной тенденцией «раннего развития» ребенка становится также акцент на преимущественно интеллектуальном развитии. Обедняется эмоциональная сфера ребенка (недаром в современной психологии появилось понятие «эмоциональная тупость»), детям не хватает телесной практики общения с родителями, эмоциональной привязанности. Детство поглощается только учебной деятельностью.

Родители считают, что наличие у ребенка большого количества свободного времени приведет к возникновению девиантного поведения; прогулки во дворе бессмысленны; лучше, когда весь день ребенка четко запланирован на «полезные», с точки зрения родителей, занятия. Детство лишается самооценности, остается подготовкой к будущей жизни, к школе, к ЕГЭ, к вузу. Детская дворовая субкультура, являющаяся мощным механизмом социализации ребенка, исчезает. Возникают ассоциации с описанием детства в Средние века Ф. Арьесом: ребенок не самоценное существо, а «маленький взрослый», лишенный собственных интересов, особенностей, потребностей. Даже детские игры лишаются непосредственности и креативности, в них становится важной лишь дидактическая составляющая. Игры разрабатываются взрослыми людьми, педагогами, поэтому игровая деятельность становится заформализованной и заорганизованной. В целом это можно сказать и о самом современном детстве: оно становится заорганизованным. Дети лишаются детства, понимаемого как

своеобразная субкультура, автономная от взрослой, непосредственная, со своим языком, традициями, играми, функциями, передающимися от поколения к поколению [3].

«Лишенные детства» (в рамках данной статьи) – это дети не из неблагополучных семей, которых, впрочем, тоже можно отнести к такой категории, а дети из благополучных семей, родители которых с благими (с их точки зрения) целями лишают ребенка непосредственной детской жизни, стремясь постоянно контролировать, навязывать зачастую несвойственные ребенку цели и задачи. Незнакомые с понятием «сензитивный период» родители думают, что чем раньше ребенок будет изучать иностранный язык, тем легче он его освоит. Но реальная педагогическая практика опровергает это заблуждение. «Заорганизованность» современного детства приводит к определенным негативным последствиям. Для современных детей характерна повышенная тревожность (из-за нахождения в постоянном цейтноте), повышенный инфантилизм (все всегда решают за него родители), неумение самостоятельно организовывать собственную жизнедеятельность (из-за постоянного организационного контроля родителей), дискомфорт при нахождении в ситуации одиночества, «ничего неделанья» (отсюда уход в виртуальную реальность).

Современные исследователи говорят о кризисе детства и растворении его во взрослой культуре, о феномене «исчезновения» детства. С другой стороны, в противовес этой тенденции появился феномен инфантилизации молодого поколения. Молодые люди стремятся «наверстать» то, чего были зачастую лишены в детстве, продлить его. Регрессией как способом психологической защиты, выражающимся в возврате к детским моделям поведения, возможно, и объясняется появление движения «чайлдфри», поздние браки и уход

в виртуальные игры. Детская субкультура находит свои способы защиты от тотального влияния «взрослой» культуры.

Можно сделать вывод, что, во-первых, воспитательные практики современных родителей, уходящие корнями в XVII век, требуют рефлексии и переосмысления. Во-вторых, воспитательные практики базируются на определенном, часто нерелексируемом видении детства как социокультурного феномена. Как же сегодня, в XXI веке, можно описать, что такое детство? Отношение к детству и ребенку в современной России можно назвать амбивалентным. С одной стороны, декларируется, особенно в нормативно-правовых документах, субъектность ребенка, признаются его права и самоценность. С другой стороны, реальная практика семейного воспитания ставит ребенка в подчиненную интересам и представлениям о должном родителей, видящих целью своей жизни всесторонне развить чадо, не считаясь с его индивидуальностью, возможностями и потребностями. Данная проблема ставит вопрос о низкой психолого-педагогической культуре родителей. В-третьих, все эти тенденции требуют теоретической рефлексии ученых, особенно в отношении проблемы «раннего развития» детей и практических действий, позволяющих в будущем преодолеть существующие негативные проявления нынешних воспитательных практик, «лишающих» ребенка детства.

В целом же современное детство нуждается в реабилитации, восстановлении и осознании тех возможностей, которыми обладает этот период.

Библиографический список

1. Кон И. С. Возрастной символизм и образы детства / Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.
2. Меланченко Е. Дети: Какие последствия у раннего развития. URL: <http://econet.ru/articles/66359-deti-kakie-posledstviya-u-rannego-razvitiya> (дата обращения: 18.06.2015).
3. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 2013.
4. Щеглова С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. – М.: Социум, 2001.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kon I. S. Vozrastnoy simbolizm i obrazy detstva / Sotsiologicheskaya psihologiya. – M.: Moskovskiy psihologo-sotsialnyiy institut; Voronezh : Izdatelstvo NPO «MODEK», 1999.
2. Melanchenko E. Deti: Kakie posledstviya u rannego razvitiya. URL: <http://econet.ru/articles/66359-deti-kakie-posledstviya-u-rannego-razvitiya> (data obrascheniya : 18.06.2015).
3. Osorina M. V. Sekretnyiy mir detey v prostranstve mira vzroslyih. – SPb. : Piter, 2013.
4. Scheglova S. N. Sotsiologiya prav detey v Rossii : novyy vek, novyye problemyi, novyye perspektivy. – M. : Sotsium, 2001.

© Панкратова Л. Э., 2015

УДК 37.014.3

ФАКТОР ОЦЕНКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС**А. А. Стерхов***Аспирант,
Шадринский государственный
педагогический институт,
г. Шадринск, Россия***FACTOR OF ESTIMATION STUDENT
IN THE CONDITIONS OF INTRODUCTION FSES****A. A. Sterkhov***Postgraduate student,
Shadrinsk State Pedagogical Institute,
Shadrinsk, Russia*

Summary. The article investigates the problem of objective evaluation of the educational activities of students of modern Russian school in the conditions of implementation of the federal state educational standards of the second generation. The hypothesis of the insolvency of the old system of assessment, regardless of the number of points received in the school system of the country. Justified from a scientific point of view, the need for a radical revision of approaches to the evaluation of the students are invited to a number of innovative criteria that promote a comprehensive analysis of the activities on the basis of individual approach to the personality of each individual student. The aim of the study is to find the optimum balance between maximum stimulating teaching, research and creative work of students and preventing unjustified encourage groups of students working in the reproductive mode, only playback the content of the textbook.

Keywords: FSES second generation; evaluation system; evaluation criteria; professional competence; system-activity approach.

Переход российской общеобразовательной школы на Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) второго поколения порождает ряд естественных проблем, быстрое преодоление которых необходимо для органичного завершения процесса модернизации школы. Одной из важнейших в данном аспекте становится проблема объективной оценки деятельности обучающегося. Прежняя система оценивания в рамках 5-балльной, 12-балльной шкалы и др. безнадежно устарела, так как оценивает, по сути, не истинный уровень образованности учащегося, а лишь тот небольшой набор фактов (в границах параграфа учебника или даже пункта параграфа), который механически заучен школьником в данный конкретный момент обучения. Гигантский объём информации, которым перенасыщен современный мир, выучить невозможно даже в рамках одного отдельно взятого учеб-

ного предмета. Поставим проблемный вопрос: а требуется ли его учить вообще? Следует ли допускать перегрузку памяти информацией, которую по окончании урока предстоит благополучно забыть, чтобы наполнить свой мозг новыми порциями временно помещённой туда информации?

ФГОС предполагает системно-деятельностный подход [3, с. 3], что радикально меняет расстановку акцентов при оценке деятельности ученика. Ребёнок не должен учить знания, он должен уметь их находить и создавать, научиться мыслить продуктивно и логически, отвыкнуть от стереотипа механического заучивания до последней буквы. Сам подход к оцениванию, существовавший до внедрения ФГОС, неверен в корне. Оценка не средство поощрения или наказания, как её воспринимают сейчас, а способ прежде всего проверить самого себя, оценить свой уровень профессиональной

компетентности, поскольку учащийся – это также своего рода профессия. Отрицательная оценка не может быть поводом для депрессии, самоуничижения или внешнего унижения достоинства учащегося. Она лишь повод для размышления над верностью избранного поискового метода, для коррекции своих знаний и универсальных учебных действий.

Отсюда возникает новая проблемная ситуация: можно ли выставлять ученику оценку за определённый учебный период (четверть, семестр, год), исходя из суммы среднего арифметического? Например, при наличии в классном журнале комбинации отметок 3434334555555555 ставить итоговую оценку «4»? С точки зрения математической логики, оценка «4» в данном конкретном случае есть неоспоримая истина, и иной быть не может. Но с точки зрения логики учебного процесса мы видим явную динамику роста компетентности обучающегося ко второй половине условного периода. Таким образом, несмотря на фактическое наличие оценок «4» и «3», мы имеем право выставить за отчётный период «5». И напротив, если мы видим несколько иную (хотя и суммарно равную предыдущей) комбинацию отметок в журнале 55354355334555433, то несмотря на достаточное количество оценок «5», перед нами нет картины роста, учебная ситуация нестабильна, значит подвести итоги работы данного учащегося отметкой «отлично» не представляется возможным.

Но мы рассмотрели лишь одну сторону вопроса. Главный момент заключается в том, что именно оценивать, кроме устных ответов на уроках и выполнения различных письменных проверочных работ (включая внешний мониторинг учебных компетенций вплоть до ОГЭ и ЕГЭ)? ФГОС основного общего образования позиционируется как основа «для разработки системы объективной оценки уровня образования обучающихся» [4, с. 2]. Об «изменении оценки результатов обучения» говорят и практикующие педагоги российской школы [1, с. 175]. В настоящем исследовании

автор поставил себе цель предложить целый комплекс различных видов деятельности учащегося для его максимально объективного оценивания. При этом следует констатировать, что оценка за год, подводящая итоги всей работе учащегося на данной параллели, должна быть продумана особенно тщательно.

К наиболее оптимальным критериям оценивания нам представляется возможным отнести следующие аспекты всесторонней системной деятельности учащегося:

1. Участие в научно-практических конференциях, результаты участия по уровням *участник – лауреат – призёр – победитель*. Стартовой площадкой является здесь научное общество школы (лица, гимназии), затем проект или исследование дорабатывается до городской, региональной и, наконец, до вузовских всероссийских и международных конференций с публикацией доклада учащегося в сборнике тезисов или статей.

2. Активность внеклассной и внеурочной деятельности в рамках работы в школьных творческих коллективах, организации мероприятий, викторин, утренников, общешкольных и классных праздников, «потребность в проведении которых испытывают прежде всего сами ученики, и именно они формируют их список и структуру в соответствии со своими интеллектуальными, творческими и духовно-нравственными потребностями» [2, с. 22].

3. Участие в социально значимых проектах: благотворительных ярмарках, акциях помощи и поддержки ветеранам войны, детям из неблагополучных семей, одиноким старикам, детским домам, служащим на данный момент в армии солдатам.

4. Участие в официальных олимпиадах и конкурсах, рекомендуемых Министерством образования и науки РФ: «Познание и творчество» и другие интеллектуальные проекты Малой академии наук г. Обнинска («Интеллектокспресс», «Креативность. Интеллект. Талант»), Инновационного института

продуктивного обучения Северо-Западного отделения РАО («Золотое руно», «Пегас», «Британский бульдог» и т. д.), в Международной олимпиаде УрФО, проектах ИМЦ «Алые паруса», «Покори Воробьёвы горы» и других.

5. Продуктивная работа над своим профессиональным ростом на дополнительных занятиях и консультациях.

6. Уверенное владение источниками информации: не только учебниками, но и научной, научно-популярной, справочной литературой; изучение монографий по какой-либо предложенной проблеме, актуальных научных статей, интернет-ресурсов.

7. Наличие печатных изданий в сборниках школьных конференций, сборниках материалов вузовских научно-практических конференций, в научных журналах, входящих в Российский индекс научного цитирования.

8. Участие в специализированных проектах внутри школы: школьном радио, редакции школьной газеты, работе Совета старшеклассников или иного подобного органа ученического самоуправления.

Ещё раз подчеркнём, что само участие в вышеуказанных мероприятиях является признаком социальной активности школьника, но отдельным фактором оценки становится результативность участия, нацеленность на успех. Поэтому места победителей и призёров – важнейший плюс к рейтингу ученика по данному конкретному предмету.

И, наконец, не следует забывать, что в современной жизни, став совершеннолетним, полноправным гражданином, учащийся столкнётся с необходимостью вести множество различной документации, поэтому ведение документов, связанных с учебным процессом (дневник, рабочая тетрадь), также должно подвергаться тщательному контролю на предмет аккуратности, точности и достоверности хранимой информации. Обязательность включения в общую систему оценивания такого аспекта, как делопроизводственная сторона учебного процесса, не подвергается нами никакому сомнению.

Таким образом, инновационная система оценки предполагает строгое ранжирование стоимости баллов по целому ряду критериев, например, школьный уровень олимпиады – 1 единица, муниципальный – 2 единицы, региональный – 3 единицы и т. д. Призовое место или место победителя позволят прибавить дополнительное количество условных баллов, которые в итоге по специально разработанной таблице в конце отчётного периода можно свободно перевести в 5-балльную систему и оценить ученика как отличника, ударника, троечника или по более низким показателям. Наличие многосторонней системы оценивания позволит максимально увеличить уровень объективности при оценке всего учебного процесса, осуществляемого учащимся по индивидуальному образовательному маршруту.

Библиографический список

1. Коковина Е. Ю. Управление образовательной организацией в условиях внедрения ФГОС // Вестник ШГПИ. – 2014. – № 4 (24). – С. 174–177.
2. Стерхов А. А. Общее образование на современном этапе // Вестник ШГПИ. – 2014. – № 4 (24). – С. 20–23.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования : утверждён приказом Министерства образования и науки РФ № 373 от 06.10.2009 г.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования : утверждён приказом Министерства образования и науки РФ № 1897 от 17.12.2010 г.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kokovina E. Yu. Upravlenie obrazovatelnoy organizatsiyey v usloviyah vnedreniya FGOS // Vestnik ShGPI. – 2014. – № 4 (24). – S. 174–177.
2. Sterhov A. A. Obschee obrazovanie na sovremennom etape // Vestnik ShGPI. – 2014. – № 4 (24). – S. 20–23.
3. Federalniy gosudarstvenniy obrazovatelniy standart nachalnogo obshego obrazovaniya : utverzhdYon prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF № 373 ot 06.10.2009 g.
4. Federalniy gosudarstvenniy obrazovatelniy standart osnovnogo obshego obrazovaniya : utverzhdYon prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF № 1897 ot 17.12.2010 g.

© Стерхов А. А., 2015

Lékařské vědy

УДК 613.84: 614.258

**ОСОБЕННОСТИ ТАБАКОКУРЕНИЯ
У ВРАЧЕЙ ПСИХИАТРОВ-НАРКОЛОГОВ Г. ПЕНЗЫ**

- Е. В. Волкова** *Кандидат медицинских наук, доцент,
Пензенский институт
усовершенствования врачей Минздрава России,*
- А. К. Амплеев** *ординатор,
Пензенский институт
усовершенствования врачей Минздрава России,*
- Ю. А. Уткин** *главный врач,
Пензенская областная
наркологическая больница,*
- С. В. Адмаева** *заместитель главного врача,
Пензенская областная
наркологическая больница,
г. Пенза, Россия*

**FEATURES TOBACCO SMOKING
IN PSYCHIATRIST-NARCOLOGIST IN PENZA**

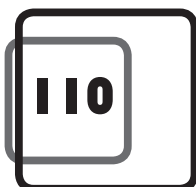
- E. V. Volkova** *Candidate of Medical Sciences,
assistant professor,
Institute of Advanced Medical Penza
Russian Ministry of Health,*
- A. K. Ampleev** *ordinator,
Institute of Advanced Medical
Penza Russian Ministry of Health,*
- Y. A. Utkin** *Chief Physician,
Penza regional Addiction Hospital,*
- S. V. Admaeva** *deputy Chief Physician,
Penza regional Addiction Hospital,
Penza, Russia*

Summary. Russia has revealed high prevalence of smoking among physicians is actually no different from that of the general population. At the same time in most developed countries the level of smoking among physicians in several times lower than in the general population. Comparison of the prevalence of addictive behavior among doctors with different specializations, showed that smoking was more common among psychiatrists and drug treatment than medical therapeutic profile. The results of a screening study to identify gender, clinical characteristics of smoking among men and women doctors, addiction psychiatrists and doctors Penza therapeutic faculty.

Keywords: smoking; gender-specific; clinical doctors; motivation; psychological features.

Распространенность табакокурения имеет форму эпидемии и является глобальной проблемой для человечества, так как

воздействие табачного дыма – это одна из причин смерти, болезней и инвалидности большого числа людей [4; 10; 13; 14; 15; 16].

Начиная с 90-х годов прошлого века в России отмечается рост курения среди мужчин с 45–50 до 60–65 %, среди женщин с 3–5 % до 20–25 %. Сегодня в России курят 44 млн человек, т. е. больше 1/3 населения страны. Среди взрослого населения Российской Федерации 39,1 % (43,9 млн чел.) являются активными курильщиками табака. Среди мужчин распространенность табакокурения составила 60,2 % (30,6 млн чел.), среди женщин – 21,7 % (13,3 млн чел.). Россия относится к странам с очень высокой распространенностью потребления табачных изделий и занимает четвертое место в мире по абсолютному числу курильщиков [3; 4; 11].

В России отмечается высокое распространение табакокурения среди врачей, показатели фактически не отличаются от таковых среди остального населения [1; 2; 6; 7; 8; 9; 12]. Необходимо отметить высокую распространенность курения среди врачей в возрастной группе 25 лет – 64 года: 51,3 % мужчин и 27,3 % женщин. Сравнение показателей распространенности аддиктивного поведения среди врачей, имеющих различную специализацию, показало, что табакокурение чаще встречалось у психиатров и наркологов, чем у врачей терапевтического профиля [5].

Актуальностью данной работы явилось изучение особенностей табачной зависимости у врачей психиатров-наркологов по сравнению с врачами других терапевтических профилей.

Для изучения клинических, гендерных особенностей табакокурения были исследованы психиатры-наркологи Пензенской областной наркологической больницы (21 врач) и 154 врача терапевтического факультета, проходившие обучение в ГБОУ ДПО ПИУВ Минздрава России на циклах тематического усовершенствования и профессиональной переподготовки. Все врачи были включены в исследование методом сплошной выборки. В 1-ю группу

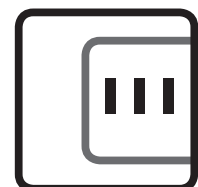
вошли мужчины – 32 человека, из них: 27 врачей терапевтического факультета (1-я подгруппа) и 5 врачей психиатров-наркологов (2-я подгруппа). Во 2-ю группу вошли женщины – 143 человека, из них: 127 врачей терапевтического факультета (1-я подгруппа) и 16 врачей психиатров-наркологов (2-я подгруппа). Средний возраст мужчин составил 44,13 года в 1-й подгруппе и 38,5 года во 2-й подгруппе. Средний возраст женщин составил 36,86 года в 1-й подгруппе и 44 года во 2-й подгруппе.

Для обеспечения стандартизации исследования использовалась анкета анонимного характера, разработанная на кафедре психиатрии-наркологии, психотерапии и сексологии ГБОУ ДПО ПИУВ Минздрава России доцентом Е. В. Волковой.

У мужчин в 1-й подгруппе табачная зависимость была диагностирована у 10 врачей (37,1 %) (F 17.2) по МКБ-10, во 2-й подгруппе – у 2 врачей (40,0 %).

Наследственная отягощенность по табакокурению была выявлена у 3 врачей (11,1 %) 1-й подгруппы и 2 врачей (40,0 %) 2-й подгруппы. Наследственная отягощенность по алкоголизму была только у 1 врача (20 %) 2-й подгруппы, по психопатиям – у 1 врача (3,7 %) 1-й подгруппы и 1 врача (20 %) 2-й подгруппы, по суицидам только во 2-й подгруппе (1 врач – 20 %). Социально-психологические характеристики (стаж работы, отношения на работе, семейное положение, отношения в браке, увлечения) врачей наркологов-психиатров и врачей терапевтического факультета значимых различий не имеют.

Мотивацией для первой пробы курения врачей 1-й подгруппы чаще всего являлись любопытство, пример взрослых и друзей. Во 2-й подгруппе преобладало любопытство. Мужчины – врачи терапевтического профиля – систематически стали курить с 20,65 года, а психиатры-наркологи –

с 18 лет. В 1-й подгруппе меньше 5 сигарет в сутки курили 4 врача (14,8%), от 5 до 10 сигарет – 2 врача (7,4%), от 15 до 30 сигарет – 2 врача (7,4%), «мерцающий вариант» был у 2 врачей (7,4%). Во 2-й подгруппе от 5 до 10 сигарет в сутки курил 1 врач (20%), от 15 до 30 сигарет – 1 врач (20%). Мотивами при систематическом курении в 1-й подгруппе были: коммуникативные – у 5 врачей (18,5%), сниженное настроение – у 3 врачей (11,1%), стресс – у 2 врачей (7,4%). Мотивами при систематическом курении во 2-й подгруппе были: сниженное настроение – у 1 врача (20%), повышенное настроение – у 1 врача (20%), конфликты – у 1 врача (20%). Тягу к курению позже осознали врачи 2-й подгруппы (в среднем в 27,5 года, тогда как в 1-й подгруппе – в 22,93 года).

Психический компонент патологического влечения к табаку (неусидчивость, раздражительность, слабость, тревога, беспокойство) был у 3 врачей 1-й подгруппы (11,1%) и 1 врача 2-й подгруппы (20%). Идеаторный компонент влечения к табаку в виде мыслей, воспоминаний, представлений о курении был выявлен как в 1-й подгруппе (4 врача – 14,8%), так и 2-й подгруппе (1 врач – 20%). Сенсорный вариант патологического влечения к табаку был выявлен только в 1-й подгруппе (2 врача – 7,4%). Первую утреннюю сигарету сразу после пробуждения натошак выкуривали 3 врача (11,1%) 1-й подгруппы и 2 врача (40%) 2-й подгруппы. Через 1–4 часа после пробуждения начинали курить 7 врачей (25,9%) 1-й подгруппы.

В табачном абстинентном синдроме преобладали аффективные нарушения: раздражительность – у 6 врачей (22,2%) 1-й подгруппы и 1 врача (20%) 2-й подгруппы, тревога – у 4 врачей (14,8%) 1-й подгруппы и 1 врача (20%) 2-й подгруппы. Нарушение сна было только во 2-й подгруппе у 1 врача (20%).

У женщин в 1-й подгруппе табачная зависимость была диагностирована у 8 врачей (6,3%) (F 17.2) по МКБ-10, во 2-й подгруппе у 3 врачей (18,75%).

Наследственная отягощенность была выявлена по табакокурению только в 1-й подгруппе у 4 врачей (3,2%). Наследственная отягощенность по алкоголизму была у 1 врача (0,8%) 1-й подгруппы.

Мотивацией для первой пробы курения женщин 1-й подгруппы чаще всего являлись любопытство, желание поддержать компанию. Во 2-й подгруппе преобладало любопытство. Женщины – врачи терапевтического профиля – стали систематически курить с 21,1 года, а психиатры-наркологи – с 18 лет. В 1-й подгруппе меньше 5 сигарет в сутки курили 2 врача (1,6%), от 5 до 10 сигарет – 5 врачей (3,9%), от 15 до 30 сигарет – 1 врач (0,8%). Во 2-й подгруппе от 15 до 30 сигарет в сутки курили 3 врача (18,8%). Мотивами при систематическом курении в 1-й подгруппе были: стресс – у 3 врачей (2,4%), сниженное настроение – у 2 врачей (1,6%), конфликты – у 3 врачей (2,4%). Мотивами при систематическом курении во 2-й подгруппе были: стресс – у 2 врачей (12,5%), сниженное настроение – у 1 врача (6,3%). Тягу к курению позже осознали врачи 2-й подгруппы – в среднем в 25 лет, в 1-й подгруппе – в 24,33 года.

Психический компонент патологического влечения к табаку (неусидчивость, раздражительность, слабость, тревога, беспокойство) был у 3 врачей 1-й подгруппы (2,4%) и 3 врачей 2-й подгруппы (18,75%). Идеаторный компонент влечения к табаку в виде мыслей, воспоминаний, представлений о курении был выявлен только в 1-й подгруппе (5 врачей – 3,94%). Первую утреннюю сигарету сразу после пробуждения натошак выкуривал 1 врач (0,8%) 1-й подгруппы и 2 врача (12,5%) 2-й подгруппы. Через 1–4 часа

после пробуждения начинали курить 7 врачей (5,5 %) 1-й подгруппы и 1 врач (6,25 %) 2-й подгруппы.

В табачном абстинентном синдроме преобладали аффективные нарушения: раздражительность – у 4 врачей (3,2 %) 1-й подгруппы и 3 врачей (18,75 %) 2-й подгруппы, тревога – у 2 врачей (1,6 %) 1-й подгруппы и 1 врача (6,25 %) 2-й подгруппы. Только у женщин 1-й подгруппы отмечалось непреодолимое желание курить (2 врача – 1,6 %) и нарушение концентрации внимания (1 врач – 0,8 %).

Потребление табака является одним из регулируемых факторов риска для здоровья. Общеизвестно, что искоренение курения – одна из наиболее эффективных мер оздоровления. Полученные данные по особенностям табакокурения у врачей психиатров-наркологов, которые являются группой риска среди врачей по табачной зависимости, можно использовать при разработке лечебных и профилактических программ, так как курение не только приносит вред собственному здоровью медицинских работников, но и ведет к отрицательным последствиям для их больных и населения.

Библиографический список

1. Александров А. А., Шальнова С. А., Деев А. Д. и др. Распространенность курения у врачей Москвы // Вопросы наркологии. – М., 2001. – № 3. – С. 67–71.
2. Волкова Е. В., Кислов А. И. Особенности табакокурения у врачей (распространенность, клиника, гендерные аспекты) : метод. рекомендации, ПИУВ. – Пенза, 2012. – 33 с.
3. Герасименко Н. Ф., Заридзе Д. Г., Сахарова Г. М. Здоровье или табак. Цифры и факты. – М., 2007. – 80 с.
4. Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака (GATS). – Российская Федерация. – М., 2009. – 316 с.
5. Говорин Н. В., Бодагова Е. А. Психическое здоровье и качество жизни врачей. – Томск, Чита, 2013. – 124 с.
6. Кислов А. И., Волкова Е. В. Особенности распространенности и клиники табако-

курения среди врачей терапевтического и хирургического профилей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 130–137.

7. Кислов А. И., Волкова Е. В. Гендерные особенности табакокурения среди врачей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 123–132.
8. Левшин В. Ф., Шутикова Н. В. Курение среди медицинских работников // Проблемы управления здравоохранением. – 2003. – № 6. – С. 87–90.
9. Максимова Т. М. Состояние здоровья и проблемы медицинского обеспечения работников здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2000. – № 3. – С. 14–19.
10. Савина М. И. Проблема тютюнопаління : віковий та статевий аспекти // Матеріали конференції «Сучасні підходи до профілактики тютюнокуріння, алкоголізму, наркоманії та СНІДУ». – К., 2003. – С. 4–41.
11. Сахарова Г. М., Антонов Н. С. Оказание помощи по отказу от табака в терапевтической практике : учеб. пособие. – М., 2010. – 58 с.
12. Файтельсон-Левина Т. В., Дзизинский А. А., Краснова Ю. Н. Распространенность табакокурения среди медицинских работников Иркутской области // Сибирский медицинский журнал. – 2008. – № 8. – С. 32–35.
13. Building blocks for tobacco control. WHO tobacco free initiative, 2004. – P. 285.
14. Global programme on evidence for health policy. WHO : world health report, 2002.
15. Peto R., Lopez A. D., Boreham J., Thun M. Mortality from smoking in developed countries 1950–2000. 2 edition, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.deathsfromsmoking.net.
16. WHO Technical Report Series 862. Hypertension Control Report of a WHO Expert Committee. – Geneva, 1996. – P. 24–31.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksandrov A. A., Shalnova S. A., Deev A. D. i dr. Rasprostranennost kureniya u vrachey Moskvyi // Voprosyi narkologii. – M., 2001. – № 3. – S. 67–71.
2. Volkova E. V., Kislov A. I. Osobennosti tabakokureniya u vrachey (rasprostranennost, klinika, gendernye aspekty) : metod. rekomendatsii, PIUV. – Penza, 2012. – 33 s.

3. Gerasimenko N. F., Zaridze D. G., Saharova G. M. Zdorove ili tabak. Tsifry i fakty. – M., 2007. – 80 s.
4. Globalniy opros vzroslogo naseleniya o potreblenii tabaka (GATS). – Rossiyskaya Federatsiya. – M., 2009. – 316 s.
5. Govorin N. V., Bodagova E. A. Psihicheskoe zdorove i kachestvo zhizni vrachey. – Tomsk, Chita, 2013. – 124 s.
6. Kislov A. I., Volkova E. V. Osobennosti rasprostranennosti i kliniki tabakokureniya sredi vrachey terapevticheskogo i hirurgicheskogo profilya // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Meditsinskie nauki. – 2012. – № 1 (21). – S. 130–137.
7. Kislov A. I., Volkova E. V. Gendernyye osobennosti tabakokureniya sredi vrachey // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Meditsinskie nauki. – 2013. – № 2 (26). – S. 123–132.
8. Levshin V. F., Shutikova N. V. Kurenie sredi meditsinskih rabotnikov // Problemy upravleniya zdavoohraneniem. – 2003. – № 6. – S. 87–90.
9. Maksimova T. M. Sostoyanie zdorovya i problemy meditsinskogo obespecheniya rabotnikov zdavoohraneniya // Problemy sotsialnoy gigeny, zdavoohraneniya i istorii meditsiny. – 2000. – № 3. – С. 14–19.
10. Savina M. I. Problema tyutyunopalInnya : vIkoviy ta stateviy aspekti // Materiali konferentsiyi “Suchasni pidhodi do proflaktiki tyutyunokurInnya, alkogolizmu, narkomaniyi ta SNIDU”. – K., 2003. – S. 4–41.
11. Saharova G. M., Antonov N. S. Okazanie pomoschi po otkazu ot tabaka v terapevticheskoy praktike : ucheb. posobie. – M., 2010. – 58 s.
12. Faytelson-Levina T. V., Dzizinskiy A. A., Krasnova Yu. N. Rasprostranennost tabakokureniya sredi meditsinskih rabotnikov Irkutskoy oblasti // Sibirskiy meditsinskiy zhurnal. – 2008. – № 8. – S. 32–35.
13. Building blocks for tobacco control. WHO tobacco free initiative, 2004. – P. 285.
14. Global programme on evidence for health policy. WHO : world health report, 2002.
15. Peto R., Lopez A. D., Boreham J., Thun M. Mortality from smoking in developed countries 1950–2000. 2 edition, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.deathsfromsmoking.net.
16. WHO Technical Report Series 862. Hypertension Control Report of a WHO Expert Committee. – Geneva, 1996. – P. 24–31.

© Волкова Е. В., Уткин Ю. А.,
Адмаева С. В., Амплеев А. К., 2015

Psychologické vědy

УДК 330.16

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

Н. В. Анненкова *Кандидат психологических наук, доцент,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

DYNAMICS OF FORMATION OF THE STUDENTS' PERSONAL SOCIAL RESPONSIBILITY

N. V. Annenkova *Candidate of Psychological Sciences,
assistant professor,
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Summary. Results of the research of the formation of the students' personal social responsibility are presented in the article. Three components of the social responsibility, such as the attitude «towards another», the relation to the company, the relation to society are described. As a component of the personal social responsibility, the attitude «towards another» correlates with examinees' ages and has transformation of the social responsibility from formal to real.

Keywords: social responsibility; personal social responsibility; attitude towards another; relation to the company; relation to society.

Социальная ответственность, по сути своей, является нравственной и этико-психологической категорией. Первоначально проблема ответственности человека за свои поступки и решения перед самим собой и окружением поднималась в философских работах. Вопрос развития социальной ответственности личности приобретает в последние годы особую актуальность, многие страны ставят своей задачей развитие социально ответственного поколения, проводя исследования оптимизации данного процесса.

Исследователи выделяют несколько уровней, в рамках которых осуществляется социальная ответственность. К субъективному уровню относятся ценности, цели и мотивы индивидуума. В тоже время социально ориентированная деятельность основана на общем принципе уважения к человеку, на гуманизме. При этом другой человек воспринимается и рассматривается как ценность. Личностный (психологический) уровень социально ответственного поведения представлен аффективно-волевой сферой и иерархией личностных смыслов. Доброволь-

ность и инициативный характер ответственного поведения отличают его от иных форм поведения. Для реализации волевого усилия, связанного с принятием на себя ответственности, решающую роль оказывает система личностных смыслов [4].

Возможные отношения индивидуума к феномену социальной ответственности можно выразить следующими позициями, которые нашли отражение в ряде исследований [3, 4]:

1) единственная ответственность, стоящая перед бизнесом – это увеличение прибыли для акционеров;

2) бизнес должен делать максимально доступный вклад в решение общественных проблем, повышение качества жизни, а также в сохранение окружающей среды;

3) социальная ответственность бизнеса сокращает долгосрочные потери прибыли, создавая в долгосрочной перспективе благоприятное социальное окружение.

Ряд исследователей соотносят уровни корпоративной и личной социальной ответственности. Так, Блэкман с коллегами выделили виды мотивов корпоративной и личной социальной ответственности [6], в том числе по отношению к индивидууму, показав, что реализация социальной ответственности компании напрямую зависит от особенностей и личных мотивов людей, принимающих решения о реализации тех или иных социальных программ.

Для диагностики социальной ответственности нами была использована «Методика оценки личной социальной ответственности» Н. В. Анненковой [1, 2], позволяющая оценить личную социальную ответственность индивидуума по отношению к «другому», компании и обществу. В ней представлено 7 проблемных ситуаций, к каждой из которых предлагается три высказывания, отражающие возможные отношения индивидуума к феномену социальной

ответственности, которые были обозначены ранее:

1) ориентация бизнеса исключительно на увеличение прибыли для своих акционеров;

2) ориентация бизнеса на повышение качества жизни граждан и сообщества, сохранение окружающей среды и решение общественных проблем;

3) социальная ответственность, как долгосрочная инвестиция – это долгосрочные инвестиции, при которых создается благоприятное социальное окружение, сокращая, таким образом, потери прибыли в долгосрочной перспективе.

В исследовании приняли участие 121 студент Финансового университета при Правительстве РФ и 50 государственных служащих и людей, получающих второе высшее образование.

На основании полученных данных можно говорить о том, что при оценке общего уровня социальной ответственности 72% студентов соответствуют среднему уровню личной социальной ответственности и 27% высокому, в то время как среди работающих людей с законченным высшим образованием 50% испытуемых можно отнести к среднему уровню социальной ответственности и 36% к высокому. Интересные данные получены при анализе результатов по шкале я – другой: 68% студентов Финансового университета демонстрируют средний уровень социальной ответственности по отношению к другому как к личности и 29% – высокий. В то время как 82% «взрослых» испытуемых имеют высокий уровень личной социальной ответственности, против 9% в среднем и низком уровнях. И, действительно, наблюдается корреляционная зависимость 0,29 ($p \leq 0,01$) между возрастом испытуемых и их уровнем личной социальной ответственности перед «другим», которая проявляется, согласно опроснику, в соблюдении норм и правил, неявно определенных

или неопределенных законодательством (в области этики, экологии, милосердия, сострадания и т. д.), влияющих на качество жизни отдельных людей, например, в готовности поддержать инициативу сотрудника о перечислении месячной премии в пользу детскому дому.

Таким образом, общий уровень личной социальной ответственности, по-видимому, имеет тенденцию повышаться с возрастом, что определяется реально сложившимися в обществе структурой и характером социальных отношений. Такой компонент личной социальной ответственности как я – другой, напрямую связанный с превращением социальной ответственности из формальной в реальную, придает ей интересубъектный характер, коррелирует с увеличением возраста испытуемых.

Библиографический список

1. Анненкова Н. В., Камнева Е. В., Буянова С. М. Личностные характеристики индивидуальной социальной ответственности // Акмеология. 2012. – № S-2. – С. 23.
2. Анненкова Н. В., Камнева Е. В. Взаимосвязь карьерных ориентаций студентов с личной социальной ответственностью // Акмеология. Научно-практический журнал. – 2013. – № 3 (47). – С. 113.
3. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. – М.: Институт психол. РАН, 2003.
4. Мужичкова Ю. Е., Коробанова Ж. В. Истоки и механизмы социальной ответственности бизнеса: междисциплинарный подход //

Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 1. – С. 67–74.

5. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект: монография / под общ. ред. д. э. н., проф. И. Ю. Беляевой, д. э. н., проф. М. А. Эскиндарова. – М.: КНОРУС, 2008.
6. Blackman D., Kennedy M., Quazi A. Corporate social responsibility and individual resistance: learning as the missing link in implementation. Management Learning, DOI: 10.1177/1350507612444392 (May 2012), 1–16.

Bibliograficheskiy spisok

1. Annenkova N. V., Kamneva E. V., Buyanova S. M. Lichnostnyie harakteristiki individualnoy sotsialnoy otvetstvennosti // Akmeologiya. 2012. – № S-2. – S. 23.
2. Annenkova N. V., Kamneva E. V. Vzaimosvyaz karernyih orientatsiy studentov s lichnoy sotsialnoy otvetstvennostyu // Akmeologiya. Nauchno-prakticheskiy zhurnal. – 2013. – № 3 (47). – S. 113.
3. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. Nравstvenno-psihologicheskaya regulyatsiya ekonomicheskoy aktivnosti. – М.: Institut psihol. RAN, 2003.
4. Muzhichkova Yu. E., Korobanova Zh. V. Istoki i mehanizmyi sotsialnoy otvestvennosti biznesa: mezhdistsiplinarnyy podhod // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2013. – № 1. – S. 67–74.
5. Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost: upravlencheskiy aspekt: monografiya / pod obsch. red. d. e. n., prof. I. Yu. Belyaevoy, d. e. n., prof. M. A. Eskindarova. – М.: KNORUS, 2008.
6. Blackman D., Kennedy M., Quazi A. Corporate social responsibility and individual resistance: learning as the missing link in implementation. Management Learning, DOI: 10.1177/1350507612444392 (May 2012), 1–16.

© Анненкова Н. В., 2015

УДК 159.9

**ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕХАНИЗМОВ СОВЛАДАНИЯ
СО СТРЕССОМ И ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ СТУДЕНТОВ**

Е. В. Камнева

*Кандидат психологических наук, доцент,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

**RELATIONSHIP COPING MECHANISMS
AND PERSONALITY TRAITS OF STUDENTS**

E. V. Kamneva

*Candidate of Psychological Sciences,
assistant professor,
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Summary. In the article special attention is paid to consideration of psychological adaptation of first-year students in a situation of stress caused by the transition from school to College, a change in lifestyle, working conditions and recreation, and describes active and passive ways of coping with stress. A comparison of the behavior manifestations of psychological protection and coping mechanisms. The study revealed that in situations of conflict the most commonly used projection, rationalization, compensation, and regression, as well as passive and antisocial coping strategies. As a result of the conducted research it is noted that the relationship of personality traits and psychological protection and coping strategies is a complex, multifaceted structure.

Keywords: psychological protection; coping strategies; regression; projection; asocial strategy; a self-assessment; dominance.

Поступление в институт, являясь радостным событием для молодого человека, изменяет условия его жизни. Студент первого курса непременно испытывает трудности, вызывающие фрустрацию и стресс, уровень которых определяют различные факторы. Переход от учебы в школе к учебе в вузе, изменение стиля жизни, условий труда и отдыха, режима дня делает первокурсников более уязвимыми перед различными стрессорами и подверженными значительному влиянию стресса. Ряд авторов, исследовавших состояние стресса в студенческом возрасте, обращают внимание на то, что стресс – «норма» студенческого периода жизни [5–7; 9]. Поэтому важной

задачей является изучение факторов совладания со стрессом в данном возрасте.

Психологическая адаптация в ситуации стресса происходит в основном за счет механизмов психологической защиты и копинг-поведения.

Если психологические защиты в поведении представлены как типичные формы реагирования (причем чем обширнее комплекс таких форм реагирования, тем стиль поведения личности будет более адаптивен, тем личность будет более стрессоустойчивой, тем менее она ограничена рамками ситуационной специфичности), то копинг-поведение рассматривается как стратегии действий, которые

личность предпринимает в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию, реализуемых в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах, и которые приводят к успешной либо менее успешной адаптации.

Причем, если процессы компенсации и особенно психологические защиты направлены на ослабление психического дискомфорта, то механизмы совладания – на активное изменение ситуации и удовлетворение существенных потребностей [1]. Психологические защиты, являясь неосознаваемыми и пассивными, значительно искажая реальность, направлены вовнутрь – на снижение тревоги. Отличие копинг-механизмов, представляющих собой механизмы активного совладания с ситуацией, в том, что они сравнительно адекватно воспроизводят реальность и направлены на активное ее преобразование [1].

Также, если человек может применять копинг-механизмы сознательно, выбирать и изменять в зависимости от ситуации, то действие психологических защит индивидом не осознается. В случае закрепления защиты становятся дезадаптивными [3; 4; 8].

Следовательно, психологическая защита и копинг основаны на тождественных процессах, но отличаются полярностью направленности – или на продуктивную, или на слабую адаптацию. В случае если требования изменившейся ситуации непосильны для личности, копинг может принять форму защиты, которая позволит уменьшить или устранить психотравму за счет искажения или исключения действительности.

Механизмы защиты, склонные к более быстрому уменьшению тревоги и эмоционального напряжения, функционируют по принципу «здесь

и теперь». Механизмы совладания являются более пластичными, но требующими от индивида больших затрат энергии и когнитивных, эмоциональных и поведенческих усилий.

Цель осуществляемой работы – выявление взаимосвязи механизмов совладания и личностных свойств студентов. В исследовании приняли участие 60 студентов первого курса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, из них 30 девушек и 30 юношей в возрасте 16–18 лет. В исследовании применялись такие методики, как опросник SACS – «Стратегии преодолевающего поведения», 16-факторный личностный опросник Кеттелла, форма С и опросник «Индекс жизненного стиля».

Согласно результатам исследования, в ситуациях реального внешнего конфликта наиболее часто задействованы такие психологические защиты, как проекция (80 % респондентов), рационализация (75 %), компенсация (58 %), регрессия (47 %).

Следует также отметить, что у значительной части респондентов выявлена высокая степень выраженности пассивной (78 %) и асоциальной (57 %) стратегий преодоления.

В результате проведенного факторного анализа было выделено 3 фактора. В состав первого из них с положительными знаками вошли такие показатели шкал, как непрямые (или манипулятивные) действия, асоциальные действия, регрессия, факторы *N* «прямолинейность – дипломатичность», а с отрицательным знаком – показатели фактора *MD* «адекватная самооценка – неадекватная самооценка». Таким образом, первый фактор можно условно назвать «Самоуверенный прямолинейный тип». Респонденты, обладающие прямолинейностью, непосредственностью,

не умеющие анализировать мотивы окружающих, импульсивные и самодовольные, переоценивающие свои возможности, предпочитают асоциальные и / или манипулятивные действия, в ситуациях, когда данные стратегии не позволяют эффективно справиться с проблемами, запускается механизм регрессии. Второй фактор представлен отрицанием, фактором E «подчиненность – доминантность» с положительными знаками и с отрицательным знаком – фактором Q_4 («расслабленность – напряженность»). Этот фактор условно назван «Доминантный напряженный тип», для которого характерно проявление формы защиты, позволяющей уменьшить или устранить тревогу за счет отрицания действительности. В состав третьего фактора вошли факторы A и Q_2 . Сюда не вошли механизмы совладания, и это чисто личностный фактор.

Для того чтобы полнее выявить характер взаимосвязи между показателями, которые вошли в первый фактор со значимыми весами, эти показатели были использованы во множественном регрессионном анализе. Согласно полученному регрессионному уравнению, асоциальные действия в наибольшей степени детерминированы доминантностью, экспрессивностью, выраженностью замещения, смелостью, конкретным мышлением, затем ассертивными и агрессивными действиями.

Таким образом, взаимосвязь личностных свойств с психологическими защитами и копинг-стратегиями имеет сложную многостороннюю структуру.

Библиографический список

1. Алексеева Д. А., Карвасарский Б. Д., Ташлыков В. А., Якубзон А. М. Основные типы психологической дезадаптации у бывших воинов-интернационалистов. Психологи-

ческая диагностика и психотерапия: метод. рекомендации. – Л.: Изд. института им. В. М. Бехтерева, 1990. – 18 с.

2. Буянова С. М. Исследование представлений о себе посредством самоописаний в юношеском возрасте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3–1. – С. 249–256.
3. Камнева Е. В., Анненкова Н. В., Губарев А. Е. Факторы стрессоустойчивости студентов финансового вуза // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста: сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. – М.: Спутник+, 2014. – С. 20–25.
4. Камнева Е. В., Анненкова Н. В., Ширванов А. А. Стратегии совладающего поведения студентов с разным уровнем субъективного локуса контроля // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений: материалы Всероссийской научной конференции. – М.: Спутник+, 2014. – С. 191–195.
5. Киселева М. А. и др. Антиципация жизненного пути и социальное самочувствие молодого поколения. – Саратов, 2009. – 122 с.
6. Коробанова Ж. В. Психологические барьеры высшего образования и подготовки кадров как барьер модернизации российской экономики // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. – 2013. – № 1. – С. 73–82.
7. Москова М. В. Личностные факторы эмоциональной дезадаптации студентов в предэкзаменационный период // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 20 (49). – С. 136–141.
8. Набиуллина Р. Р., Тухтарова И. В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция). – Казань, 2003. – 96 с.
9. Полевая М. В. Модернизация системы подготовки кадров для индустрии туризма: автореф. дис. ... д-ра э. н. – М., 2011. – 46 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alekseeva D. A., Karvasarskiy B. D., Tashlyikov V. A., Yakubzon A. M. Osnovnyie tipy psihologicheskoy dezadaptatsii u byivshih voinov-internationalistov. Psihologicheskaya diagnostika i psihoterapiya: metod. rekomendatsii. – L.: Izd. instituta im. V. M. Behtereva, 1990. – 18 s.

2. Buyanova S. M. Iccledovanie predstavleniy o sebe posredstvom samoopisaniy v yunosheskom vozraste // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2013. – № 3–1. – S. 249–256.
3. Kamneva E. V., Annenkova N. V., Gubarev A. E. Faktoryi stressoustoychivosti studentov finansovogo vuza // Formirovanie obschekulturnykh i professionalnykh kompetentsiy finansista: sbornik nauchnykh trudov studentov, aspirantov i prepodavateley Finansovogo universiteta pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii. – M.: Sputnik, 2014. – S. 20–25.
4. Kamneva E. V., Annenkova N. V., Shirvanov A. A. Strategii sovladayushchego povedeniya studentov s raznyim urovnem sub'ektivnogo lokusa kontrolya // Ekonomicheskaya psihologiya i povedencheskaya ekonomika v usloviyah globalnykh sotsialnykh i ekonomicheskikh izmeneniy: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. – M.: Sputnik, 2014. – S. 191–195.
5. Kiseleva M. A. i dr. Antitsipatsiya zhiznennogo puti i sotsialnoe samochuvstvie molodogo pokoleniya. – Saratov, 2009. – 122 s.
6. Korobanova Zh. V. Psihologicheskie bareryi vysshego obrazovaniya i podgotovki kadrov kak barer modernizatsii rossiyskoy ekonomiki // Aktualnyye problemy i perspektivy razvitiya sovremennoy psihologii. – 2013. – № 1. – S. 73–82.
7. Moskova M. V. Lichnostnyye faktoryi emotsionalnoy dezadaptatsii studentov v predekszamenatsionnyy period // Izvestiya RGPU imeni A. I. Gertsena. Aspirantskie tetradi. – 2007. – № 20 (49). – S. 136–141.
8. Nabiullina R. R., Tuhtarova I. V. Mehanizmyi psihologicheskoy zaschity i sovladaniya so stressom (opredelenie, struktura, funktsii, vidy, psihoterapevticheskaya korrektsiya). – Kazan, 2003. – 96 s.
9. Polevaya M. V. Modernizatsiya sistemiy podgotovki kadrov dlya industrii turizma: avtoref. dis. ... d-ra e. n. – M., 2011. – 46 s.

© Камнева Е. В., 2015

Sociální vědy

УДК 314.144:314.48

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РОССИИ КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

А. А. Шабунова
О. Н. Калачикова
А. В. Короленько

*Доктор экономических наук, доцент,
кандидат экономических наук,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического
развития территорий Российской академии наук,
г. Вологда, Россия*

LIFE EXPECTANCY IN RUSSIA AS AN INDICATOR OF THE PUBLIC HEALTH

A. A. Shabunova
O. N. Kalachikova
A. V. Korolenko

*Doctor of Economic Sciences,
assistant professor,
candidate of Economic Sciences,
researcher,
Institute of Socio-economic
Development of Territories of Russian Academy
of Sciences, Vologda, Russia*

Summary. The article presents the analysis of the major trends in the dynamics of the life expectancy of the population of Russia as an integral indicator of public health compared to the same period in the world and in the developed countries. The authors found the series of its characteristics: in the presence of the positive dynamics of the indicators retained the backlog from EU states, as well as a significant difference in the life expectancy of Russian men and women (12 years). It is explained by high rates of infant mortality and mortality of the working-age population. There were identified two areas of activity, given identified trends, which, according to the authors, will help to increase the life expectancy of the Russian population: strengthening the reproductive health and improving the efficiency of mortality prevention.

Keywords: life expectancy at birth; healthy life expectancy at birth; infant mortality; mortality of the working-age population; developed countries; regions of Russia.

Основным глобальным индикатором, характеризующим состояние здоровья населения и качество его жизни, отражающим успешность действий в области охраны и укрепления здоровья населения, традиционно считается ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). Показатель ОПЖ показывает, сколько лет может прожить новорожденный при сложив-

шемся уровне возрастной смертности в конкретном году, для которого выполнен расчет [5, с. 127]. Расчет ОПЖ производится по специальным математическим таблицам дожития, которые являются эмпирической моделью типа и параметров смертности населения, существующих на определенную календарную дату. Они показывают, как бы мирало бы некоторое гипотетическое

поколение одновременно родившихся при условии сохранения на протяжении всей жизни этого поколения повозрастных показателей смертности на том же уровне, который имел место на дату составления таблицы. Таким образом, таблицы ожидаемой продолжительности жизни представляют собой математическую модель процесса естественного убывания поколения сверстников с возрастом [1, с. 23].

По данным последнего ежегодного доклада ВОЗ «Мировая статистика здравоохранения» [14] в 2012 г. общемировой показатель ожидаемой продолжительности жизни составил 68,1 лет для мужчин и 72,7 лет для женщин. Причём существенными являются

различия в величине ОПЖ стран с высоким и низким уровнем доходов: так, у мужчин этот разрыв составил 15,6 лет, у женщин – 18,9 лет. В 10 странах-лидерах по уровню ОПЖ женщин самый высокий показатель зафиксирован в Японии – 87 лет, за ней следуют Испания, Швейцария и Сингапур. В десятку государств с максимальной ОПЖ мужчин попали Швейцария, Австралия, Израиль, Сингапур, Новая Зеландия и др., возглавила этот список Исландия (81,2 лет) (табл. 1). В то же время в России в 2012 г. ожидаемая продолжительность жизни была существенно ниже показателей мировых лидеров: среди мужчин её уровень достиг лишь 63 лет, среди женщин – 75.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении среди мужчин и женщин в 10 странах мира в 2012 г.*

Мужчины			Женщины		
Ранг	Страна	ОПЖ	Ранг	Страна	ОПЖ
1	Исландия	81,2	1	Япония	87,0
2	Швейцария	80,7	2	Испания	85,1
3	Австралия	80,5	3	Швейцария	85,1
4	Израиль	80,2	4	Сингапур	85,1
5	Сингапур	80,2	5	Италия	85,0
6	Новая Зеландия	80,2	6	Франция	84,9
7	Италия	80,2	7	Австралия	84,6
8	Япония	80,0	8	Республика Корея	84,6
9	Швеция	80,0	9	Люксембург	84,1
10	Люксембург	79,7	10	Португалия	84,0

Примечание. *Страны с численностью населения менее 250 000 человек не учтены из-за неопределенности в оценках ожидаемой продолжительности жизни [14, с. 43].

Говоря о динамике ОПЖ населения, стоит отметить, что с 1960 по 2013 гг. ее показатель в мире вырос на 18 лет, в странах Евросоюза – на 11 лет, достигнув 71 года и 80 лет

соответственно. Причём наиболее значительный рост продолжительности жизни наблюдался до начала 2000-х гг., после чего его темпы несколько снизились (рис. 1).

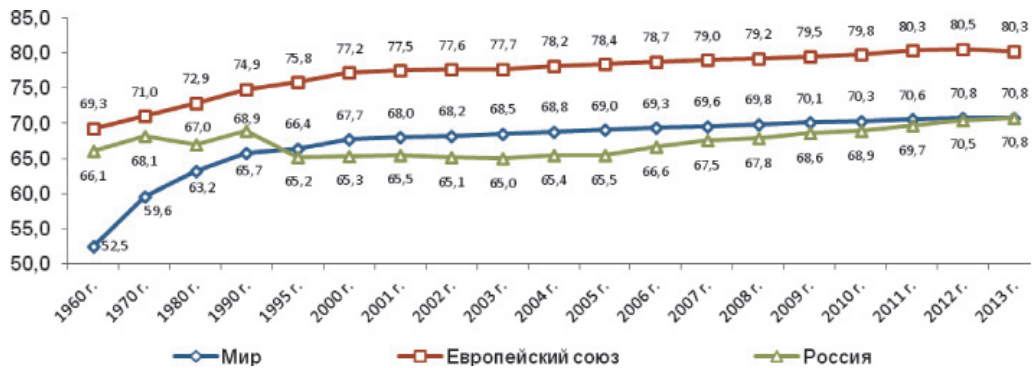

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в мире, странах ЕС и России в 1960–2013 гг. (лет). Источники: [11, 12]

За период 1960–2013 гг. ОПЖ населения в России выросла не столь значительно – на 5 лет. В отличие от большинства развитых стран мира, где на протяжении последних десятилетий ожидаемая продолжительность жизни устойчиво и довольно быстро повышалась, в нашей стране ее уровень заметно варьировался: снижение приходилось в основном на периоды серьезных финансовых и социально-экономических потрясений. Минимального значения уровень ОПЖ достиг в 1994 г. – 64 года. Начиная с 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни населения росла и

к 2013 г. составила 70,8 года, что сравнимо со среднемировым показателем и ниже аналогичного в странах Евросоюза почти на 10 лет (рис. 1).

Говоря о гендерных различиях в уровне ОПЖ, стоит отметить, что расхождение в данном показателе у мужчин и женщин России в среднем за рассматриваемый временной промежуток составляло 12 лет, тогда как в мире и странах Евросоюза он держался на отметке 4–6 лет. Наибольший разрыв в уровне продолжительности жизни мужчин и женщин нашей страны пришёлся на 1995 г. (14,3 лет) (рис. 2).

Рис. 2. Гендерный разрыв в ОПЖ в мире, странах ЕС и России в 1960–2013 гг.* (лет). *Рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка и Европейского бюро по проблемам народонаселения. Источники: [11, 12]

Таблица 2
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения
в ведущих развитых странах мира в 2000 и 2013 гг. (лет)

Регионы	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет								
	2000 г.			2013 г.			Изменение 2012 к 2000 гг., лет		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Мир	56	60	58	60	64	62	4	4	4
США	66	70	68	68	71	69	2	1	1
Англия	67	70	69	69	72	71	2	2	2
Швеция	69	72	70	70	73	72	1	1	2
Канада	69	72	70	71	73	72	2	1	2
Дания	66	70	68	69	71	70	3	1	2
Норвегия	67	71	69	69	72	71	2	1	2
Франция	67	72	69	69	74	72	2	2	3
Италия	68	72	70	71	74	73	3	2	3
Германия	67	71	69	69	73	71	2	2	2
Япония	71	76	73	72	78	75	1	2	2
Россия	54	63	58	55	66	61	1	3	3

Примечание. Источник: [13].

По уровню ожидаемой продолжительности здоровой жизни¹ отставание России от ведущих развитых государств мира ещё значительнее – более чем на 10 лет, гендерный разрыв в её величине выше в 2–3 раза (9 лет против 3–5) (табл. 2).

В ходе анализа динамики ожидаемой продолжительности жизни населения макрорегионов Российской Федерации было установлено, что за период с 1990 по 2013 гг. данный показатель вырос во всех федеральных образованиях. Наибольшего значения в 2013 г. ОПЖ достигла в Северо-Кавказском федеральном округе (74 года), среди регионов – в Республике Ингушетия (78,8 лет). Самый низкий уровень ОПЖ

¹ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (Healthy life expectancy at birth) – это число лет, которые предстоит прожить человеку без ограничений жизнедеятельности из-за болезней или инвалидности.

был зафиксирован в Дальневосточном федеральном округе (67,8 лет) и в Республике Тыва (61,8 лет) [7]. Таким образом, разрыв в продолжительности жизни разных субъектов РФ доходит до 17 лет. Подобные различия обусловлены вариациями социально-экономических, природно-климатических и культурно-этнических факторов [5, с. 129].

Согласно методике расчёта показателя ОПЖ на основе таблиц смертности [1, с. 23], значительный вклад в её формирование вносит младенческая смертность. Говоря о динамике данного показателя, стоит отметить, что за период с 1960 по 2013 гг. в России он снизился в 4 раза. На протяжении всего рассматриваемого периода превышение уровня младенческой смертности в стране по сравнению с государствами Евросоюза сократилось с 3-х до 2-х раз (рис. 3).

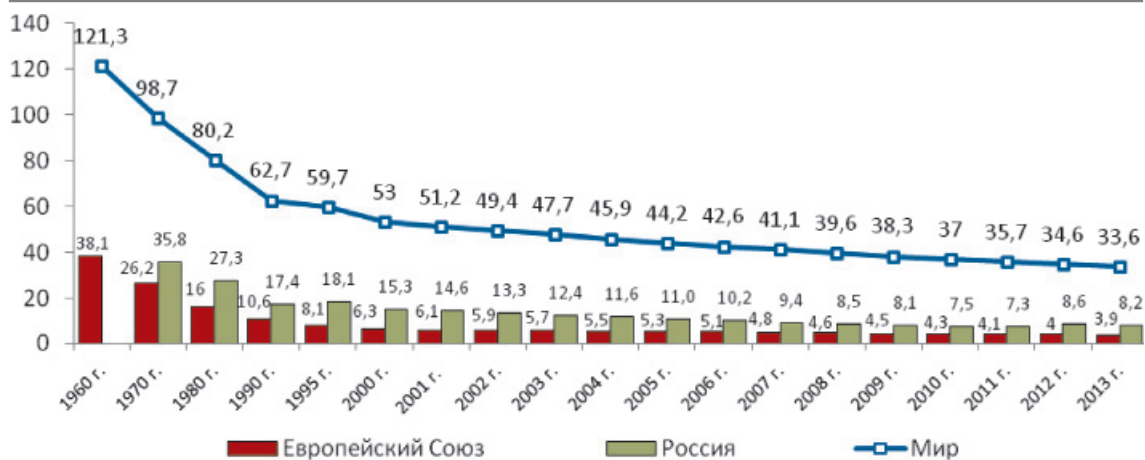

Рис. 3. Динамика коэффициента младенческой смертности в мире, странах ЕС и России в 1960–2013 гг. (умерших на первом году жизни на 1 тыс. родившихся живыми). Источники: [11, 12]

Но при более детальном рассмотрении наблюдаемые успехи кажутся не такими значительными. Так, в 2012 г. уровень младенческой смертности вырос на 18% по сравнению с 2011 г. Такой рост показателя связан с переходом России с апреля 2012 г. на использование нового определения мертворождения [3, с. 280], приблизившего нашу страну к критериям живорождения ВОЗ. В рейтинге стран мира по уровню младенческой смертности 2014 г. [10] Российская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, располагаясь «по соседству» с Чили и Кувейтом.

Кроме младенческой смертности существенный вклад в ожидаемую продолжительность жизни вносит смертность взрослого, главным образом трудоспособного населения. Одной из ключевых характеристик российской модели смертности является сверхсмертность трудоспособного населения (особенно мужского) по сравнению с развитыми странами мира [9, с. 87]. Так, за период с 1960 по 2012 гг. в боль-

шинстве развитых государств данный показатель и среди мужчин, и среди женщин сократился в 2 и более раза, тогда как в России у женщин он не изменился, а у мужчин вырос на 22%.

В 2012 г. уровень смертности мужчин трудоспособного возраста в России в 4 раза превышал аналогичный в развитых странах мира, общемировой – в 2 раза. Показатель смертности женщин данной категории в нашей стране несколько ниже мирового, но превышает средний по экономически развитым странам (в 2,6 раза) (табл. 3).

По причине преждевременной смертности население России ежегодно теряет около 11 лет потенциально возможной жизни, что больше аналогичного показателя в государствах СНГ (10 лет) и Евросоюза (4 года). При этом потери лет жизни мужского населения нашей страны превышают потери женского в 2,5 раза, тогда как в ЕС этот разрыв ниже и составляет 1,7 раза. Кроме того, в европейских странах наблюдается более значительное сокращение потерь от преждевременной смертности по сравнению с общероссийскими (табл. 4).

Таблица 3

Динамика смертности трудоспособного населения (в возрасте 15–60 лет)
в ведущих развитых странах мира в 1960–2012 гг.
(умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного населения)

Страны	1960 г.		1970 г.		1980 г.		1990 г.		2000 г.		2012 г.		2012 к ..., %			
													1960 г.		2000 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Мир	383	298	283	225	254	184	232	161	220	152	194	138	50,7	46,3	88,2	90,8
США	233	131	237	128	195	103	172	91	144	83	130	77	55,8	58,8	90,3	92,8
Англия	186	109	180	107	162	97	129	78	108	68	90	56	48,4	51,4	83,3	82,4
Швеция	141	95	140	84	142	76	114	66	87	56	68	44	48,2	46,3	78,2	78,6
Канада	193	110	187	103	164	86	127	70	101	61	68	52	35,2	47,3	67,3	85,2
Дания	151	106	159	104	167	106	155	101	126	79	102	61	67,5	57,5	81,0	77,2
Норвегия	142	82	158	76	146	67	132	68	107	61	73	44	51,4	53,7	68,2	72,1
Франция	217	115	204	101	196	85	168	69	138	61	109	52	50,2	45,2	79,0	85,2
Италия	189	109	176	95	165	77	131	61	101	51	70	39	37,0	35,8	69,3	76,5
Германия	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	158	77	124	63	94	50	–	–	75,8	79,4
Япония	217	149	173	104	130	69	109	53	98	48	82	43	37,8	28,9	83,7	89,6
Россия	277	127	313	123	362	135	316	116	443	159	339	127	122,4	100,0	76,5	79,9

Примечание. Источник: [12].

Таблица 4

Снижение ожидаемой продолжительности жизни
до 65 лет из-за преждевременной смертности (лет)*

Страны	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 к 1990 г., %
Россия	10,41	13,17	13,28	10,77	103,5
Мужчины	13,31	16,91	17,02	13,89	104,4
Женщины	6,48	7,83	7,99	5,56	85,8
Страны ЕС	6,3	5,25	4,79	4,39	69,7
Мужчины	7,75	6,49	5,94	5,41	69,8
Женщины	4,44	3,7	3,38	3,13	70,5
Страны СНГ	10,26	11,81	11,78	9,9	96,5
Мужчины	12,86	14,99	14,93	12,59	97,9
Женщины	6,85	7,47	7,49	6,41	93,6

Примечание. *Последние данные для России и стран СНГ представлены за 2010 г. Источник: [2].

Известно, что качество общественного здоровья населения формируется и поддерживается совокупностью условий его жизни. Соответственно любые

изменения качества жизни отражаются на ожидаемой продолжительности жизни. Негативные изменения параметров общественного здоровья связаны

с социально-экономическими, производственными, экологическими факторами [8, с. 125].

Взаимосвязь ОПЖ с такими факторами, как смертность населения от внешних причин, производственный травматизм, инвалидность населения, детская и младенческая смертность, делает целесообразной реализацию двух приоритетных направлений повышения ожидаемой продолжительности жизни населения: **укрепление репродуктивного здоровья и повышение эффективности медицинской профилактики**. В Российской Федерации данные вопросы являются ведущими задачами государственных концептуально-стратегических и программных документов: Концепции демографического развития РФ на период до 2025 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности РФ на период до 2020 года, государственной программы РФ «Развитие здравоохранения» на период до 2020 года и приоритетного национального проекта «Здоровье». Остановимся подробнее на каждом из направлений.

Репродуктивные потери вследствие высокой младенческой смертности представляют собой невосполнимую утрату жизненного потенциала популяции «на старте жизни» и являются безвозвратной потерей человеческого капитала – репродуктивного, трудового, интеллектуального, оборонного [6]. Анализ структуры младенческой смертности показывает, что наиболее распространёнными причинами смертности детского населения в возрасте до 1 года являются факторы, тесно связанные со здоровьем родителей (главным образом со здоровьем матери). Так, первые два места в ней занимают отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде (54,5 % случаев),

и врождённые аномалии развития (21 % случаев).

Немаловажное место в подобных тенденциях занимает состояние репродуктивного здоровья населения страны, которое характеризуется ростом заболеваемости по ряду нозологических форм болезней репродуктивной сферы как женщин, так и мужчин, что увеличивает риск возникновения бесплодия, осложнений беременности и родов [8, с. 159].

При этом по данным мониторинга условий формирования здорового поколения² более трети женщин Вологодской области не задумывались о возможных противопоказаниях к зачатию, беременность наступила спонтанно, без подготовки.

Принимая во внимание вышеперечисленные факты, считаем, что приоритетным направлением и одновременно резервом сокращения младенческой смертности в России может служить комплекс мероприятий по улучшению качества репродуктивного здоровья населения, главным образом, касающихся тщательной подготовки будущих родителей не только к рождению, но и к зачатию ребёнка.

Второе направление мероприятий, нацеленных на увеличение продолжительности жизни населения страны, с нашей точки зрения, должно затрагивать вопрос повышения эффективности профилактики смертности трудоспособных граждан.

В рамках указанных направлений целесообразно применять механизмы развития и поддержания положительных установок населения на ведение здорового образа жизни с помощью активного привлечения СМИ, общественных организаций, профсоюзов, органов власти и ведомств к пропаганде ЗОЖ, профилактике саморазрушительных форм поведения у населения.

² ИСЭРТ РАН, 1999–2010, N=800.

Библиографический список

1. Вальчук Э. А., Гулицкая Н. И., Антипов В. В. Заболеваемость населения : методы изучения. – Минск, 2000. – 23 с.
2. Европейская база данных «Здоровье для всех». URL: http://data.euro.who.int/hfadb/shell_ru.html.
3. Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 412 с.
4. Прохоров Б. Б. Динамика социально-экономического реформирования России в медико-демографических показателях // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 5. – С. 124–138.
5. Прохоров Б. Б., Горшкова И. В., Тарасова Е. В. Условия жизни населения и общественное здоровье // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 5. – С. 127–140.
6. Стародубов В. И., Суханова Л. П., Сыченков Ю. Г. Репродуктивные потери как медико-социальная проблема демографического развития России // Социальные аспекты здоровья населения. – 2011. – № 6. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang/ru/>.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>.
8. Шабунова А. А. Здоровье населения России : состояние и динамика. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
9. Шабунова А. А., Шахотко Л. П., Боброва А. Г., Маланичева Н. А. Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2 (20). – С. 83–94.
10. Central Intelligence Agency. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>.
11. Population Reference Bureau. DataFinder. URL: <http://www.prb.org/>.
12. The World Bank. World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>.
13. World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>.
14. World Health Statistics 2014. – World Health Organization, 2014. – 177 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Valchuk E. A., Gulitskaya N. I., Antipov V. V. Zaboлеваemost naseleniya : metody izucheniya. – Minsk, 2000. – 23 s.
2. Evropeyskaya baza dannyih «Zdorove dlya vseh». URL: http://data.euro.who.int/hfadb/shell_ru.html.
3. Naselenie Rossii 2012. Dvadsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad / отв. red. A. G. Vishnevskiy; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M. : Izd. dom Vyishey shkoly ekonomiki, 2014. – 412 s.
4. Prohorov B. B. Dinamika sotsialno-ekonomicheskogo reformirovaniya Rossii v mediko-demograficheskikh pokazatelyah // Problemy prognozirovaniya. – 2006. – № 5. – S. 124–138.
5. Prohorov B. B., Gorshkova I. V., Tarasova E. V. Usloviya zhizni naseleniya i obschestvennoe zdorove // Problemy prognozirovaniya. – 2003. – № 5. – S. 127–140.
6. Starodubov V. I., Suhanova L. P., Syichenkov Yu. G. Reproduktivnyye poteri kak mediko-sotsialnaya problema demograficheskogo razvitiya Rossii // Sotsialnyye aspekty zdorovya naseleniya. – 2011. – № 6. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang/ru/>.
7. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <http://www.gks.ru/>.
8. Shabunova A. A. Zdorove naseleniya Rossii : sostoyanie i dinamika. – Vologda : ISERT RAN, 2010. – 408 s.
9. Shabunova A. A., Shahotko L. P., Bobrova A. G., Malanicheva N. A. Smertnost trudospobnogo naseleniya Rossii i Belarusi kak ugroza demograficheskomu razvitiyu territoriy // Ekonomicheskije i sotsialnyye peremenyi : fakty, tendentsii, prognoz. – 2012. – № 2 (20). – S. 83–94.
10. Central Intelligence Agency. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>.
11. Population Reference Bureau. DataFinder. URL: <http://www.prb.org/>.
12. The World Bank. World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>.
13. World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>.
14. World Health Statistics 2014. – World Health Organization, 2014. – 177 p.

© Шабунова А. А., Калачикова О. Н.,
Короленко А. В., 2015

Akademičký život

ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2015 ГОДУ

Дата	Название
10–11 сентября 2015 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2015 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2015 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2015 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2015 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2015 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2015 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2015 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2015 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2015 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2015 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2015 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2015 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2015 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2015 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2015 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2015 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования

5–6 ноября 2015 г.	Актуальные вопросы социальных исследований социальной работы
7–8 ноября 2015 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2015 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2015 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2015 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2015 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2015 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2015 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2015 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада) 	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста;
- изготовление оригинал-макета;
- дизайн обложки;
- печать мягкой цветной обложки;
- печать тиража в типографии;
- присвоение ISBN;
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату;
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

Paradigmata poznání

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 3, 2015

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaeu

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – V. A. Dorošina
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 09.08.2015.60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 14,63.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz